

PHS / PHS 0131

13 - 14 - 15

3-8

СОЧИНЕНІЯ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Swiat 77
Tel. 26-68-63

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,
ВЪ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ,
СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Приложение къ журналу „Нива“ на 1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание А. Ф. МАРКСА.

1901.

<http://rcin.org.pl>

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

24.137

СОЖЖЕННАЯ МОСКВА.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

НАШЕСТВІЕ НАПОЛЕОНА I.

«—Вотъ башни полудикія Москвы,
Передъ тобой, въ вѣндахъ изъ злата,—
Горять на солидѣ... Но, увы...
То—солнце твоего заката!»

Байронъ (*Бронзовый вѣкъ*).

I.

Никогда въ Москвѣ и въ ея окрестностяхъ такъ не веселились, какъ передъ грознымъ и мрачнымъ двѣнадцатымъ годомъ.

Балы въ городѣ и въ подмосковныхъ помѣстьяхъ смѣнялись балами, катаньями, концертами и маскарадами. Надъ Москвой, этой пристанью и затишьемъ для многихъ, потерпѣвшихъ крушеніе, именитыхъ пловцовъ, какими были Орловы, Зубовы и другіе, въ то время носилось какъ бы вѣяніе крылатаго Амура. Немало любовныхъ приключеній, съ увозами, бѣгствомъ изъ родительскихъ домовъ и дуэлями, разыгралось въ высшемъ и среднемъ обществѣ, гдѣ блистало въ тѣ годы столько замѣчательныхъ, прославленныхъ поэтами красавицъ. Москвичи восторгались ими на четвергахъ у Разумовскихъ, на вторникахъ у Нелединскихъ-Мелецкихъ и въ благородномъ дворянскомъ собраніи, по воскресеньямъ—у Архаровыхъ, въ остальные дни—у Апраксиныхъ, Бутурлиныхъ и другихъ.

Былъ конецъ мая 1812 года.

Песмотря на недавнюю комету и на тревожные и па-стойчивые слухи о вѣроятіи разрыва съ Наполеономъ и о возможности скорой войны,—этой войны не ожидали, и въ обществѣ никто о ней особенно не помышлялъ.

Въ богатомъ московскомъ домѣ шестидесятилѣтней бри-гадирши, княгини Анны Аркадьевны Шелешпанской, у Патріаршихъ прудовъ, былъ многолюдный свѣздъ столич-ныхъ и окрестныхъ гостей. Праздновались крестины перваго правнука Шелешпанской. Прабабку и родителей новорожден-наго привѣтствовали обильными здравицами и пожеланіями всякихъ благъ.

За годъ передъ тѣмъ, въ такой же свѣтлый день апрѣля, въ селѣ Любановѣ, подмосковной княгини, состоялась свадьба ея старшей внучки, веселой и живой Ксеніи Валерьяновны Крамалиной, съ секретаремъ московскаго сената, служив-шимъ и при дирекціи театровъ, Ильей Борисовичемъ Тро-пининымъ. Торжественно празднуя крестины правнука, кня-гиня имѣла и другую причину радости и веселью: ея вто-рая внучка, степенная и гордая Аврора Крамалина, также, повидимому, наконецъ вняла голосу сердца. Въ домѣ кня-гини со дня на день ожидали ея помолвки съ гостившимъ въ отпуску въ Москвѣ «колонновожатымъ» (т.-е. свитскимъ) Васильемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ, который сильно ухаживалъ за Авророй и былъ угоденъ княгинѣ. Базиль Перовскій былъ представленъ Аврорѣ,—на послѣднемъ изъ зимнихъ московскихъ баловъ у Нелединскихъ,—мужемъ ея сестры, Ильей Тропининымъ, своимъ давнимъ пріятелемъ, товарищемъ по пансіону и университету.

Гости княгини начали разъѣзжаться. Уѣхалъ шестери-комъ, цугомъ, старецъ Мордвиновъ, съ распущенными по плечамъ пушистыми сѣдинами; уѣхалъ въ желтой вѣнской коляскѣ веселый князь Долгорукій, «prince Calembourg», какъ его звали; въ англійскомъ тильбюри, въ шорахъ—ви-повникъ встрѣчи жениха и невесты, Нелединскій-Мелецкій; на скромныхъ городскихъ дрожжахъ — издатель *Русскаго Вѣстника*, Сергѣй Глинка, и другіе. Пріемныя и обшир-ный, обсаженный лианами дворъ княгини опустѣли. Оста-лись ея родные и нѣсколько близкихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ почтившій княгиню заѣздомъ и особымъ вниманіемъ старинный пріятель ея покойнаго мужа, новый московскій

главнокомандующій, графъ Растопчинъ. Это былъ высокій ростомъ, еще крѣпкій на видъ мужчина лѣтъ пятидесяти, съ оживленными, умными черными глазами, узенькими бакенбардами, большимъ, открытымъ лбомъ и громкою, подчасъ крикливою, рѣчью. Онъ ранѣе другихъ гостей узналъ отъ княгини, что поклонникъ ея второй внучки — тайный сынъ украинскаго магната, тогдашняго министра просвѣщенія. Другимъ княгиня до времени объ этомъ умалчивала.

Прощаясь съ хозяйкой, Растопчинъ съ улыбкой указалъ ей на Перовскаго, въ новенькомъ стянутомъ мундирѣ почтительно стоявшаго въ сторонѣ, и вполголоса замѣтилъ:

— Напрасно, однако, княгиня, валла внучка медлитъ; женишокъ хоть куда: кончили бы, да тогда ему, съ Богомъ, хоть и къ мѣсту служенія.

— Что вы, графъ! Изъ-за чего же торопиться? — отвѣтила княгиня:—Аurore такъ еще молода; вѣдь ей невстужно восемнадцать: не перестарокъ еще, въ дѣвкахъ не засидится... Все, мой хорошій, въ рукахъ Божіихъ. Да недняхъ ужъ и постъ, и отпускъ этого молодца на исходѣ... Обѣщаетъ снова прѣвхать послѣ Успенья, въ концѣ августа, коли будемъ живы... Тогда сватовство; тогда, если суждено, сыграемъ и свадьбу.

— Зовите, княгиня, мы—ваши гости! — сказалъ Растопчинъ: — только не затянулось бы дѣло для счастливецъ... Слышали, чай, толки о войнѣ?

— Э, батюшка графъ, гдѣ еще тотъ Наполеонъ! — отвѣтила княгиня:—до насъ ему далеко... надѣмся же мы больше на московскихъ чудотворцевъ, да на ваше искусство, графъ.

Растопчинъ озабоченно оглянулся на присутствующихъ, надѣлъ перчатки и уже хотѣлъ откланяться, но, нахмурясь, опять сѣлъ возлѣ княгини.

— Развѣ что знаешь новаго? — тихо спросила Анна Аркадьевна.

Растопчинъ молча кивнулъ ей головой.

Княгиня обмерла.

— Да говори же, дорогій, говори! — прошептала она, растерянно ища въ ридикюль флаконъ со спиртомъ и поднося его къ своему носу.

— Здѣсь не мѣсто, — отвѣтилъ ей графъ: — заѣду завтра.

— Нѣтъ, родной, сегодня вечеромъ; не мори ты меня, дуру попову; вѣдь знаешь. — я трусиха.

— Но у васъ гости, навѣрное будетъ бостонъ, а я, вы знаете, до картъ не охотникъ.

— Ахъ, не нападай ты на карты, говорю тебѣ; помни слова Талейрана: кто не привыкъ играть въ карты въ молодости, готовитъ себѣ печальную старость. Итакъ, до вечера; приму тебя одна.

— Постараюсь.

II.

Графъ Растопчинъ сдержалъ слово. Въ тотъ же вечеръ княгиня приняла его въ своей молельнѣ. Эта комната, какъ зналъ графъ отъ другихъ, служила ей запасною спальней и, вмѣстѣ, убѣжищемъ во время лѣтнихъ грозъ. Растопчинъ съ любопытствомъ окинулъ взглядомъ убранство этой комнаты. Оконныя занавѣски въ ней, обивка мебели, пологъ, одѣяло, подушки и простыня на кровати были изъ шелковой ткани, а кровать—стеклянная и на стеклянныхъ ножкахъ. Даже вывезенный княгинею изъ Парижа и здѣсь висѣвшій портретъ Наполеона былъ вытканъ въ Лионѣ на шелковомъ платкѣ. Растопчинъ засталъ княгиню на кровати. Двѣ горничныя держали передъ нею собачку Тутика, на котораго третья примѣрляла вышитую гарусомъ попонку. Взявъ Тутика и опустивъ горничныхъ, Шелешпанская указала графу кресло.

Высокая, въ пудренныхъ букляхъ и бѣлая, точно выточенная изъ слоновой кости, княгиня Анна Аркадьевна была представительницей стариннаго, угасавшаго въ то время княжескаго рода, въ которомъ не она одна славилась смѣлымъ умомъ и властною красотой. Матери, указывая на нее дочерямъ на балахъ, обыкновенно говорили: «Замѣтила ты, ma chère, эту высокую, худую старуху? Она недавно изъ Парижа. Будешь идти мимо, присядь, а не то и ручку поцѣлуй. Пригодится».

Растопчинъ въ молодости видѣлъ и на опытѣ узналъ обольстительное владычество знатныхъ барынь XVIII вѣка, въ томъ числѣ и княгини, за которою на его глазахъ такъ всѣ ухаживали. Его тогда не удивляло общее сознательное и благоговѣйное покорство этимъ законодательницамъ моды. Теперь онъ надъ ними, въ томъ числѣ и надъ княгинею Шелешпанскою, въ душѣ посмѣивался. Онъ трунилъ надъ тѣмъ, что княгиня, жившая долго въ Парижѣ, донинѣ пудрилась «à la néige», причесывалась «à trois marteaux»

и носила платья модныхъ цвѣтовъ — «couleur saumon» и «hanneton». Графъ по поводу нѣкогда пылкой, но стойкой и чопорной княгини даже выразился однажды, что у Данте въ его «Аду» забыто одно важное отдѣленіе, гдѣ свѣтскія грѣшницы ежечастью мучатся не признаніемъ своихъ грѣховъ, а воспоминаніемъ того, какъ въ жизни не разъ онѣ могли негласно и незамѣтно согрѣшить, и не согрѣшили — изъ трусости, гордости или простоты.

Нѣкогда поклонница Вольтера, Дидро и мадамъ Роланъ, княгиня теперь, на старости лѣтъ, заслышавъ надъ домомъ даже слабый ударъ грома, безъ памяти сибѣшила въ свою модельню, зажигала у образовъ лампы и свѣчи, наскоро надѣвала на себя все шелковое и ложилась подъ шелковое одѣяло, на шелковую постель. Не помня себя отъ ужаса, она кричала на главную свою экономку, горничныхъ и приживалокъ, чтобъ запирали всѣ ставни и двери, приказывала имъ опускать на окна шелковыя гардины и, лежа съ закрытыми глазами, то и дѣло вздрагивая, повторяла: «Святъ, святъ! Осанна въ вышнихъ!» — пока кончались послѣдніе раскаты грозы.

«Любить, старая, жизнь, — подумалъ, усѣвшись противъ княгини, Растопчинъ: — да какъ ее и не любить! пожила когда-то; теперь она одна, состоянія много... А тутъ надвигается гроза! Нѣтъ, матушка, не спасуть, видно, никакія стеклянныя кровати и никакіе шелки».

— Что же, дорогой графъ? — держа на колѣняхъ собачку, встревоженно, по-французски, обратилась къ гостю Шелешпанская: — неужели правда, быть войнѣ?

По-русски княгиня, какъ и все тогдашнее общество, только молилась, шутила, либо бранилась съ прислугой.

— Мы съ вами, Анна Аркадьевна, наединѣ, — началъ графъ: — какъ старый пріятель вашего мужа и вашъ, смѣю повторить, всегдашній поклонникъ, скажу вамъ откровенно, дѣла наши не хороши... Бонапартъ покинулъ Сень-Клу и прибылъ по сосѣдству къ намъ, въ Дрезденъ; его, какъ удостовѣряетъ «Гамбургскій Курьеръ», окружаютъ герцоги, короли и несмѣтное войско.

— Да вѣдь онъ только и дѣлаетъ, что воюетъ; въ томъ его забава! — возразила княгиня: — можетъ-быть, это еще и не противъ насъ...

— Увы! государь Александръ Павловичъ также оставилъ

Петербургъ и поспѣшилъ въ Вильну. Глаза и помыслы всѣхъ теперь на берегахъ Двины...

— Но это, графъ, можетъ-быть, диверсія противъ нашихъ сосѣдей? Все не вѣрится.

— Такихъ силъ Бонапартъ не собралъ бы противъ другихъ. У него подъ рукой, — газеты все уже высчитали, — свыше полумилліона войска и болѣе тысячи двухсотъ пушекъ; одинъ обозъ въ шесть тысячъ подводъ.

Княгиня понюхала изъ флакона и переложила на колѣняхъ спавшую собачку.

— И вы думаете, графъ?—спросила она со вздохомъ.

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ скрестилъ руки на груди и приготовился сказать то, о чемъ онъ давно думалъ.

— Огненный метеоръ промчался по Европѣ,—произнесъ онъ:—долетитъ и въ Россію. Я не разъ предсказывалъ... Мало останавливали вѣнчаннаго раба, когда онъ, безъ объявленія войны, бралъ другія государства и столицы; увидимъ его и мы, русскіе, если не вблизи, то на западной границѣ навѣрное.

— Кто же виноватъ?

Растопчинъ промолчалъ.

— Но наше войско, — сказала княгиня: — однихъ казаковъ сколько!

— Благочестивая-то, не «брѣмая» рать, бородачи? — произнесъ Растопчинъ по-русски: — полноте, матушка-княгиня, не вамъ это говорить; вы такъ долго жили въ Европѣ, столько видѣли и слышали.

Польщенная княгиня забыла страхъ. Ей вспомнился Парижъ, тамошнія знаменитости, запросто бывавшія у нея.

— Моя парижская знакомая, мадамъ де-Сталь, представьте, графъ,—произнесла она:—увѣряетъ, будто Бонапартъ—полный невѣжда, грубіянь и отъявленный лжеецъ. Не черезчуръ ли это? я не такъ начитана, какъ вы; чтѣ вы на это скажете?

— Сущая правда,—отвѣтилъ, склонясь, Растопчинъ:—Наполеонъ и Меттерниха считаетъ великимъ государственнымъ человѣкомъ только потому, что тотъ жетъ ловко и хорошо. Я давно твержу, но со мной не соглашаются, — Бонапартъ—изменная, завистливая душонка, ни тѣни величія. По воспитанію—капраль; настоящее образованіе почти не коснулось его. Онъ ругается, какъ площадная торговка, какъ солдатъ; ничего дѣльнаго и изящнаго не читалъ и даже не любитъ читать.

— Но мадам Ремюза, я у нея видѣла его... она хоть пренапыщенная, а умница и въ восторгѣ отъ него...

— Еще бы, дочь его министра! О, это — новый Тамерланъ... Ему чужды высокія движенія сердца и узы крови, а вѣчная привычка притворствовать и рисоваться вытравила въ немъ и остатки правды. Да что? По его собственному признанію, обычная мораль и всѣми принятія приличія—не для него! А недавно онъ выразился, что онъ—олицетвореніе французской революціи, что онъ носитъ ее въ себѣ и воспроизводитъ; что счастливъ тотъ, кто прячется отъ него въ глуши, и что, когда онъ умретъ, вселенная радостно скажетъ: уфъ!

— Но за что же, за что онъ противъ насъ? — спросила встревоженно княгиня.

— Ужъ сильно его баловали въ послѣднее время, а потомъ отказали въ сватовствѣ съ великой княжной Екатериной Павловной: вотъ за что. А вѣдь онъ—геній, по приговору газетчиковъ и стихоплетовъ, неизбѣжная судьба услужливой Европы... Какъ можно было такъ поступить съ геніемъ? Вотъ, онъ теперь и твердитъ передъ громадой Европы: Россія зазналась; отброшу ее въ глубь Азии, дамъ ей пережить участь Польши. По совѣсти, впрочемъ, сказать, я убѣжденъ: мы не погибнемъ.

— Неужели? — обрадованно спросила княгиня: — утѣшь меня!

— Вотъ что, матушка Анна Аркадьевна, скажу я вамъ,— произнесъ опять по-русски Растопчинъ: — наша Россія — тотъ же желудокъ покойнаго Потемкина: она, въ концѣ концовъ, попомните меня, переваритъ все, даже и Наполеона...

— Что же, графъ, дѣлать намъ теперь?

— Что дѣлать?—произнесъ Растопчинъ:—никому я этого, княгиня, еще не говорилъ и не скажу, а вамъ, извольте, открою: скорѣе и безъ замедленія уѣзжайте изъ Москвы. Сюда французамъ не дойти, а все-таки...

— Куда же ѣхать?

— А хоть бы въ вашу коломенскую, или, еще лучше, подалѣе, въ тамбовскую вотчину. Повторяю, французамъ не дадутъ, можетъ-быть, перейти и границу, но здѣсь, княгиня, будетъ неспокойно, — вполголоса заключилъ Растопчинъ: — не въ ваши лѣта это переносить. Начнутся вооруженія, сборъ войскъ, суета...

Княгиня молитвенно взглянула на бѣлый, мраморный,

итальянской работы, бюстъ Спасителя, стоявшій въ молельнѣ, среди ея семейныхъ, старыхъ потемнѣвшихъ образовъ.

— Не понимаю! — сказала она, разведя руками: — неужели же въ первопрестольной столицѣ, среди угодниковъ и чудотворцевъ Божьихъ и подъ вашимъ начальствомъ, графъ, мы не будемъ въ безопасности?

«Ишь, храбрая! — подумаль Растопчинъ: — грозы боятся, а Бонапарта не трусить, даже его шелковый портретъ привѣсила у себя!»

— Какъ знаете, княгиня, — отвѣтилъ графъ, вставая и откланиваясь: — мое дѣло было васъ предупредить. Я вамъ повѣдалъ по секрету мое личное мнѣніе. Дождались наши вольнодумцы съ величаніемъ Бонапарта!.. Злость беретъ, какъ подумаешь. На западѣ вольнодумствуютъ сапожники, стремясь стать богачами, а у насъ баре колобродятъ и мутятъ, чтобы, во что бы то ни стало, стать сапожниками... И все это — ихъ жокакъ Сперанскій.

— Ну, вы все противъ Сперанскаго. Чтò онъ вамъ? — спросила княгиня.

— Чтò онъ мнѣ? а вотъ чтò... Его хвалили, но это — чиновникъ огромнаго размѣра, не болѣе, творецъ всесильной кабинетной редакціи. Канцелярія — его форумъ, тысячи бумагъ — и превредныхъ — его трубы и литавры. И хорошо, что его упрятали и что онъ самъ теперь сталъ сланною въ архивъ бумагою, за номеромъ... Ну, да вы несогласны со мной, прощайте.

Растопчинъ поцѣловаль руку княгини и направился къ двери.

— Да, — сказалъ онъ, остановясь: — еще слово... Мое утреннее предсказаніе о господинѣ Перовскомъ, искателѣ руки вашей внучки, сбылось, къ сожалѣнію, ранѣе, чѣмъ я ожидалъ.

— Боже мой, чтò такое?

— Я засталъ дома указъ — всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ, гдѣ бы они и при чемъ бы ни были, безъ малѣйшаго замедленія отправиться къ своимъ полкамъ. Вызываю его на-завтра, да пораньше. Могу ему дать, если попроситъ, два-три дня для сборовъ, не болѣе.

Княгиня протянула руку къ звонку и, растерявшись, не могла его найти.

III.

Утромъ слѣдующаго дня Перовскій узналъ о вызовѣ всѣхъ офицеровъ къ полкамъ.

Не столько разнились между собой оживленная и полная, въ веснушкахъ, съ золотистыми локонами и голубыми глазами Ксенія и задумчивая, черноволосая и сухошавая Аврора, сколько были несхожи видомъ и нравомъ близкіе другъ другу съ дѣтства Илья Тропининъ и Базиль Перовскій.

Въ ранніе годы Базиль былъ увезенъ изъ Пѣчана, украинскаго помѣстья своего отца, въ Москву, гдѣ, подъ надзоромъ гувернеровъ и дядьки-малоросса, сперва былъ помѣщенъ въ пансіонъ, потомъ въ московскій университетъ, и кончивъ здѣсь ученье, уѣхалъ въ Петербургъ на службу, которой ревностно и отдался. Хорошо начитанный, онъ зналъ въ совершенствѣ французскій и нѣмецкій языки и любилъ музыку. Будучи смѣль и честолюбивъ и увлекаясь возвышенными военными идеалами, онъ питалъ, какъ и многіе его сослуживцы, тайное благоговѣніе къ общему тогдашнему кумиру, укротителю террора и якобинцевъ, цезарю-плебею Наполеону, котораго въ то время многіе прозорливые люди начинали уже осуждать и бранить.

Въ числѣ другихъ, истыхъ петербургскихъ «европейцевъ», Базиль мысленно, а иногда съ оглядкой и вслухъ, искренно осуждалъ непринятіе нашимъ дворомъ сватовства Наполеона, незадолго передъ тѣмъ искавшаго руки великой княжны Екатерины Павловны, сестры государя Александра Павловича. Отвергнутый русскою императорскою семьей, Бонапартъ, по мнѣнію Базиля, рано или поздно долженъ былъ подумать о возмездіи и такъ или иначе отплатить грубой, какъ выражались тогда въ Петербургѣ, коснѣвшей въ предразсудкахъ Россіи за эту несмыслаемую, тяжелую обиду.

Высокаго роста, темноволосый, широкоплечій и съ тонкимъ, стройнымъ военнымъ перехватомъ, Базиль былъ всегда заботливо выбрѣтъ, надушенъ и щегольски одѣтъ. Съ отменно-вѣжливыми, усвоенными въ столичной средѣ движеніями и рѣчью, онъ всѣхъ привлекалъ умнымъ взглядомъ большихъ, карихъ, мечтательно-задумчивыхъ глазъ, ласковою улыбкой и веселою, своеобразною, остроумною рѣчью. Среди товарищей Перовскій слылъ душой-весельчакомъ, среди женщинъ — нѣсколько загадочнымъ, у начальства — подающимъ надежды молодымъ офицеромъ. Страстно любя пѣніе и музыку, онъ, будучи еще студентомъ, самоучкою сталъ разбирать ноты и недурно игралъ на клавикордахъ и пѣлъ не только въ кругу товарищей, но и въ обществѣ, на неболь-

шихъ вечерахъ. Нѣкоторое время, состоя съ другими колонновожатыми въ какой-то масонской ложѣ, онъ съ ними затѣялъ-было даже переселиться на дальній японскій островъ Соку, какъ тогда звали Сахалинъ, и основать тамъ нѣкую особую республику. Эта мысль вскорѣ, впрочемъ, была брошена, за недостаткомъ денегъ для такого дальняго вояжа.

Что же до сердечныхъ увлеченій Перовскаго, то никто о нихъ въ Петербургѣ не слышалъ. Онъ самъ даже посмѣивался надъ волокитствомъ столичныхъ фатовъ. И потому всѣ были крайне удивлены, когда прошла неожиданная вѣсть, что этотъ юный и, повидимому, вовсе еще не думавшій о прочной любви и о женитьбѣ, красивый и всегда безпечновеселый гвардеецъ, такъ же лихо гарцовавшій на петербургскихъ маневрахъ и смотрахъ, какъ и ловко скользившій на столичныхъ паркетахъ,—влюбился и готовился посвататься. О происхожденіи Перовскаго въ его служебной средѣ и въ обществѣ еще мало кто зналъ. Его звали просто: «нашъ красавецъ-малороссъ».

Базиль живо представлялъ себѣ послѣдній, памятный, вторичный вечеръ у Нелединскихъ-Мелецкихъ, въ ихъ домѣ на Мясницкой, куда его привезъ университетскій его товарищъ, Илья Тропининъ. Здѣсь было такъ весело и шумно. Старики въ кабинетѣ и въ цвѣточной сидѣли за картами; молодежь въ гостиной играла въ фанты и въ буримэ, а въ залѣ шли танцы. На этомъ вечерѣ блистало столько роскошныхъ, выписанныхъ изъ Парижа нарядовъ и чуть охваченныхъ краемъ платьевъ, обнаженныхъ дамскихъ и дѣвичьихъ шей и плечъ. Шель безконечный котильонъ, о которомъ тогда выражались поэты:

«Cette image mobile
«De l'immobile éternité»

(этотъ подвижной образъ неподвижной вѣчности).

Базиль, съ другими, ганцовалъ до упаду. Здѣсь-то, среди цвѣтушихъ лилій и розъ, подъ громъ оркестра Санти, онъ впервые увидѣлъ сухощавую и стройную, незнакомую ему брюнетку, сидѣвшую въ сторонѣ отъ танцующихъ. Возлѣ нея стоялъ, пожирая ее глазами и тщетно стараясь ее занять, извѣстный москвичамъ любитель цѣнія и живописи, длинный и мрачный эмигрантъ Жерамбъ, всѣхъ увѣрявшій, что онъ—офицеръ тогда возникшаго таинственнаго легіона «hussards de la mort» («гусаровъ смерти»), почему онъ по-

силъ черный доломанъ, съ изображеніями на серебряныхъ пуговицахъ мертвой головы, такъ шедшей къ его исхудалому и желтому лицу. При взглядѣ на незнакомку, въ мысляхъ Перовскаго мелькнуло: «такъ себѣ, какая-то худашка». Но когда онъ ближе разглядѣлъ ея черные, спокойно на всѣхъ смотрѣвшіе глаза, нѣсколько смуглое лицо, пышную косу, небрежнымъ жгутомъ положенную на головѣ, и ея скромное бѣлое платье, съ пучкомъ алаго мака у корсажа,— онъ почувствовалъ, что эта дѣвушка властительно войдетъ въ его душу и останется въ ней навсегда. Его поражала ея строгая, суровая и какъ бы скупающая красота. Она почти не улыбалась, а когда ей было весело, это показывали только ея глаза, да носъ, слегка морщившійся и поднимавшій ея верхнюю, смѣющуюся губу.

Въ то время за Авророй, кромѣ гусара смерти Жерамба, тщетно ухаживали еще нѣсколько свѣтскихъ жениховъ: Митя Усовъ, двое Голицыныхъ и другіе. Въ числѣ послѣднихъ былъ, между прочимъ, извѣстный богатствомъ, высокой, пожилой и умный красавецъ-вдовецъ, нѣкогда раненый турками въ глазъ, еще при Суворовѣ, премьеръ-майоръ Услановъ. Онъ вездѣ, на балахъ и гуляньяхъ, подобно влюбленному Жерамбу, молча преслѣдовалъ недоступную красавицу. Острики такъ и звали ихъ: «нимфа Галатея и циклопъ Полифемъ».

Всѣ поклонники новой Галатеи, однако, остались за флагомъ. Побѣдителя предвидѣли: то былъ Перовскій. Дальнѣйшее знакомство, черезъ Тропинина, сблизило его съ домою княгини. Онъ даже чуть было не посватался. Это случилось послѣ пасхальной обѣдни, которую княгиня слушала въ церкви Ермолая. Аврора приняла его въ пальмовой гостиной бабки, присѣла съ нимъ у клавикордовъ, и онъ, подъ вальсъ Ромберга, уже готовился-было сдѣлать ей предложеніе. Но Аврора играла съ такимъ увлеченіемъ, а онъ такъ робѣлъ передъ этою гордою, строгою красавицей, что слова не срывались съ его языка, и онъ уѣхалъ молчаливый, растерянный.

Илья Борисовичъ Тропининъ давно угадывалъ настроеніе своего друга. Неразговорчивый, близорукій и длинный, съ сѣрыми, добрыми, постоянно восторженными глазами, Илья Тропининъ былъ родомъ изъ старинной служилой семьи небогатыхъ дворянъ-москвичей. Сирота съ отроческихъ лѣтъ, онъ, какъ и Базиль, былъ рано увезенъ изъ родного дома.

Помѣщенный опекуномъ въ пансіонъ, онъ здѣсь, а потомъ въ московскомъ университетѣ близко сошелся съ Перовскимъ, какъ по сходству юношески-мечтательнаго нрава, такъ и потому, что охотнѣе другихъ товарищей внимательно выслушивалъ пылкія грѣзы Базиля о ихъ собственной военной славѣ, которая, почемъ знать, могла сравняться со славою божества тогдашней молодежи, Бонапарта. Тулонъ, пирамиды и Маренго не покидали мыслей и разговоровъ молодыхъ друзей.

Они зачитывались любимыми современными писателями, причемъ, однако, Базиль отдавалъ предпочтеніе свободно-мыслящимъ французскимъ романистамъ, а Илья, хотя также жадно-мечтательно упивался ихъ страстными образами, подчасъ по уши краснѣлъ отъ ихъ смѣлыхъ, грубообольстительныхъ подробностей и, впадая потомъ въ раскаяніе, налагалъ на себя даже особую эпитемью. Базиль нерѣдко, послѣ такого чтенія, подъ подушкой Тропинина находилъ либо тетрадь старинной печати, церковныхъ проповѣдей, или полупонятныя, отвлеченныя размышленія отечественныхъ мистиковъ. Въ свободные часы Тропининъ занимался рисованіемъ. Онъ очень живо схватывалъ и набрасывалъ на бумагу портреты и чертилъ забавныя каррикатуры знакомыхъ, въ особенности театраловъ.

— Нѣтъ, боюсь женщинъ! — смущенно говорилъ въ такія мгновенія Илья, мучительно ероша свои русые волосы, въ безпорядкѣ падашіе на глаза: — такъ, голубчикъ Вася, боюсь, что, по всей вѣроятности, никогда не рѣшусь жениться, пойду въ монастырь.

Когда друзья были еще въ пансіонѣ, Тропинина тамъ называли «схимникомъ», увѣряя, что въ его классномъ ящикѣ устроено изъ образковъ подобіе иконостаса, передъ которымъ онъ будто бы, прикрываясь крышкой, изрѣдка даже служилъ молебны.

Университетъ еще болѣе сблизилъ Перовскаго и Тропинина. Они восторгались патріотическими лекціями профессоровъ и пользовались особымъ расположеніемъ ректора Антона Антоновича Прокоповича-Антонскаго, о которомъ шутники ихъ товарищи сложили куплетъ:

«Тремя помноженный Антонъ,
«А на придачу Прокоповичъ...»

Ректоръ, любившій поболтать съ молодежью, разставаясь съ Перовскимъ и Тропининымъ, сказалъ первому: «Ты бу-

дешь фельдмаршаломъ!»—а второму: «ты же—счастливымъ отцомъ многочисленной семьи!» Не разъ впоследствии, подъ иными впечатлѣніями, пріятели вспоминали эти предсказанія. По выходѣ изъ университета, Перовскій изрѣдка изъ Петербурга переписывался съ Тропининымъ, который тѣмъ временемъ поступилъ на службу въ московскій сенатъ. Они снова увидѣлись зимой 1812 года, когда Базиль и также служившій въ колонновожатыхъ въ Петербургѣ двоюродный братъ Тропинина по матери, Митя Усовъ, получили изъ своего штаба командировку въ Москву, для снятія копій съ военныхъ плановъ, хранившихся въ московскомъ архивѣ. Базиль, чтобы не развлекаться свѣтскими удовольствіями, получивъ планы, уговорилъ Митю уѣхать съ нимъ въ можайскую деревушку Усовыхъ, Новоселовку, гдѣ оба они и просидѣли надъ работою около мѣсяца, а на масляной, окончивъ ее, явились ликующіе въ Москву и со всѣмъ увлеченіемъ молодости окунулись въ ея шумныя веселости.

Илья Тропининъ въ это время, вопреки своимъ юношескимъ увѣреніямъ, былъ уже не только женатъ и безпредѣльно счастливъ, но и крайне расположенъ сосватать и женить самого Перовскаго. Встрѣча Базіля съ свояченицей Тропинина, Авророй Крамалиной, помогла Ильѣ ранѣе, чѣмъ и самъ онъ того ожидалъ. Перовскій на Пасху сталъ то и дѣло заговаривать объ Аврорѣ, а въ маѣ, какъ замѣчалъ Илья, онъ былъ уже отъ нея безъ ума, хотя все еще не рѣшался съ нею объясниться.

IV.

Вѣсть о призывѣ офицеровъ къ арміи сильно смутила Перовскаго. Онъ объяснился съ главнокомандующимъ и, для устройства своихъ дѣлъ, выпросилъ у него на нѣсколько дней отсрочку. За недѣлю передъ тѣмъ, онъ заѣхалъ на Никитскій бульваръ, къ Тропинину. Пріятели, посидѣвъ въ комнатѣ, вышли на бульваръ. Между ними тогда произошла слѣдующій разговоръ.

— Итакъ, Наполеонъ противъ насъ?—спросилъ Тропининъ.

— Да, другъ мой; но надѣюсь, войны, все-таки, не будетъ,—отвѣтилъ нѣсколько нерѣшительно Перовскій.

— Какъ такъ?

— Очень просто. О ней болтаютъ только наши вѣчныя шаркуны, эти «неглижé съ отвагой», какъ ихъ зоветъ здѣш-

ній главнокомандуюцій. Но не пройдетъ и мѣсяца, всѣ эти слухи, увидишь, замолкнутъ.

— Изъ-за чего, однако, эта тревога, сборъ у границы такой массы войскъ?

— Мѣры предосторожности, вотъ и все.

— Нѣтъ, милый! — возразилъ Тропининъ: — твой кумиръ разгаданъ, наконецъ; его, очевидно, ждуть у насъ... Поневолю вспомнишь о немъ стихъ Дмитріева: «Но какъ ни разсуждай, а Миловзоръ ужъ тамъ!» Сегодня въ Дрезденѣ, завтра, того и гляди, очутится на Нѣманѣ или Двинѣ, а то и ближе...

— Не вѣрю я этому, воля твоя, — возразилъ Перовскій, ходя съ пріятелемъ по бульвару: — Наполеонъ — не предатель. Не надо было его дразнить и посылать къ нему въ наши представители такихъ пошлыхъ, а подчасъ и тушыхъ людей. Ну, можно ли? Выбрали въ послы подозрительнаго, желчнаго Куракина! А главное, эти мелкіе уколы, постоянные вызовы, это заигрыванье съ его врагомъ, Англіей... Дошли, наконецъ, до того, что удалили отъ трона и сослали, какъ преступника, какъ измѣнника, единственнаго государственнаго человѣка, Сперанскаго, а за что? За его открытое предпочтеніе судебникамъ Ярослава и царя Алексѣя геніальнаго кодекса того, кто разогналъ кровавый конвентъ и далъ Европѣ истинную свободу и мудрый новый строй.

— Старая пѣсня! Хороша свобода! убійство, безъ суда, своего соперника, Ангійскаго герцога! — возразилъ Тропининъ: — ты дождешься съ своимъ божествомъ того, что оно, побывавъ вездѣ, кромѣ насъ, и въ Римѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, явится, наконецъ, и въ наши столицы и отдастъ на поруганіе своимъ солдатамъ мою жену, твою невѣсту, — если бы такая была у тебя, — нашихъ сестеръ...

— Послушай, Илья, — вспыхнувъ, рѣзко перебилъ Перовскій: — все простительно дамской болтовнѣ и трусости; но ты, извини меня, — умный, образованный и слѣдящій за жизнью человѣкъ. Какъ не стыдно тебѣ? Ну, зачѣмъ Наполеону нужны мы, мы — дикая и — увы! — полускинская орда?

— Однакоже, дружище, въ этой ордѣ твое міровое свѣтило усиленно искало чести быть родичемъ царей.

— Да послушай, наконецъ, обсуди! — спокойнѣе, точно прощая другу и какъ бы у него же прося помощи въ сомнѣніяхъ, продолжалъ Базиль: — дѣло ясное, какъ день. Ве-

ликій человекъ ходилъ къ пирамидамъ и іероглифамъ Египта, къ мраморамъ и Рафаэлямъ Италіи, это совершенно понятно... А у насъ? чего ему нужно?.. Вяземскихъ пряниковъ, что ли, смоленской морошки, да ярославскихъ лыкъ? или нашихъ балетчицъ? Нѣтъ, Илья, можешь быть вполне спокоенъ за твоихъ танцовщицъ. Не намъ жалкою рогатиною грозить архистратигу королей и вождю народовъ половины Европы. Недаромъ онъ предлагалъ Александру раздѣлить съ нимъ міръ пополамъ! И онъ, гений-творецъ, скажу открыто, имѣлъ на это право...

— О, да! И не одного Александра онъ этимъ манилъ,—возразилъ Тропининъ:— онъ тоже великодушно уступалъ и Богу, въ надписи на предположенной медали: «*le ciel à toi, la terre à moi*» (небо для тебя, земля — моя). Стыдись, стыдись?..

Перовскій колебался, нить возраженій ускользала отъ него.

— Ты повторяешь о немъ басни наемныхъ нѣмецкихъ памфлетистовъ,—сказалъ онъ, замедлясь на бульварной дорожкѣ, залитой полнымъ мѣсяцемъ:— Наполеонъ... да ты знаешь ли? — пройдутъ вѣка, тысячелѣтія, его слава не умретъ. Это — олицетвореніе чести, правды и добра. Его сердце—сердце ребенка. Виноватъ ли онъ, что его толкаютъ на битвы, въ адъ сраженій? Онъ—поклонникъ тишины, сумерекъ, такихъ же лунныхъ ночей, какъ вотъ эта; любитъ поэмы Оссіана, меланхолическую музыку Паэзіелло, съ ея медлительными, сладкими, таинственными звуками. Знаешь ли,—и я не разъ тебѣ это говорилъ,— онъ въ школь еще забивался въ углы, читалъ тайкомъ рыцарскіе романы, плакалъ надъ «Матильдой» крестовыхъ походовъ и мечталъ о дарованіи міру вѣчнаго покоя и тишины.

— Такъ что же твой кумиръ мечется съ тѣхъ поръ, какъ онъ у власти? — спросилъ Тропининъ:— обѣщаль французамъ счастье за Альпами, новую какую-то вѣру и чуть не земной рай на пути къ пирамидамъ, потомъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, — и всего ему мало; онъ, какъ жадный, слѣпой безумецъ, все стремится впередъ и впередъ... Нѣтъ, я съ тобой не согласенъ.

— Ты хочешь знать, почему Наполеонъ не успокоился и все еще полонъ такой лихорадочной дѣятельности?—спросилъ, опять останавливаясь, Перовскій:— неужели не понимаешь?

— Объясни.

— Потому, что это—избранникъ Провидѣнія, а не простой смертный.

Тропининъ пожалъ плечами.

— Пустая отговорка,—сказалъ онъ: — громкая газетная фраза, не болѣе! Этимъ можно объяснить и извинить всякое насиліе и неправду.

— Нѣтъ, ты послушай,—вскрикнулъ, опять напирая на друга, Базиль:—надо быть на его мѣстѣ, чтобы все это понять. Давъ постоянный покой и порядокъ такому подвижному и пылкому народу, какъ французы, онъ отнялъ бы у страны всякую энергію, огонь предпріятій, великихъ замысловъ. У царей и королей—тысячелѣтнее прошлое, блескъ родовыхъ воспоминаній и заслугъ; его же начало, его династія—онъ самъ.

— Спасибо за такое оправданіе звѣрскихъ насилій новѣйшаго Аттилы,—возразилъ Тропининъ:—я же тебѣ вотъ что скажу: восхваляй его какъ хочешь, а если онъ дерзнетъ явиться въ Россію, тутъ, братецъ, твою философію оставляютъ, а вздуютъ его, какъ всякаго простого разбойника и грабителя, въ родѣ хоть бы тушинскаго вора и другихъ самозванцевъ.

— Полно такъ выражаться... Воевалъ онъ съ нами и прежде, и воровъ его не звали. Въ Россію онъ къ намъ не явится, повторяю тебѣ, незачѣмъ!—отвѣтилъ, тише и тише идя по бульвару, Перовскій: — онъ воевать съ нами не будетъ.

— Ну, твоими бы устами медь пить! посмотримъ, — заключилъ Тропининъ:—а если явится, я первый, предупреждаю тебя, возьму жалкую рогатину и, вслѣдъ за другими, пойду на этого архистратига вождей и королей. И мы его поколотимъ, предсказываю тебѣ, потому что, въ концѣ концовъ, Наполеонъ все-таки — одинъ человекъ, одно лицо, а Россія—цѣлый народъ...

Вспоминая теперь этотъ разговоръ, Перовскій краснѣлъ за свои заблужденія.

V.

Новые настойчивые слухи окончательно поколебали Перовскаго относительно его кумира. Онъ за достовѣрное узналъ, что Наполеонъ предательски захватилъ владѣнія великаго герцога Ольденбургскаго, родственника русскаго

императора, и собрался выгнать остальных государевых родных из других нѣмецких владѣній. Вѣроломное скопленіе французовъ у Нѣмана тоже стало всѣмъ извѣстно. Смущенный Перовскій сталъ непохожъ на себя.

Вечеромъ слѣдующаго дня устроилась прогулка верхами за городъ. Въ кавалькадѣ участвовали Ксенія съ мужемъ и Аврора съ Перовскимъ и Митей Усовымъ. Лошади для мужчинъ были взяты изъ мамоновскаго манежа. Выѣхали черезъ Поклонную гору въ поле. За нѣсколько часовъ передъ этою поѣздкой прошелъ сильный съ грозой дождь.

Вечеръ красиво рѣзалъ надъ Москвой и окрестными холмами. Душистые зеленые перелѣски оглашались соловьями, долины—звонкими пѣснями жаворонковъ. Аврора ѣздила лихо. Ея собственный, красивый караковый въ «масть» меринъ, Барсъ, пѣня удила, натянутыя ея твердою рукой, забиралъ болѣе и болѣе хода, мчась по мягкой, росистой дорогѣ проселка. Сѣрый жеребецъ Перовскаго, не отставая, точно плыть и стлался возлѣ Барса. Ускакавъ съ Перовскимъ впередъ отъ прочихъ всадниковъ, Аврора задержала коня.

— Вы скоро ѣдете?—спросила она.

— На нѣсколько дней получилъ отсрочку.

— Что же, полагаю, вамъ тяжело идти на прославленнаго всѣми тенія?—спросила Аврора, перелетая въ брызгахъ и всплескахъ черезъ встрѣчныя дождевыя озера:—оставляете столько близкихъ...

Проскакавъ нѣсколько шаговъ, она поѣхала медленнѣе.

— Близкіе будутъ утѣшены,—отвѣтилъ Базиль:—добрые изъ нихъ станутъ молиться.

— О чемъ?

— Объ отсутствующихъ, путешествующихъ, — отвѣтилъ Перовскій:—такъ сказано въ Писаніи.

— А о болящихъ, дѣла страдающихъ, помолятся ли о нихъ?—спросила Аврора, опять уносясь въ сумракъ дороги, чуть видная, въ волнистой черной амазонкѣ и въ шляпкѣ Сандрильоны, съ краснымъ перомъ.

— Будутъ ли страдать дѣла, не знаю,—отвѣтилъ, догнавъ ее, Базиль:—говорятъ же: горе отсутствующимъ.

— Горе, полагаю, тѣмъ и другимъ!—сказала, сдерживая коня, Аврора:—война—великая тайна.

Сзади по дорогѣ послышался топотъ. Аврору и Перовскаго

настигли и бѣшено обогнали два другіе всадника. То были Ксенія и Митя Усовъ.

— А каковы, Аврора Валерьяновна, аргамачки?—весело крикнулъ Митя, задыхаясь отъ скачки и обдавъ Перовскаго комками земли:—мнѣ это, Базиль, по знакомству даль главный мамоновскій жокей Ракитка...

Ксенія, въ красной амазонкѣ и вьющейся за плечами вуали, мелькнула такъ быстро, что сестра не успѣла ее окликнуть. Тропинникъ мѣрнымъ галопомъ ѣхалъ сзади всѣхъ на грузномъ и длинномъ англійскомъ скакунѣ съ короткимъ хвостомъ.

— Чтò за милый этотъ Митя! — сказала Аврора, когда Перовскій опять поровнялся съ нею:—ждеть—не дождется войны, сраженій...

— И золотое сердце! — прибавилъ Перовскій: — сегодня онъ писалъ такое теплое письмо къ своему главному командиру, моля имѣть его въ виду для перваго опаснаго порученія въ бою. И что забавно — убѣжденъ, что въ походѣ непременно влюбится и осенью обвиняется.

Всадники еще проскакали съ версту, между кудрявыми кустарниками и пригорками, и поѣхали шагомъ.

— Какъ красивъ закатъ!—сказалъ, оглядываясь, Перовскій:—Москва какъ въ пожарѣ... кресты и колокольни надъ нею—точно мачты пылающихъ кораблей...

Аврора долго смотрѣла въ ту сторону, гдѣ была Москва.

— Вы исполните мою просьбу?—спросила она.

— Даю слово,—отвѣтилъ Перовскій.

— Скажите прямо и откровенно, какъ вы смотрите теперь на Наполеона?

— Я... заблуждался и никогда себѣ этого не прошу.

Глаза Авроры сверкнули удивленіемъ и радостью.

— Да, — сказала она, помолчавъ: — надвигаются такіе ужасы... этотъ неразгаданный сфинксъ, Наполеонъ...

— Предатель и нашъ врагъ; жизнь и все, чтò дѣроже мнѣ жизни, я брошу и пойду, куда прикажутъ, на этого врага.

Аврора восторженно взглянула на Перовскаго: — «Я не ошиблась! — подумала она, — у насъ одни идеалы, одна мысль!»

— Вы правы, правы... и вотъ чтò...

Аврора вспыхнула, хотѣла еще что-то сказать и замолчала. Хлестнувъ лошадь, она быстро перескочила черезъ

дорожную канаву и понеслась полемъ, въ перерѣзъ обогнавшимъ ее всадникамъ. Всѣ съѣхались у стемнѣвшей рощи. Возвращались въ Москву общеою группою, при мѣсяцѣ. Подъ Новинскимъ Базиль увидѣлъ, въ глубинѣ знакомаго двора, окна своей квартиры, гдѣ онъ въ послѣднее время пережилъ столько сомнѣній и страданій, и, указавъ Аврорѣ этотъ домъ, сталъ-было у воротъ прощаться съ нею и съ остальными, но его упростили, и онъ поѣхалъ далѣе. Княгиня ждала возвращенія катающихся и, подъ ихъ оживленный говоръ, просидѣла съ ними до ужина.

— Вы не договорили, хотѣли еще что-то мнѣ сказать?— спросилъ послѣ ужина Перовскій Аврору.

Она молча присѣла къ клавикордамъ. Въ полусвѣщенной залѣ раздались плѣнительные звуки ея сильнаго, грудного, бархатнаго контральто. Аврора пѣла любимый, сердечный романсъ стараго пріятеля бабки, Нелединскаго-Мелецкаго:

«Свидѣтели тоски моей,
Лѣса безмолвю посвященны»...

— Дорогой Василій Алексѣевичъ,—обратилась Ксенія къ Перовскому:—спойте тотъ... ну, мой любимый!

Перовскій разстегнулъ воротникъ мундира, подошелъ къ клавикордамъ, оперся руками о спинку стула Авроры и, подъ ея игру, залпѣлъ романсъ того же автора:

«Прости мнѣ дерзкое роптанье,
Владычица души моей».

Всѣ были растроганы. Базиль отъ сердечнаго волненья, глядя на склонившіяся къ нотамъ шею и плечи Авроры, блаженствуя, смолкъ. Тропининъ отиралъ слезы.

— Ахъ, какъ ты, Вася, поешь!—проговорилъ онъ:—какъ поешь! Ну, можно ли съ такой душой защищать Наполеона?.. Аврора глазами дѣлала знаки Ильѣ Борисовичу. Ея носикъ весело сморщился, поднявъ надъ зубами смѣющуюся губу. Илья этихъ знаковъ не видѣлъ.

Перовскій и Тропининъ уѣхали. Ксенія осталась ночевать съ сестрой. Проводивъ мужчинъ и простясь съ бабкой, сестры ушли изъ залы въ темную угловую молельню и молча сѣли тамъ. Вдругъ Аврора встала, возвратилась въ залу и со словами: «Нѣтъ, не могу!»—опять сѣла за клавикорды. Плавные звуки ея любимой шестнадцатой сонаты Бетховена огласили стихшія комнаты. Сыгравъ сонату, она задумалась.

— О чемъ ты думаешь?—спросила, обнимая сестру. Ксенія Аврора, не отвѣчая, стала опять играть.

— Ты о немъ?—спросила Ксенія.

— Да, онъ уѣдетъ, и я предчувствую... болѣе мы не увидимся.

— Но почему же, почему?—спросила Ксенія, осыпая поцѣлуями плакавшую сестру:—онъ вернется; отъ тебя завистить подать ему надежду.

Аврора не отвѣчала.

«И зачѣмъ я узнала его, зачѣмъ полюбила?—мыслила она, склоняясь къ клавишамъ и, въ слезахъ, продолжая играть:—лучше бы не родиться, не жить!»

VI.

Уйдя къ себѣ наверхъ, Аврора отпустила горничную и стала раздѣваться. Не зажигая свѣчи, она сняла съ себя платье и шнуровку, накинула на плечи почную кофту и присѣла на первый попавшійся стулъ. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окна бельведера. Аврора, распустивъ косу, то заплетала ее, то опять расплетала, глядя въ пустое пространство, изъ котораго точно смотрѣли на нее задумчиво-ласковые глаза Перовскаго.

— Ахъ, эти глаза, глаза!—прошептала Аврора.

Краснаго дерева, съ бронзой, мебель этой комнаты напомнила ей нѣчто далекое, дорогое. Эта мебель ея покойной матери напомнила ей улычку глухого городишки, домъ ея отца и ея первые дѣтскіе годы при жизни матери.

Мать Авроры, дочь Анны Аркадьевны, когда-то страстно влюбилась въ красиваго и добраго, небогатаго пѣхотнаго офицера и, получивъ отказъ княгини, бѣжала изъ ея дома и безъ ея согласія обвинчалась съ любимымъ человѣкомъ. Это былъ Валерьянъ Андреевичъ Крамалинъ. Чувствительная и нѣжная сердцемъ бѣглянка дала своимъ дочерямъ романтическія имена Авроры и Ксеніи. Аврора не помнила военной, скитальческой и полной всякихъ лишеній жизни своихъ родителей. Зато она помнила, какъ ее и ея сестру любила мать, и живо представляла себѣ то время, когда ея отецъ, выйдя въ отставку, служилъ по дворянскимъ выборамъ. У него въ уѣздномъ городѣ былъ надъ обрывомъ рѣки собственный небольшой деревянный домикъ съ мезониномъ, огородомъ и чистенькимъ уютнымъ садикомъ, гдѣ

Крамалины, по переѣздѣ въ городъ, развели такіе цвѣтники, что ими любовались всѣ сосѣди.

Аврорѣ были памятны всѣ уголки этого тѣнистаго сада; полянка, гдѣ сестры играли въ куклы, клумба цвѣтущихъ сиреней и жимолости, гдѣ она впервые увидѣла и поймала необычайной красоты золотистую, съ голубымъ отливомъ бабочку; горка, съ которой былъ видъ на городъ, и обширныя окрестныя поля, и старая береза, подъ которой Аврора съ сестрой, уѣзжая впоследствии изъ этого дома, со слезами зарыли въ ящикѣ лучшихъ своихъ куколъ. Дѣвочки знали, что у нихъ есть богатая и знатная бабка-княгиня, что эта бабка безвыѣздно живетъ гдѣ-то далеко, въ чужихъ краяхъ, и что она почему-то ими недовольна, такъ какъ рѣдко пишетъ къ ихъ мамѣ. Памятна была Аврорѣ одна безснѣжная, гнилая зима. Въ городкѣ открылись повальныя болѣзни. Аврорѣ былъ десятый годъ.

Однажды дѣвочки пошли пожелать добраго утра матери. Ихъ не пустили къ ней, сказавъ, что у ихъ мамы опасная болѣзнь. Аврора помнила наставшую въ домѣ мрачную тишину, опечаленныя, красныя отъ слезъ лица отца и прислуги, торопливый пріѣздъ и отъѣздъ городскихъ врачей и то полное ужаса утро, когда дѣти, выйдя въ залу, увидѣли на столѣ что-то страшно-неподвижное, въ бѣломъ платьѣ и съ бѣлой кисеей на лицѣ. Имъ кто-то шопотомъ сказалъ, что это бѣлое и неподвижное — была ихъ умершая мать. Дѣвочки вскрикнули: «мама, мама! проснись!» и не вѣрили, что ихъ матери уже болѣе нѣтъ на свѣтѣ. Вспомнились Аврорѣ вопли отца на городскомъ кладбищѣ, гдѣ онъ билъ себя въ грудь и рвалъ на себѣ волосы. Живо представился ея мыслямъ его отъѣздъ съ ними, въ метель, въ недалнюю деревушку Дѣдиново, къ его двоюродному брату, Петру Андреевичу Крамалину, у котораго доктора совѣтывали ему на время оставить дѣтей. Вспомнилась ей и новая весна въ этой деревушкѣ, съ новыми цвѣтущими спренями и бабочками, которыя ее тогда уже не восхищали. Дѣти пробыли у дяди цѣлое лѣто; отецъ ихъ часто навѣщалъ.

Вдовый старикъ-дядя былъ страстный охотникъ. Несмотря на свои годы, онъ постоянно охотился то съ борзыми и гончими, то съ ружьемъ. За дѣтьми присматривала его пожилая экономка, Ильинишна. Онъ бралъ съ собою на охоту и племянницъ и однажды, собираясь въ поле, не утерпѣвъ,

далъ имъ поѣздить по двору верхомъ. Ксенія струсила; Аврора же, усѣвшись на дамскомъ сѣдлѣ покойной дочери дяди, смѣло прокатилась и съ той поры только и думала о верховой ѣздѣ. Бѣлый, какъ сметана, верховой конь дяди Петра, Кокѳ, былъ чуть не ровесникъ своего владѣльца, но ходилъ плавно, не спотыкался, слушался повода и еще лихо скакалъ.

— Дядечка Петя, — просила иногда Аврора: — позвольте мнѣ покататься съ кучеромъ.

Кокѳ торжественно сѣдали и подводили къ крыльцу. Черноглазая, худенькая дѣвочка подносила къ его теплымъ губамъ кусокъ чернаго хлѣба съ солью и, покормивъ его, проворно взбиралась со ступеней на сѣдло.

— Ты—не дѣвочка, мальчикъ - пострѣленокъ! — твердила Ильинишна, глядя на нее и качая головой.

— Барышня, барышня! — кричалъ нерѣдко кучеръ, не поспѣвая за Авророй, носившейся по полямъ и кустамъ.

— Ахъ, дядечка, — сказала разъ Аврора дядѣ: — исполните мою просьбу?

— Ну, говори!

— Дайте мнѣ выстрѣлить изъ ружья.

Дядя Петя подумалъ, походилъ по комнатѣ и взялъ со стѣны ружье. Онъ самъ зарядилъ ей свой «ланкастеръ», научилъ, какъ держать его и цѣлиться, и далъ ей выстрѣлить въ саду въ цѣль. Стрѣльба повторялась при немъ и впоследствии. А разъ вечеромъ, осенью, когда дядя былъ въ лѣсу, на охотѣ на вальдшнеповъ, вдругъ въ домѣ какъ бы самъ собой, раздался оглушительный выстрѣлъ. Ильинишна и прочая прислуга въ ужасѣ бросились и нашли Аврору въ барскомъ кабинетѣ, въ дыму. Оказалось, что она увидѣла въ окно псарей, гнавшихся за чужою собакой и кричавшихъ: «бѣшенная, бѣшенная». Аврора, игравшая здѣсь съ Ксеніей, недолго думая, схватила со стѣны заряженное ружье и, какъ ни останавливала ее сестра, прицѣлилась и спустила курокъ. Раненая собака упала и была добита гонцами. Дѣвочку застали блѣдною, дрожащею и въ слезахъ. Она отъ перепуга долго не могла понять, гдѣ она и что съ нею случилось.

— Да какъ же ты, бѣдовая, рѣшилась?—спрашивалъ ее лотомъ дядя.

— Вижу, бѣгутъ, кричатъ: «бѣшенная!»—я и схватила...

— А какъ попала бы не въ собаку, а въ людей?

Аврора горько плакала и не отвѣчала. Это событіе стало

предметомъ общихъ толковъ. Пріѣхавшій отецъ горячо было поспорилъ съ Петромъ Андреевичемъ, но потомъ успокоился и отпустилъ къ нему дочерей и на другое лѣто. Тогда уже дядя Петя сталъ брать Аврору на охоту съ собой, въ качествѣ подручнаго стрѣлка. Ея восторгу не было границъ. Кого и ружье видѣлись ей даже во снѣ. Не наступила нежданная разлука.

VII.

Однажды Валерьянъ Андреевичъ Крамалинъ пріѣхалъ въ Дѣдиново къ брату и радостно прочелъ ему при дѣтяхъ письмо, полученное имъ отъ княгини Шелешпанской, изъ Парижа. Годъ назадъ, Анна Аркадьевна, извѣщенная о кончинѣ своей дочери, искренно оплакавъ ее, писала, что сама сильно недомогаетъ и, вѣроятно, недолго проживетъ. Теперь же извѣщала, что ея здоровье поправилось, что она готова замѣнить сиротамъ мать, и предлагала ихъ отцу располагать для того ею самою и всѣми ея средствами. Къ письму былъ приложенъ приказъ въ одну изъ ея вотчинныхъ конторъ — выдать ей зятю значительную сумму денегъ. Начались совѣщанія и даже споры между отцомъ и дядей дѣвочекъ, что съ ними предпринять. Въ концѣ новой осени, Валерьянъ Андреевичъ взялъ Аврору и Ксенію отъ дяди Пети и отвезъ ихъ въ московскій Екатерининскій институтъ.

Началась непосредственная переписка дѣвочекъ съ бабкой. Въ концѣ слѣдующаго года онѣ увѣдомили княгиню, что ихъ отецъ простудился въ какой-то поѣздкѣ и, какъ пишетъ дядя, опасно занемогъ. Прошла зима, наступило лѣто. Крамалины написали бабкѣ отчаянное письмо, что ихъ дорогой папа также умеръ, что онѣ въ траурѣ и что всѣ институтки развѣзжаются на каникулы, а ихъ, круглыхъ сиротъ, некому взять, такъ какъ и дядя Петя, по слухамъ, оставилъ Дѣдиново и уѣхалъ куда-то на воды. Бабушка отвѣтила, что надо молиться о родителяхъ и терпѣть, и прислала имъ какое-то назидательное французское сочиненіе о нравственномъ долгѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ горькаго сиротства дѣвочекъ. Незадолго до ихъ выпуска изъ института, ихъ вызвали въ неурочный часъ къ директрисѣ. Войдя въ высокія, парадныя комнаты суровой начальницы, онѣ сдѣлали формальный книксенъ и, рядомъ съ нею, увидѣли высокую, въ напудренныхъ локонахъ и въ черной шали, красиво закинутой черезъ плечо, представительную и чопорную

старуху, которая внимательно и молча оглядѣла ихъ въ золотой лорнетъ, хотѣла, обернувшись къ директрисѣ, сказать что-то важное, но тутъ же залилась слезами и, безъ всякой чопорности и важности, бросилась ихъ цѣловать. То была княгиня Анна Аркадьевна Шелешпанская, рѣшившая, изъ сочувствія къ внучкамъ, покинуть Парижъ и переѣхать на постоянное жительство въ Москву.

Старуха, узнавъ лично сиротъ, искренно и горячо полюбила ихъ, ласкала, баловала и чуть не каждый день ѣздилась къ нимъ. У Авроры были способности къ музыкѣ, Ксенія предпочитала танцы. Для нихъ были наняты лучшіе по этой части особые учителя. По выходѣ внучекъ изъ института, княгиня открыла свой давно пустѣвшій домъ, у Патриаршихъ прудовъ, отдѣлала его за-ново и сама стала вывозить внучекъ въ свѣтъ. Куда на это время дѣлились слабость ея здоровья и жалобы на преклонныя лѣта! Всѣ заговорили о ея гостини, гдѣ пальмовая мебель была обита черною тисненою кожей, съ золочеными гвоздиками, о двухъ цугахъ ея лошадей, шестернѣ вороныхъ и четверкѣ чалыхъ, о ея балахъ и вечерахъ. Послѣ свадьбы Ксеніи, она формальнымъ духовнымъ завѣщаніемъ отказала свое можайское помѣстье Любаново Аврорѣ, а коломенскую деревню Ярцево—Ксеніи. Выдавъ годъ назадъ замужъ веселую и добродушную Ксенію, княгиня съ тревогой стала поглядывать на свою вторую внучку, которая, казалось, вовсе не думала о замужествѣ и нѣсколькимъ выгоднымъ искателямъ ея руки, подъ разными предлогами, отказала.

— Не разстанусь я, дорогая, съ вами!—говорила задумчивая и сосредоточенная Аврора, ухаживая за бабкой:— что мнѣ? Я довольна, счастлива; право, счастлива! Изрѣдка выѣзжаю къ знакомымъ... катаюсь верхомъ... у меня чудный Барсъ... беру уроки пѣнія и на клавикордахъ у первыхъ знаменитостей; читаю... у васъ же такая чудная библіотека! Ахъ, не говорите мнѣ, бабушка, о бракѣ... дайте подолѣе пожить съ вами, возлѣ васъ.

Старуха, отирая слезы и радостно любуясь строгою красотой Авроры, думала:

«А и въ самомъ дѣлѣ! пусть поживетъ у меня... Господь въ ней неисповѣданными путями, очевидно, искупаетъ увлеченіе, ошибку ихъ бѣдной матери, когда-то такъ легкомысленно бросившей меня».

Княгиня, въ старческомъ себялюбіи, продолжала считать ошибкою бракъ покойной дочери, забывая, что эта дочь, когда между ними произошло охлажденіе, относилась къ ней, какъ и прежде, почтительно-нѣжно и, горячо любя мужа и будучи взаимно имъ любима, жила съ нимъ до кончины вполне счастливо.

Катанья на Барсѣ Аврора забывала только ради музыки и книгъ.

Библіотека, о которой она говорила бабкѣ, состояла изъ полки русскихъ и нѣсколькихъ шкаповъ иностранныхъ изданій. Русскія книги были собраны покойнымъ мужемъ княгини, ведшимъ дружбу съ Новиковымъ и другими московскими маринистами; иностранныя же—въ большинствѣ вывезла сама Анна Аргадьевна изъ Парижа, гдѣ въ ея салонѣ собирались нѣкоторые изъ свѣтилъ современной французской литературы. Выйдя изъ института, Аврора, между изученіемъ сольфеджіи, каденцъ и руладъ Фелись-Андріе и выѣздами на концерты и балы, по совѣту институтскаго учителя русской словесности, прочла и нѣкоторые изъ тогдашнихъ немногихъ русскихъ книгъ. Княжнина, Державина и Дмитріева она едва одолѣвала. Зато съ жадностью прочла повѣсти и письма изъ чужихъ краевъ Карамзина, уже входившія въ моду басни Крылова и стихотворенія Жуковского, и всецѣло обратилась къ корифеямъ иностранныхъ литературъ. Между послѣдними она обратила особое вниманіе на прежнихъ и новыхъ французскихъ моралистовъ и съ жадностью набросилась на нихъ. Жанъ-Жакъ Руссо, Даламберъ, Де-Местръ и Бернардень-де-Сень-Пьеръ надолго стали любимцами Авроры. Она съ ними мечтала о возможности пересозданія обществъ на новыхъ, мирно-идеальныхъ началахъ. Но всѣ заговорили о Бонапартѣ, о войнѣ.

Наполеонъ сильно занялъ Аврору и сталъ ея мыслямъ представляться сказочнымъ исполиномъ, неземнымъ героемъ. Сперва она съ наслажденіемъ воображала его себѣ въ видѣ генія-благодѣтеля, неожиданно и таинственно сошедшаго въ міръ и проливающаго на человѣчество, вмѣстѣ съ своею ослѣпительною славой, потоки мирнаго, невѣдомаго, дотогѣ блаженства. Но когда, однажды, бабкѣ принесли съ почты пачку новыхъ французскихъ, изданныхъ въ Бельгій и въ Англіи, памфлетовъ о Наполеонѣ и она одинъ изъ нихъ, написанный мадамъ де-Сталь, по желанію княгини, прочла

ей вслухъ, ея взглядъ на Наполеона началъ быстро измѣняться. Вѣроломная же казнь герцога Англенскаго повергла ее просто въ отчаяніе. Узнавъ, какъ неповинный ни въ чемъ герцогъ былъ схваченъ, поставленъ во рву Венсенской крѣпости и, безъ сожалѣнія, разстрѣлянъ Наполеономъ, Аврора разрыдалась, повторила: «бѣдный, бѣдный! и за что? гдѣ наказаніе его убійцамъ?» Нѣсколько успокоясь, она заперлась у себя въ комнатѣ, наверху, прочла всѣ вновь полученныя и вывезенныя бабкой брошюры о Бонапартѣ, на которыя она прежде не обращала особаго вниманія, и Наполеонъ, съ его блескомъ, громкими войнами и разрушеніемъ старыхъ городовъ и царствъ Европы, вмѣсто идеальнаго героя, началъ ей представляться ненавистнымъ, эгоистическимъ и звѣроподобнымъ чудовищемъ. Она даже сѣтовала въ мечтахъ, почему не родилась мужчиной, иначе она была бы въ рядахъ смѣлыхъ бойцовъ, сражающихся съ этимъ новымъ Чингисъ-ханомъ.

Познакомясь съ Перовскимъ, Аврора вначалѣ съ пренебреженіемъ и насмѣшкой, потомъ внимательно вслушивалась въ его дифирамбы Наполеону и, подъ его вліяніемъ, на нѣкоторое время не то чтобы смягчила свой взглядъ на загадочнаго героя, а этотъ герой пересталъ ее волновать и раздражать. Но когда разнеслась и стала подтверждаться молва о близости войны, и когда, благодаря этому Бонапарту, котораго отчасти еще защищали Перовскій и княгиня и открыто бранили Растопчинъ и Тропининъ, Аврора должна была проститься съ человѣкомъ, котораго въ душѣ предпочитала другимъ, — въ ней снова поднялась вражда къ «корсиканскому чудовищу», грозившему Россіи бѣдствіями войны. Аврора старалась въ душѣ примириться съ отъѣздомъ искателя ея руки.

«Недалеко,—думала она,—два-три мѣсяца пролетятъ незамѣтно!.. Онъ возвратится и, несомнѣнно, выскажется»...

Когда же Перовскій, съ прочими отпускными офицерами, былъ неожиданно потребованъ къ Растопчину и ему объявили приказъ о немедленномъ выѣздѣ въ армію, Аврора не помнила себя отъ горя.

«Вернется ли онъ и дѣйствительно ли можно еще избѣжать войны?—мыслила она,—и зачѣмъ эта война, эти ужасы? И для чего, наконецъ, идетъ олицетвореніе всѣхъ ужасовъ, насилій и потоковъ крови—этотъ Наполеонъ? Его предше-

ственникъ, Марать, вызвалъ нѣкогда мечь смѣлой патриотки, — думала, содрогаясь, Аврора: — „Господи! отомсти, порази Своимъ гнѣвомъ этого насильника!“

VIII.

Наканунѣ своего отъѣзда изъ Москвы, Перовскій обѣдалъ въ домѣ Анны Аркадьевны и заѣхалъ къ ней опять вечеромъ. Въ это время у нея собрались нѣкоторые изъ близкихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ двѣ - три институтскія подруги Авроры и Ксеніи, съ братьями. Молодые люди были веселы, играли въ шарады, буримé и *secrétaire*, оживленно рассказывали о балахъ послѣднихъ дней, о сватовствѣ и близкихъ свадьбахъ въ семьяхъ нѣкоторыхъ москвичей. Кто-то передалъ, что свадьба одной изъ ихъ знакомыхъ, пожалуй, разстроится, такъ какъ ея жениха прежній ея обожатель вызвалъ на дуэль. Аврора взглянула на Перовскаго. Тому этотъ взглядъ показался упрекомъ. Онъ терялся въ его значеніи. Княгиня, въ скромномъ, фіолетово - дофиновомъ платьѣ и въ темной шали, съ грустью поглядывала на Перовскаго и Аврору, молча раскладывала въ гостиной пасьянсъ. Передъ чаемъ Ксенія открыла клавикорды и пригласила одну изъ подругъ спѣть. Нѣкоторые въ это время гуляли въ саду; между ними была и Аврора. Заслушавшись издали пѣнія, она замѣтила, что садъ опустѣлъ. Она направилась къ дому. Вдругъ она вздрогнула. Навстрѣчу къ ней изъ-за деревьевъ шель Перовскій.

Ярко свѣтилъ мѣсяцъ. Влажный воздухъ сада былъ напоенъ запахомъ листвы и цвѣтовъ. Прямая, широкая липовая аллея вела отъ ограды двора къ пруду, окаймленному зеленою поляною, съ сюрпризами, гротами, фонтанами и грядками высаженныхъ изъ теплицъ цвѣтущихъ нарциссовъ, жонгллей и барской спѣси. Сквозь ограду виднѣлись освѣщенные и открытыя окна дома, откуда доносились звуки пѣнія. Въ саду было тихо. Каждая дорожка, каждое дерево и кустъ вѣяли таинственнымъ сумракомъ и благоуханіемъ.

Увидя Перовскаго, Аврора хотѣла - было идти къ воротамъ. Онъ ее остановилъ.

— Вы здѣсь?—сказалъ Базиль, восторженно глядя на нее.

Аврора, казалось, подбирала слова. — Вотъ чтó, — проговорила она: — о войнѣ и ея виновникѣ... они у всѣхъ теперь въ мысляхъ... давно я собиралась вамъ это передать...

Прошлымъ лѣтомъ съ Архаровыми я ѣздила въ ихъ подмосковную. Тамъ собраніе картинъ, и я, помню, въ особенности засмотрѣлась на одну. На ней изображена охота въ окрестностяхъ Парижа, въ паркѣ, на оленей. Превосходная копія съ работы какого-то знаменитаго французскаго живописца. Ахъ, что за картина! ну, живые люди; а скалы, ручей, деревья...

— У Архаровыхъ, дѣйствительно, отличная картинная галерея.

— Нѣтъ, послушайте: справа на поляну за оленемъ стая озлобленныхъ гончихъ. Онъ изнемогаетъ, напрягъ послѣднія силы и спасся бы... но—на перерѣзъ ему... бѣда слѣва, въ ожиданіи оленя, стоитъ спрятанный за деревьями стрѣлокъ. Его окружаютъ верхами пышные, въ золотѣ, придворные и, въ открытыхъ коляскахъ, подъ зонтиками, красавицы, нарядныя дамы. Стрѣлокъ—Наполеонъ... Онъ въ синемъ мундирѣ, бѣломъ камзолѣ и въ треуголкѣ, какъ теперь его вижу: толстый, круглый, счастливый и крѣпкій, точно каменный.

— Именно, каменный,—сказаль, вздохнувъ, Перовскій.

— Его полное, смуглое лицо самодовольно,—продолжала Аврора:—онъ спокойно прицѣлился и чуть не въ упоръ стрѣляетъ въ бѣдное, съ высунутымъ языкомъ и блуждающими глазами, животное... Фу! я видѣла не разъ, бывала на охотѣ; но тогда же я сказала Элизѣ Архаровой: какой дурной и жестокой этотъ всѣми прославленный человекъ! Ну, можно ли такъ равнодушно-спокойно и такъ безжалостно убивать слабое, изнемогающее въ побѣгѣ, живое существо?! Онъ такъ же разстрѣлялъ и герцога Ангіенскаго...

Аврора въ волненіи смолкла.

— Вы правы... клянусь, это—жестокой человекъ!—сказаль Перовскій:—мы ему отплатимъ за всѣ его вѣроломства. Ему вспомнятся живыя завѣренія Тильзита и Эрфурта. Я заблуждался, былъ слѣпъ... говорю это теперь не съ чужого голоса и не стыжусь за то, что говорю; я ѣду съ твердымъ убѣжденіемъ, что наши жертвы, наши усилія сломятъ врага... Одно горе...

Перовскій смѣшался и замолчалъ. Аврора съ трепетомъ ожидала чего-то необычайнаго, страшнаго.

— Вы меня простите, — проговорилъ вдругъ упавшимъ голосомъ Перовскій:—я ѣду и, можетъ-быть, навсегда... но это выше моихъ силъ...

Аврора съ зампраніемъ вслушивалась въ его слова. Ея сердце билось шибко.

— Я не могу, я долженъ сказать,—продолжалъ Базиль:— я васъ люблю, и потому...

Аврора молчала. Свѣтъ померкъ въ ея глазахъ. Послѣ минутной борьбы, она робко протянула руку Перовскому. Тотъ въ безумномъ восторгѣ осыпалъ эту руку поцѣлуями.

— Какъ? вы согласны? вы...

— Да, я ваша... твоя,—прошептала, склонясь, Аврора.

Они снова углубились въ садъ. Перовскій говорилъ Аврорѣ о своихъ чувствахъ, о томъ, какъ онъ съ перваго знакомства горячо ее полюбилъ и не рѣшался объяснить.

— Все ли ты обо мнѣ знаешь?—спросилъ Базиль:—я—Перовскій, но мой отецъ носилъ другое имя.

Онъ передалъ Аврорѣ о своемъ прошломъ. Она, идя рядомъ съ нимъ, молча слушала его признанія.

— Зачѣмъ ты мнѣ это сказалъ?—спросила она, когда онъ кончилъ исповѣдь.

— Чтобы ты знала все, что касается меня. Это—тайна не моя, моего отца, и я долженъ былъ ее хранить отъ всѣхъ, но не отъ тебя..

Аврора съ чувствомъ пожала руку Перовскаго.

— Такъ ты—сынъ министра?—сказала она, подумавъ:— что же? Я рада за твоего отца; но, прости, не за тебя... Почему твой отецъ дѣлаетъ изъ этого тайну?

Перовскій сослался на обычаи свѣта, на положеніе отца.

— Ты любишь свою мать?—спросила Аврора.

— Еще бы!.. всѣмъ сердцемъ, горячо.

— И она—хорошая мать, добра, заботилась о тебѣ?

Базиль разсказалъ о своихъ дѣтскихъ годахъ въ Малороссіи, о свиданіи въ деревнѣ съ отцомъ, передъ отъѣздомъ въ ученье, о пребываніи въ университетѣ и о поступленіи на службу въ Петербургъ.

— И ты, съ отъѣзда изъ деревни, не видѣлъ отца?

— Видѣлъ въ Петербургѣ.

— И онъ не оставилъ тебя при себѣ?

Базиль молчалъ.

— Я такъ же горячо, какъ и ты, люблю твою матушку,—сказала Аврора:—но тебя узнаетъ и, нѣтъ сомнѣнія, ближе оценитъ и твой отецъ; не можетъ быть, чтобы онъ тобою не гордился, тобою не жилъ.

Изъ-за ограды раздался голосъ слуги княгини. Власа:

— Барышня, бабушка васъ зовуть... Мелецкіе уѣзжаютъ...

— Постой, еще слово, — проговорилъ Перовскій, не выпуская руки Авроры:—подари мнѣ на память какую-нибудь бездѣлицу... ну, хоть этотъ цвѣтокъ.

Аврора вырвала изъ пучка сирени, приколотатаго къ ея груди, цвѣтущую вѣтку и подала ее Перовскому.

— Есть у тебя твой портретъ?—спросила она.

— Есть миниатюрный, работа Ильи... я хотѣлъ завтра его послать матери въ Почепъ, но для тебя...

— Отлично. Илья Борисовичъ сниметъ мнѣ копію.

— Нѣтъ, нѣтъ! — вскрикнулъ Перовскій:—возьми этотъ! онъ готовъ... со мной! вотъ онъ... я сегодня утромъ получилъ его изъ отдѣлки.

Онъ подаль Аврорѣ медальонъ съ крошечнымъ своимъ акварельнымъ портретомъ. Она взглянула на портретъ и прижала его къ груди.

— Барышня, да гдѣ же вы? — раздался отъ воротъ голосъ экономки Маремьяши.

Аврора спрятала медальонъ подъ корсажъ платья и, отирая слезы, направилась изъ сада. Она объ руку съ Перовскимъ возвратилась въ домъ, откуда уже начали раздѣжаться.

— Ну, теперь иди къ бабушкѣ,—сказала она, сморщивъ носикъ:—и дѣлай формальное предложеніе: иначе нельзя... какъ можно, обидится, еще откажетъ.

Базиль было направился въ гостиную. Аврора остановила его.

— Нѣтъ,—объявила она, выпрямляясь:—пойдемъ вмѣстѣ.

Сильно поблѣднѣвъ и ни на кого не глядя, она твердо прошла черезъ рядъ комнатъ, подвела Перовскаго къ бабкѣ, окруженной у двери въ молельню прощавшимися гостями, и, держа его за руку, тихо проговорила:

— Дорогая бабушка, вотъ мой женихъ.

Княгиня обомлѣла.

— Да какъ же это, не спросясь? Да что же и ты, какъ смѣлъ?—обратилась-было княгиня къ Перовскому, но тутъ же, едва сдерживая слезы, она обняла его, обняла и упавшую передъ нею на колѣни Аврору, крестила ихъ и цѣловала:—въ мать! въ мать! смѣла и мила!—твердила она, смѣясь и плача. — Охъ, родные мои, любите другъ друга и будьте счастливы!

Развѣздъ гостей пріостановился. Всѣ радовались счастливой развязкѣ романа Авроры. Потребовали шампанскаго, и помолвка сговоренныхъ была полпга обильными тостами.

— Но неужели это послѣднее прощаніе, и мы болѣе уже не увидимся?—спросилъ Перовскій Аврору, когда пришелъ чередъ ихъ прощанью: — вѣдь я завтра, что ни дѣлай, утромъ ѣду.

Въ голосѣ Базилія дрожали слезы. Глаза всѣхъ были обращены на него.

— До свиданія... осенью,—отвѣтила, стараясь улыбнуться и крѣпко пожавъ ему руку, Аврора.

— До свиданія, до свиданія!—твердили прочіе.

Перовскій простился со всѣми и уѣхалъ. Аврора бросилась къ себѣ на антресоли и разрыдалась. Она ходила по комнатѣ, ломала свои руки и повторяла: «вѣтъ, нѣтъ! такъ невозможно... но неужели? о, Господи! вразуми, подкрѣпи, охрани меня»...

На квартирѣ Базилій разбудилъ хозяйскаго слугу, зажегъ свѣчу и, вздыхая, написалъ и послалъ записку къ Митѣ Усову, жившему неподалеку, въ гостиницѣ Лондонъ. Въ запискѣ онъ извѣщалъ, чтобы Митя завтра явился пораньше, такъ какъ почтовые лошади будутъ готовы къ семи часамъ утра. Перовскому приходилось ѣхать до Можайска съ Митей, и онъ съ нимъ условился завернуть тамъ, по близости, въ усовскую деревушку Новоселовку, гдѣ у Мити, по желанію отца, шли поправки въ домъ и гдѣ онъ надѣялся получить съ крестьянъ оброкъ, чтобы возвратить Перовскому деньги, занятія у послѣдняго въ Москвѣ. Пославъ записку, Базилій уложилъ въ чемоданъ послѣднія вещи и взглянулъ на часы. Былъ второй часъ ночи.

«Недалеко до утра, — подумалъ онъ, — гдѣ тутъ спать? Ночь чудная, лунная... скоро разсвѣтъ... пойду, прогуляюсь... а утромъ, по пути, еще разъ заѣду проститься съ Авророй».

Базилій раскрылъ окно, выходявшее въ сосѣдній садъ, и задумался.

«Нѣтъ,—сказалъ онъ себѣ:—врядъ ли удастся такъ рано увидѣть Аврору... Напишу ей лучше теперь и самъ завезу къ ней записку; вызову ее какъ-нибудь, хоть на мгновеніе, на Патриаршіе пруды... Она могла бы выйти съ Маремьяшей или съ Власомъ... Но удалось намъ и наговориться... а столько хотѣлось бы высказать, передать»...

Базиль сѣлъ къ столу и началъ писать. Прошло нѣсколько минутъ. За дверью послышался шорохъ.

«Это слуга возвратился отъ Мити,—подумалъ Базиль:— ищетъ впотьмахъ дверного замка».

Онъ продолжалъ писать. Дверь скринула. Перовскій обернулся.

У порога стояла жепская фигура, въ черномъ, подъ густою, темною вуалью.

— Кто это?—спросилъ Базиль, вскакивая.

Фигура неподвижно и молча стояла у порога. Перовскій шагнулъ къ ней ближе. Онъ узналъ Аврору.

— Ты? ты здѣсь? — вскрикнулъ онъ, притягивая ее къ себѣ и осыпая безумными, страстными поцѣлуями ея похолодѣвшія руки, лицо, волосы:—какъ ты рѣшилась, дорогая, какъ нашла?

— Я хотѣла еще разъ видѣть тебя, поговорить.

Базиль не помнилъ себя отъ счастья.

— Вѣдь и я, вообрази, думалъ къ тебѣ сейчасъ,—произнесъ онъ, усаживая Аврору и садясь противъ нея:— вотъ, смотри, даже писалъ къ тебѣ, хотѣлъ вызвать.

Аврора откинула за плечи вуаль, пристально взглянула на него и съ мыслью: «Что будетъ далѣе — не знаю, теперь же ты со мной!» страстно обхватила его голову.

— Какая пытка! — шептала она въ слезахъ:—и зачѣмъ мы встрѣтились, сошлись? Я боялась, боролась: что, если кто встрѣтитъ? Но видишь, я здѣсь. Неужели разлука навѣкъ?

— О, я вѣрю въ нашу звѣзду; мы, дастъ Богъ, снова увидимся,—сказалъ Базиль.

— Да! разумѣется! Что же это я, безумная?.. Увидимся непременно.

Аврора отерла слезы, помахала себѣ въ лицо платкомъ.

— Ты на прогулкѣ тогда,—сказала она:—упомянулъ, но какъ-то легко, какъ бы въ шутку, о молитвѣ... Вы, мужчины, прости, маловѣры... а тебѣ предстоитъ такое важное, тяжелое дѣло... Ты не разсердишься?

— Говори, говори.

— Покойница мать учила меня и сестру прибѣгать, въ дни горя и скорби, къ Покрову Божіей Матери. Дай слово, что ты искренно будешь молиться этому образу.

— Клянусь, исполню твой завѣтъ.

Аврора вынула изъ кармана иконку и надѣла ее на шею Базилѣ. Слезы стояли въ ея глазахъ.

— Ну, теперь я все сказала, прощай,—произнесла она, стирая лицо.

— Какъ? разставанье? — вскрикнулъ Перовскій: — по гдѣ же Божья правда? Мигъ встрѣчи — и мѣсяцы разлуки! Я все брошу, все... останусь съ тобой, не уходи... слушай, я попрошусь въ переводъ, въ здѣшніе полки.

— Не дѣлай этого! Мужайся, Базиль: тебя зоветъ долгъ службы, спасеніе родины; честно ей послужи. Я люблю тебя, и, вѣрь, другого не полюблю. Буду счастлива при мысли, что ты исполнилъ свое призваніе, какъ истинный, честный патриотъ. Такъ жалки другіе, бѣжавшіе по деревнямъ, мужья, братья, женихи... о, ты выше ихъ!

— Но, ради Бога, помедли, не уходи, — молилъ Перовскій:—еще слово...

За дверью послышались шаги. Аврора накинула на лицо вуаль. У порога показался слуга.

— Такъ до свиданія, — сказала Аврора: — мужайся, увидимся.

— Я тебя провожу,—отвѣтилъ Базиль.

Онъ подаль ей руку, и они направились къ Бронной. Начинался блѣдный разсвѣтъ. Улицы были еще пусты. У Ермолая Базилѣ и Аврору обогналъ кто-то на дрожкахъ. Имъ было не до него.

Утромъ ямская тройка лихо мчала Перовскаго и Митю по дорогѣ къ Можайску. Базиль покрывалъ поцѣлуями платокъ, оброненный Авророй у него въ комнатѣ.

Въ Новоселовкѣ путники пробили около сутокъ. Завѣдывавшій здѣшнимъ хозяйствомъ Усовыхъ, староста Климычъ, жалуясь, по обычаю, на неурожай и на тяжелыя времена, кое-какъ, съ недочетами, собралъ и снесъ молодому барину съ крестьянъ не разъ отсрочиваемый оброкъ. Няня, Арина Ефимовна, успѣла напечь Митѣ и его гостю шпрожковъ, лепешекъ и прочаго съѣстнаго, каждому на дорогу особо, такъ какъ пріятели далѣе ѣхали по разнымъ путямъ. Чемоданы были окончательно уложены, все увязано и вынесено въ переднюю. Илья Тропининъ просилъ Перовскаго наблюдать за послѣдними сборами и отъѣздомъ Мити изъ деревни, которую послѣдній особенно любилъ.

— А ужъ ты, батюшка, Митенька, воля твоя,—говорила Ефимовна, суетясь на разставаньѣ и со слезами хвѣдя изъ комнаты въ комнату, со связкой ключей у пояса:—не безпокойся; мы и родительскій твой домишко, и весь вашъ хозяйскій скарбъ, какъ мебель и вещи въ домѣ, такъ и всякіе припасы въ кладовыхъ—сбережемъ и сохранимъ въ цѣлости нерушимо. А окромѣ брата, Ильи Борисовича, и будущая хозяйка вотъ ихъ милости, Василя Алексѣевича,—ни вѣсть что за даль любановская усадьба, — авось навѣдается сюда, дастъ намъ порядокъ. И княгиня-матушка на крестинахъ правнука увидѣла меня въ экономкиной свѣтелкѣ и говоритъ: «Ты у меня, Ефимовна, тоже смотри; я и изъ Москвы глазастая; чтобы все господское у тебя было въ порядкѣ; старый твой хозяинъ нынѣ живетъ за Волгой, а его сынъ ѣдетъ въ походъ, ему не до того, и Богъ вѣсть еще, когда сядетъ у васъ на хозяйство,—смотри!»

— Будь спокойна, Ефимовна,—отвѣтилъ Митя:—за тобою мы всѣ ни о чемъ и не думаемъ.

Арина утерла слезы и гордо обдернула на груди концы платка.

— И я тебѣ, голубушка няня, скажу,—прибавилъ Митя:—вернусь изъ похода, вотъ онъ женится, всѣ они прѣдутъ въ Любалово,—въ Ярцевѣ у нихъ домъ меньше и не такъ устроены; и я тоже женюсь, вслѣдъ за Базилемъ, — найду невѣсту непремѣнно,—и поселюсь здѣсь... Вотъ въ этой залѣ отпиремъ и свадебный пиръ.

— Ну, тебѣ бы, Митенька, еще и рано, послужи!—всхлипывала Ефимовна.

Сборы были кончены къ вечеру. Кибитки Мити и его гостя стояли нагруженные у крыльца. Выбившався изъ силъ Арина, плача, клала туда послѣдніе узелочки в узлы.

— Да чего ты, Ефимовна, плачешь? — спросилъ Перовскій, стараясь быть бодрымъ и веселымъ, при проводахъ порученнаго ему товарища:—вотъ, оглянись, Дмитрій, — обратился онъ къ бѣлокурому, кудрявому юношѣ, уже сидѣвшему въ телѣгѣ, на горѣ узловъ:—взгляни еще разъ, какъ обновлень и прибражь вашъ родовой уголъ; и все это твоя няня, все она. Я радъ, что вы съ нею снова наладили дѣдовское гнѣздо; точно заботливья тѣни бабки и дѣда еще витаютъ здѣсь, въ ихъ любимой когда-то Новоселовкѣ.

— Ахъ, я такъ счастливъ, счастливъ!—произнесъ Митя:—затратилъ на поправки, зато надолго, до собственныхъ моихъ звуковъ, опять наладилъ! А какъ мы здѣсь зимою чертили планы? вотъ было весело!

— Запомни же все!—продолжалъ Базиль:—я самъ, вѣкогда уѣзжая изъ родного гнѣзда, старался подолѣе глядѣть вокругъ, чтобы запомнить малѣйшія черты дорогихъ мѣстъ. Я убѣжденъ, что если не выпче же лѣтомъ, то уже осеью, въ августъ или сентябрѣ, этотъ уголь, дастъ Богъ, непременно встрѣтить здѣсь насъ обоихъ такимъ же уютнымъ и гостепріимнымъ, какимъ онъ, вѣроятно, встрѣчалъ когда-то и твоихъ родителей. Едва объявится миръ, возьмемъ отпускъ, а не то и выйдемъ въ отставку и заживемъ. Любаново—рукою подать, будемъ видѣться... Помни же, осеью, не далѣе сентября.

— Да отдай, няня, починить мое охотничье ружье,—опо въ шкапу, знаешь, тамъ, гдѣ мои тетради, книги и удочки!—крикнулъ Митя, смигивая слезы и стараясь тоже говорить весело и держаться молодцомъ:—и лазариновскіе дѣдушкины пистолеты въ чехлахъ; тамъ тоже уздечки, знаешь? Ну, мнѣ налѣво, тебѣ направо... прощай голубчикъ Базиль, до осени... оба женимся непременно и заживемъ!..

Няня, утираясь, только махала рукой. Митя уѣхалъ. Онъ улыбался, издали крестя пріятеля и Арину и не спуская глазъ съ родного, обитаго новымъ тесомъ, домишка, стоявшаго среди березъ на холмѣ, съ зеленаго сада и крылатой мельницы, съ тучею голубей, вившихся надъ ними. Все это понемногу скрылось за другими холмами. По совѣту друга, Митя усиливался до послѣдняго мгновенія, до поворота за ближній лѣсъ, запомнить въ душѣ всѣ эти дорогія мѣста, гдѣ онъ родился и гдѣ, подъ наблюденіемъ Ефимовны, подросъ, пока, по просьбѣ его отца, Илья Тропининъ пристроилъ его въ ученье, а потомъ на службу въ Петербургъ.

IX.

Проводивъ Митю, Перовскій позвалъ старосту Клима, бѣлолицаго, благообразнаго и расторопнаго мужика, съ добрыми и умными глазами. Смерклось. Базиль разспросилъ Клима о ближайшемъ проѣздѣ на смоленскую дорогу, и на усовской тройкѣ, а далѣе на почтовыхъ, выѣхалъ мимо тонувшихъ въ ночной полумглѣ, на холмахъ и въ долинахъ, окрестныхъ деревушекъ и сель.

Невдали от Новоселовки, при переѣздѣ черезъ какой-то мостъ, онъ спросилъ возницу, что за зданія видѣются въ темнотѣ.

— Бородино,—отвѣтить возница.

— Большое село?

— Да, сударь. Оттелева Митрій Миколанчъ добылъ прошлый годъ голубей... у отца Павла повсегда важнѣющіе...

Памятно впоследствии стало это село Перовскому и всей Россіи.

Лошади мчались.

«А она-то, моя владычица, мой рай! что съ нею? — думалъ Базиль, погруженный въ мечты о послѣднемъ свиданіи съ Авророй:—да, наше счастье прочно, ненарушимо... Какъ она любить, какъ предана мнѣ!»

Грезы смѣнялись грезами. Перовскій перебиралъ въ умѣ свое прошлое. Ему съ живостью представилось его дѣтство, богатое черниговское помѣстье Подчень, огромный, выстроенный знаменитымъ Растрелли домъ, возлѣ дома—спалавшій къ рѣкѣ обширный садъ и самъ онъ, ребенкомъ, бѣгающій по этому саду въ рубашечкѣ. Онъ вспоминалъ свою мать, Анну Михайловну, высокую, румяную, съ черною косой, чернобровую красавицу, изъ должностныхъ хозяина помѣстья. Онъ съ нею и съ братьями жилъ въ отдѣльномъ флигелѣ, невдали отъ большого дома. Здѣсь его учили грамотѣ.

Въ отроческіе годы Базиль, графъ, владѣлецъ Подчепа, лишь изрѣдка жилъ въ больномъ домѣ. Дѣти Анны Михайловны въ то время видѣли его только въ церкви или изъ оконъ флигеля, когда онъ съ пышностью, провожаемый слугами, выѣзжалъ по хозяйству или къ сосѣдямъ. Тѣнистыя дороги сада, красивыя бесѣдки, клумбы цвѣтовъ и лабиринтъ изъ пирамидальныхъ тополей, гдѣ мальчишки, въ отсутствіе графа, прятались, играя съ дѣтьми другихъ должностныхъ графа, — все это въ воспоминаніяхъ Базилья невольно сливалось со слезами матери. Анна Михайловна нерѣдко, безмолвно поглядывая изъ окна флигеля на большой, то пустынный, то съ пріѣздомъ графа ярко освѣщенный домъ, обнимала дѣтей и со вздохомъ говорила: «Соколы мои, соколы! что-то съ вами будетъ?»

Въ памяти Перовскаго особенно сохранилось одно событіе. То была поѣздка его матери въ какой-то отдаленный монастырь. Графъ долго не пріѣзжалъ изъ Петербурга, гдѣ,

какъ всѣ говорили, онъ занимать важное мѣсто. Анна Михайловна снарядилась, взяла съ собою Васю и его старшаго брата Льва и съ ними въ бричкѣ, на долгихъ, выѣхала на богомолье. Раскачиванье уложенной периной и подушками. просторной брички, мѣрный бѣгъ тройки сытыхъ, весело фыркающихъ саврасокъ, раздольныя поля, полныя залахомъ цвѣтущихъ травъ, пѣсни жаворонокъ, ночлеги въ хуторахъ, дремучій монастырскій лѣсъ, оглашаемый у рѣки соловьиными свистами, и долгое моленіе въ старомъ, окуренномъ ладаномъ храмѣ, гдѣ усталый Вася, прикорнувшись за колонной, заснулъ, — все это ему вспоминалось живо, какъ и радость матери по ихъ возвращеніи домой.

Вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда, въ Почепъ прибылъ на лѣтній отдыхъ и графъ. На другой день по его водвореніи въ Почепъ, Анну Михайловну и ея сыновою позвали къ нему въ домъ. Мальчиковъ принарядили и ввели въ графскій кабинетъ. Графъ сидѣлъ въ лиловомъ бархатномъ халатѣ, напудренный, красивый и величавый. Секретарь кончилъ докладъ и уносилъ бумаги.

— Молодцы! — сказала графъ, посмотрѣвъ на черноглазыхъ мальчугановъ, бойко прочитавшихъ ему наизусть оду Державина, и расцѣловалъ ихъ.

Оправивъ на себѣ кружевной шарфъ и манжеты, онъ далъ дѣтямъ по кошельку съ дукатами и сказалъ:

— Это вамъ на оружіе, въ память вашего покойнаго отца; онъ былъ мнѣ вѣрнымъ другомъ и слугою. Я далъ ему слово заботиться о васъ, сиротахъ. Надо учиться болѣе; поѣдете въ Москву.

Дѣти весело разглядывали кабинетъ, убранный рѣдкими картинами, охотничьими приборами, чучелами птицъ, вазами и статуями. Стоявшая у порога ихъ мать отирала радостныя слезы. Старшаго изъ сыновою Анны Михайловны увезли ранѣе, Васю—нѣсколько позже. Къ нему приставили вышесаннаго изъ чужихъ краевъ гувернера и съ нимъ отправили его въ Москву, гдѣ сперва помѣстили въ частномъ пансіонѣ, потомъ опредѣлили въ университетъ.

Вася, еще по девятому году, въ Почепѣ, отъ какого-то пьянчужки, сельскаго писаря изъ семинаристовъ, узналъ, что графъ — его отецъ, но этого не признаетъ, такъ какъ очень знатень, живетъ возлѣ царя въ Петербургѣ и занимаетъ тамъ мѣсто министра.

— По развѣ министрамъ запрещено имѣть дѣтей?— спросилъ писаря удивленный Вася.

— Дубина ты, стульгусъ, и больше ничего; значить, что нельзя!—отвѣтилъ сельскій грамотѣй.

Проболтавшись объ этомъ разговорѣ матери, Вася отъ нея услышалъ, что графъ будетъ очень гнѣваться и лишитъ ихъ всѣхъ своихъ милостей, если они станутъ рассказывать о родствѣ съ нимъ. Съ той поры, на вопросы товарищей и знакомыхъ, кто его отецъ, Перовскій отвѣчалъ:

— Я — сирота съ дѣтства; мой отецъ, украинскій хуторянинъ, служилъ въ Малороссіи управляющимъ одного графа и давно умеръ...

Выдержавъ послѣдній экзаменъ въ университетѣ, Вася написалъ о томъ радостное письмо матери и съ нетерпѣніемъ собирался ѣхать къ ней на родину, гдѣ не было около семи лѣтъ. Ему рисовался Почепъ, тѣнистый садъ, дорогой флигель, свобода. Но къ нему на квартиру, гдѣ онъ жилъ съ Ильей Тропининымъ, явился незнакомый старичокъ-чиновникъ, въ сѣромъ фракѣ, съ сахарною улыбочкой и хохолкомъ на головѣ, и, поздравивъ его отъ имени графа, объявилъ, что онъ, Перовскій, милостью высокаго покровителя, уже опредѣленъ на службу въ колонновожатые, то-есть въ свитскіе, и что, въ виду этого, графъ совѣтуетъ ему, дабы не потерять мѣста, безъ замедленія ѣхать въ Петербургъ. Чиновникъ вручилъ ему при этомъ нужную сумму на обмундированіе и на отъѣздъ къ мѣсту служенія и, откланиваясь, спросилъ, когда же Василій Алексѣевичъ располагаетъ ѣхать, такъ какъ о томъ должно дать знать его сіятельству. Базиль подумалъ и отвѣтилъ:

— Черезъ недѣлю.

Какъ ни уговаривалъ его Илья Тропининъ обождать, еще повеселиться, гдѣ-то охотиться и, притомъ, въ компаніи другихъ, кончившихъ ученіе студентовъ, варить жженку, Базиль въ назначенное время оставилъ Москву. Онъ сгоралъ нетерпѣніемъ увидать Петербургъ и отца.

«Теперь графъ, навѣрное, признастъ меня! — въ трепетномъ восторгѣ мыслилъ Базиль:—я уже болѣе не подчепскій хуторянинъ, а получившій высшее образованіе офицеръ! Отецъ съ гордостью,—если не дастъ еще мнѣ своего имени и графскаго титула, о чемъ я, разумѣется, и не мечтаю,—назоветъ меня, хоть пацанинъ, хотя слазь-на-глазъ, своимъ»

сыпомъ... и у меня будетъ отецъ... да какой еще отецъ! Какъ всё хвалить высокія его дарованія, любовь къ наукамъ и искусствамъ, честь и умъ! Онъ сниметъ съ меня запретъ—хоть для нашихъ личныхъ сношеній... Я поселюсь у него, буду близко ежедневно видѣть замѣчательнаго государственнаго дѣятеля; я брошусь къ нему, онъ прижметъ меня къ своей груди!»

Ожиданія Базилія сбылись. По графъ-отецъ, вѣроятно, избѣгая до времени превратной огласки и пересудовъ, не нашелъ еще возможнымъ поселить у себя сына въ Петербургѣ. Къ Базилію въ гостиницу, послѣ перваго радостнаго его свиданія съ отцомъ, когда онъ, весь возбужденный, былъ наверху блаженства, явился тотъ же бывший въ Москвѣ старичокъ-чиновникъ, оказавшійся однимъ изъ служащихъ въ домовой канцеляріи графа, ласково разспросилъ его, гдѣ онъ думаетъ найти квартиру, доволенъ ли службой и начальствомъ и не нуждается ли еще въ чемъ-либо приватномъ. Но тутъ же далъ Базилію понять, что недалекое, болѣе утѣшительное будущее вполнѣ зависитъ отъ двухъ предметовъ: отъ его скромности вообще и отъ умолчанія, въ особености, насчетъ какихъ-либо его отношеній къ графу-министру. Базиль, съ болью въ сердцѣ, объявилъ, что безпрекословно преклоняется передъ волею графа-отца.

Его, по письму Ильи Тропинина, отыскалъ въ Петербургѣ незадолго передъ тѣмъ выпущенный изъ московскихъ гадетъ, также въ колонновожатые, двоюродный братъ Ильи, Дмитрій Николаевичъ Усовъ, котораго онъ изрѣдка видѣлъ еще въ Москвѣ. Базиль сошелся съ нимъ, полюбилъ его, какъ и его родича Тропинина, и почти съ нимъ не разставался. Когда минувшю весной Перовскій въ Москвѣ, на балу у Пелединскихъ, увидѣлъ Аврору и первому Митѣ высказалъ наполнившее его чувство къ ней, Митя поблѣднѣлъ, потомъ вспыхнулъ и крѣпко пожалъ ему руку.

— Слушай, Перовскій! — сказала онъ ему: — это такая дѣвушка, такая... если бы братъ Ильюша не былъ женатъ на ея родной сестрѣ, понимаешь ли?.. она была бы... я все отдалъ бы, все... Отецъ Ильи крестилъ меня, мы—братья и по кресту... Еще на его свадьбѣ, годъ назадъ, я сообразилъ и все терзался... А теперь охотно уступаю этотъ кладъ, это сокровище тебѣ... Илья тоже тебѣ поможетъ!

— Да съ чего же ты взять, что это серьезно?—удивился,

также краснѣя, Базиль: — и что такое бальная встрѣча? Мало ли кого мы встрѣчаемъ...

— А вотъ, увидишь, — произнесъ Митя: — я убѣжденъ, попомни мое слово, Аврора будетъ твоя.

Предсказаніе Мити сбылось. Базиль ѣхалъ въ армію счастливымъ женихомъ Авроры.

Изъ Можайска Базиль долженъ былъ взять почтовыхъ и оттуда ѣхать въ главную квартиру первой арміи, въ Вильну. Разсчитывая время, онъ боялся, что Барклай-де-Толли могъ уже оттуда двинуться къ западной границѣ.

Онъ вошелъ на станцію, отыскалъ комнату смотрителя и, вручивъ послѣдному свою курьерскую дорожную, потребовалъ лошадей. Смотритель вышелъ и опять возвратился.

— Лошади будутъ сейчасъ готовы, — сказалъ онъ какъ-то смущенно: — только васъ здѣсь спрашиваютъ какіе-то господа... они тоже только что пріѣхали.

— Кто? гдѣ они?

Смотритель указалъ на общую станціонную комнату. Базиль вошелъ туда. Освѣщенный тусклымъ огаркомъ, съ дивана всталъ высокій, тощій и желтолицый господинъ, въ черной венгеркѣ, съ серебряными пуговицами. Базиль отступилъ: передъ нимъ стоялъ «гусаръ смерти», эмигрантъ Жерамбъ. Сзади его видѣлись двое незнакомыхъ штатскихъ: юноша — въ модномъ рединготѣ и пожилой — во фракѣ.

— Вы удивлены? — произнесъ по-французски Жерамбъ: — я самъ крайне смущенъ этою неожиданною встрѣчей... ѣхалъ, вотъ съ этими господами, въ помѣстье одного изъ нихъ, но узналъ, что вы здѣсь... и потому...

— Что же вамъ нужно? — сухо спросилъ Базиль.

— Господинъ Перовскій, вы понимаете, — продолжалъ съ дрожью въ голосѣ Жерамбъ: — мы шли по одной дорогѣ къ честной, надѣюсь, цѣли...

— О чести на этотъ счетъ предоставьте судить мнѣ.

— Согласенъ... вы имѣли болѣе успѣха, я преклонился, былъ готовъ отступить, даже отступилъ...

— Далѣе, далѣе! — вскрикнулъ, теряя терпѣніе, Базиль.

Жерамбъ на мигъ остановился. Его впалые глаза сверкали, нижняя челюсть вздрагивала, руки судорожно сжимались. Штатскіе молча поглядывали на него.

— Вы понимаете, господинъ Перовскій, — произнесъ

онъ: — два дня назадъ, я васъ видѣлъ рано утромъ съ одною дамою... она еще не ваша, но вы ее преслѣдуете, ходите съ нею наединѣ...

— Я не подозрѣвалъ, что у нея такіе добровольные, не-прошенные, соглидаты.

— Что вы этимъ хотите сказать? Я... требую...

Базиль смѣрилъ Жерамба глазами.

— Удовлетворенія?—спросилъ онъ:—дуэль?

— Именно... вы, понимаете, между честными людьми...

— Гдѣ, здѣсь?

— Теперь же безъ отлагательства.

— Но вы, полагаю, поймете: теперь война; притомъ, у меня здѣсь нѣтъ секундантовъ.

— Одинъ изъ этихъ господъ,—Жерамбъ указалъ на юношу:—можетъ быть въ этомъ случаѣ въ вашемъ распоряженіи.

— Къ незнакомымъ не обращаются съ такими предложеніями, — отвѣтилъ Базиль: — наконецъ, знайте: то — моя невѣста.

Жерамбъ захохоталъ. Базиль бросился къ нему. Дверь отворилась.

Въ комнату вошли двое другихъ проѣзжихъ: пожилой пѣхотный офицеръ и, среднихъ лѣтъ, военный докторъ Миртовъ, знавшій Базиля по Петербургу. Они также ѣхали въ первую армію. Предупрежденные смотрителемъ, они вмѣшались въ ссору и прекратили ее. Базиль повторилъ Жерамбу, что онъ къ его услугамъ. Давъ ему свой адресъ, онъ уплатилъ смотрителю прогоны, поклонился и вышелъ на крыльцо. Красивый, полный и всегда веселый докторъ Миртовъ, уладивъ столкновеніе, старался успокоить взволнованнаго Перовскаго.

— Охота вамъ расходовать силы и храбрость на этого воплощеннаго мертвеца! — сказалъ онъ: — впереди у насъ столько живыхъ враговъ.

Базиль, пожавъ ему руки, сѣлъ въ телѣжку.

— Не забудьте же, послѣ войны! — крикнулъ ему съ крыльца все еще кипятившійся Жерамбъ.

— Къ вашимъ услугамъ, — отвѣтилъ, кланяясь ему и Миртову, Перовскій.

Телѣга помчалась. Прислушиваясь къ колокольчику, Базиль съ замираніемъ сердца вспоминалъ свой отъѣздъ изъ Москвы и прощаніе съ Авророй.

«А эготъ, эготъ? — не унимался онъ: — вздумалъ напугать, отнять ее у меня! Нѣтъ, никто теперь насъ не разлучить, никто».

X.

Прибывъ въ штабъ первой арміи, Перовскій увѣдомилъ невѣсту, что доѣхалъ благополучно, что всѣ говорятъ о неизбежной войнѣ, — войска въ движеніи, — но что еще ничего вѣрнаго неизвѣстно.

Москва, между тѣмъ, начинала сильно смущаться. Газеты, въ особенности «Устья Эльбы» и «Гамбургскій Курьеръ», приносили тревожныя извѣстія. Война становилась очевидно и близкою. Всѣ знали, что государь Александръ Павловичъ, быстро покинувъ Петербургъ, болѣе мѣсяца уже находился при первой арміи Барклая-де-Толли въ Вильнѣ. Но всѣ эти толки были еще шатки, неопредѣленны.

Вдругъ прошла потрясающая молва. Стало извѣстно, что, послѣ майскаго призыва къ полкамъ всѣхъ отпускныхъ офицеровъ, изъ Вильны къ графу Раstopчину примчался съ важными депешами фельдъегерь. Сперва по секрету, потомъ громко, наконецъ, заговорили, что Наполеонъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, безъ объявленія войны, съ громадными полчищами неожиданно вторгся въ предѣлы Россіи и уже безъ боя занялъ Вильну. Шестого іюля, съ новымъ государевымъ посланцемъ, Раstopчину было доставлено воззваніе императора къ Москвѣ и манифестъ объ ополченіи, причемъ сталъ извѣстенъ объѣтъ государя «не вкладывать меча въ ножны, пока хоть единый непріятельскій воинъ будетъ на Русской землѣ». Вспоминали при этомъ слова императора, сказанныя по-французски за годъ передъ тѣмъ о Наполеонѣ: «*Il n'y a pas de place pour nous deux en Europe: tôt ou tard, l'un ou l'autre doit se retirer!*» («Нѣтъ мѣста для насъ обоихъ въ Европѣ; рано или поздно, одинъ изъ насъ долженъ будетъ удалиться»). Шестнадцатаго іюля и самъ государь Александръ Павловичъ явился, наконецъ, среди встревоженной и восторженно-встрѣчавшей его Москвы. Государь, принявъ дворянство и купечество, оставался здѣсь не болѣе двухъ дней и поспѣшилъ обратно въ Петербургъ, откуда, по слухамъ, уже снаряжали къ вывозу въ Ярославль и въ Кострому главныя цѣнности и архивы.

Москва заволновалась, какъ старый улей пчель, по которому ударили обухомъ. Чернь толпилась на базарахъ и у

кабаковъ. Москвичи заговорили о народной самооборопѣ. Началось формированіе ополченій. Первые московскіе бары и богачи, графы Мамоновъ и Салтыковъ, объявили о снаряженіи на свой счетъ двухъ полковъ. Тверской, Никитскій и другіе бульвары по вечерамъ наполнялись толпами любопытныхъ. Здѣсь оживленно передавались новости изъ Петербурга и съ театра войны. Дамы и дѣвицы привѣтливо оглядывали красивыя и новенькія наряды мамоновскихъ казаковъ. Побѣда у Клястиць охранителя путей къ Петербургу, графа Витгенштейна, въ концѣ іюля, вызвала взрывъ общихъ, шумныхъ ликованій. Бѣлые и черныя султаны наѣзжавшихъ съ депешами недавнихъ московскихъ танцоровъ, гвардейскихъ и армейскихъ офицеровъ, чаще мелькали по улицамъ. Въ греческихъ и швейцарскихъ кондитерскихъ передавались шопотомъ вѣсти изъ проникавшихъ въ Москву иностранныхъ газетъ. Всѣ ждали рѣшительной побѣды.

Но прошло еще время, и двѣнадцатаго августа москвичи съ ужасомъ узнали объ оставленіи русскими арміями Смоленска. Путь французовъ къ Москвѣ становился облегченнымъ. Толковали о возникшей съ начала похода неурядицѣ въ русскомъ войскѣ, о раздорѣ между главными русскими вождями, Багратиономъ и Баркляемъ-де-Толли. Этому раздору молва приписывала и постоянное отступленіе русскихъ войскъ передъ натискомъ наполеоновыхъ полчищъ. Свѣтскіе остряки распѣвали сатирическій куплетъ, сложенный на этотъ счетъ поклонниками недавнихъ кумировъ, которыхъ теперь всѣ проклинали:

«Vive l'état militaire,
Qui promet à nos souhaits
Les retraites en temps de guerre,
Les parades en temps de paix!»

(«Да здравствуютъ военные, которые обѣщаютъ намъ отступленія во время войны и парады во время мира!»)

Осторожнаго и медлительнаго Барклая-де-Толли, своими отступленіями завлекавшаго Наполеона въ глубь раздраженной страны, считали измѣнникомъ. Нѣкоторые презрительно переначивали его имя: «Волтай да и только». Шли въ дружеской бесѣдѣ сатиру на него:

«Les ennemis s'avancent à grands pas,
Adieu, Smolensk et la Russie...
Barclay toujours évite les combats!»

(«Враги быстро близятся; прощай, Смоленскъ и Россія! Барклай постоянно уклоняется отъ сраженій!»)

Въ имени соперника Барклая, Багратиона, искали видѣть настоящаго вождя и спасителя родины: «Богъ-рати-онъ». Но послѣдовало назначеніе главнокомандующимъ всѣхъ армій опытнаго старца, недавняго побѣдителя турокъ, князя Кутузова. Эта мѣра вызвала общее одобреніе. Знающіе, впрочемъ, утверждали, что государь, не любившій Кутузова, сказалъ по этому поводу: «Le public a voulu sa nomination; je l'ai nommé... quant á moi, je m'en lave les mains» («Общество желало его назначенія, я его назначилъ; что до меня, я въ этомъ умываю руки»). Когда имя Наполеона стали, по Апокалипсису, объяснять именемъ Аполліона, кто-то подыскалъ въ томъ же Апокалипсисѣ, будто антихристу предрекалось погибнуть отъ руки Михаила. Кутузовъ былъ также Михаилъ. Всѣ ждали скораго и полнаго разгрома Бонапарта.

Москва въ это время, встрѣчая раненыхъ, привозимыхъ изъ Смоленска, болѣе и болѣе пустѣла. Барыни, для которыхъ, по выраженію Растопчина, «отечествомъ былъ Кузнецкій Мостъ, а царствомъ небеснымъ — Парижъ», въ патріотическомъ увлеченіи спрашивали военныхъ: «скоро ли генеральное сраженіе?» — и, путая хронологію и событія, восклицали: «Выгнали же когда-то поляковъ Мининъ, Пожарскій и Дмитрій Донской». — «Сто лѣтъ вражья сила не была на Русской землѣ, и вдругъ!» — негодовали коренные москвичи-старики. — «И какая неожиданность: въ половинѣ іюня еще рѣдко кто и подозрѣвалъ войну, а въ началѣ іюля уже и вторженіе». Часть свѣтской публики, впрочемъ, еще продолжала ѣздить въ балетъ и французскій театръ. Другіе усердно посѣщали церкви и монастыри. Пѣвца Тарквиніо и недавнихъ дамскихъ идиоловъ, скрипача Роде и красавца піаниста Мартини стали понемногу забывать, среди толковъ объ убитыхъ и раненыхъ, въ заботахъ объ изготовленіи бинтовъ и корпій, а главное — о мѣрахъ къ оставленію Москвы. Величіемъ Наполеона уже не восторгались. Декларировали стихи французскихъ роялистовъ: «O, roi, tu cherches justice!» (государь, ты ищешь правосудія!) и русскіе патріотическіе ямбы: «O, дерзкій Каленкуръ, рабъ корсиканца злого!..» Государя Александра Павловича, послѣ его рѣшимости не оставлять оружія и не подписывать мира,

пока хоть единый французскій солдатъ будетъ на Русской землѣ, перестали считать только идеалистомъ и добрякомъ.

— Увидите,—радостно говорилъ о немъ Растопчинъ, какъ всѣ знали, бывшій въ личной, непосредственной перепискѣ съ государемъ:— среди этой безтолочи и общаго упадка страны, идеальная повязка спадетъ съ его добрыхъ глазъ. Онъ началъ Лагарпомъ, а, попомните, кончитъ Аракчеевымъ; подберетъ вожжи распущенной родной таратайки...

Переписывалась чья-то сатира на порабощенную Европу, гдѣ говорилось:

«А тамъ на карточныхъ престолахъ,
Сидятъ картонные цари!»

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Аврора усердно переписывалась съ женихомъ. Перовскій извѣщалъ ее о мѣстахъ, которыя проходила первая, западная армія Барклая, гдѣ онъ, въ числѣ другихъ свитскихъ, состоялъ въ распоряженіи командира второго корпуса, генерала Багговута. Онъ, среди восторженныхъ обращеній къ невѣстѣ, подробно описалъ ей картину удачнаго соединенія обѣихъ русскихъ армій и славный, хотя неудачный бой подъ Смоленскомъ. Остальное Аврора узнавала отъ сестрина мужа, Ильи Тропининъ, благодаря связямъ старой княгини, имѣлъ возможность чуть не ежедневно навѣщать «клубъ московскаго главнокомандующаго», какъ звали москвичи тогдашніе любопытные утренніе свѣзды у графа Растопчина, гдѣ стекалось столько городского, жаднаго до новостей люда. Отсюда Тропининъ всякій разъ привозилъ въ домъ княгини цѣлый ворохъ свѣжихъ вѣстей. Одно смущало Илью и семью княгини: они не имѣли дальнѣйшихъ свѣдѣній о Митѣ Усовѣ. Было только извѣстно, что онъ встрѣтилъ авангардъ арміи Баграціона гдѣ-то за Витебскомъ и что впоследствии, при какомъ-то отрядѣ, участвовалъ въ боѣ подъ Салтановомъ. Но Митя ли дѣлился писать, или въ походной суетѣ терялись его письма, ничего болѣе о немъ не было извѣстно.

— И впрямь, влюбился на походѣ въ какую-нибудь полячку, ну, и завертѣлся!—утѣшала княгиня Илью и своихъ внучекъ.

Время шло. Аврора чуть не ежедневно и до мелочей описывала жениху московскія событія: общее смущеніе, первыя приготовления горожанъ къ намѣстію враговъ, арестъ и

высылку начальствомъ подозрительныхъ лицъ, въ особенности иностранцевъ, растопчинскія афиши, вывозъ церковной святыни, архивовъ и шитомицъ женскихъ институтовъ. Она сообщала, наконецъ, и о состоявшемся выгздѣ изъ Москвы въ дальнія помѣстья и города первыхъ, болѣе прозорливыхъ изъ общихъ знакомыхъ. Другіе, по словамъ Авроры, еще медлили, вѣря слѣпо Растопчину, который трунилъ надъ бѣглецами и открыто клялся, что злодѣю въ Москвѣ не бывать. Народъ, тѣмъ не менѣе, чуялъ бѣду и волновался. Старый лакей княгини, Власъ Сысоичъ, и экономка Маремьяша твердили давно: «Надѣлаеть наша старая того, что нагрянетъ тотъ извергъ и накроетъ насъ здѣсь, какъ сѣткою воробьевъ».

Благодаря связямъ и подвижности зятя, Аврорѣ удалось большинство своихъ писемъ пересылать жениху черезъ курьеровъ, явившихся въ Москву изъ армій, ближе и ближе подходившихъ отъ Смоленска.

XI.

Въ половинѣ августа Аврора написала Базилію письмо, которое тотъ получилъ во время приближенія русскихъ отрядовъ къ Вязьмѣ.

«Вотъ уже нѣсколько дней, ненаглядный, дорогой мой, я не могла взяться за перо,—писала Аврора:— великая новость! Бабушка, наконецъ, рѣшилась укладываться. Суета въ домѣ, флигеляхъ, подвалахъ и кладовыхъ была невообразимая. Сегодня, однако, вдругъ стало что-то тише. Безъ тебя, безъ моей жизни, клянусь, только и утѣшала музыка. Я наверху у себя играла и пѣла, знаешь, въ той комнаткѣ, что окнами въ садъ. Разучила и вытвердила данную тобой увертюру изъ «Дианна древа», арію изъ «*Jeune Troubadour*» и романсъ Буальдьё: «*S'il est vrai, que d'être heureux*». Теперь же, очевидно, уже не до того. Прощайте, арія, восхитительные романсы и дуэты, которые мы съ тобою распѣвали. Скоро прощусь и съ любимою моею комнатой, гдѣ переживалось о себѣ столько мыслей. О, моя комнатка, мой рай! На-дняхъ я говѣла въ церкви Ермолая; ахъ, какъ я молилась о тебѣ и обо всѣхъ васъ, да пошлетъ вамъ Господь силу и одолженіе на враговъ. Къ Растопчину являлся нѣкій смѣльчакъ Фигнеръ, великій ненавистникъ Наполеона, съ какимъ-то проектомъ—разомъ, въ одинъ день, кончить войну. Графъ совѣтовалъ ему обратиться къ воси-

нымъ властямъ. Вокругъ нашего дома грузятся насмныя и свои подводы,—всѣ уѣзжаютъ; чисто египетское бѣгство. Прежде другихъ скрылись наши неслужащіе, свѣтскіе пети-метры. По полторы тысячи и болѣе переполненныхъ каретъ и колясокъ въ сутки, по счету на гауптвахтахъ, покидаютъ Москву. Наемныя подводы сильно вздорожали. Нашъ сосѣдъ Тутолминъ за ямскую тройку заплатилъ на-дняхъ триста рублей, всего за пятьдесятъ верстъ. Архаровы уѣхали въ Тамбовскую, Апраксины въ Орловскую губерніи, Толстые въ Симбирскъ, а бѣдненькихъ институтокъ вывезли на пере-кладныхъ въ Казань. По слухамъ, Ярославль и Тамбовъ такъ ужъ переполнены нашими бѣглецами, что скоро, гово-рятъ, не хватитъ и квартиръ. Уѣхали, знаешь, тѣ—«князь-мощи» и «князь-моська»,—словомъ, почти всѣ. Я уже тебѣ писала, что Ксаню съ ребенкомъ, въ началѣ Успенскаго поста, Илья отослалъ въ бабушкину тамбовскую деревню, Пашино. Самъ же онъ еще остался здѣсь, на службѣ, какъ и всѣ прочіе сенатскіе. Имъ почему-то еще нѣтъ разрѣше-нія ѣхать. Но и въ деревняхъ, особенно ближнихъ къ Москвѣ, говорятъ, не безопасно. Крестьяне волнуются и, вмѣсто охраны покинутаго господскаго имущества, дѣляютъ его между собой и разбѣгаются въ лѣса. На-дняхъ пьяные мужики встрѣтили, при выѣздѣ изъ Москвы, Фанни Стрѣш-неву, съ кучей ея крошекъ, — помнишь, еще такія хоро-шенькія, ты ими любовался на бульварѣ,—окружили карету и кричали съ угрозами: «Куда, бояре, съ холопами? Или невзгода и на васъ? Москва, что ли, не мила? Ну-ка, вы-лѣзайте, станете и вы лапотниками!»—Ужасы! Если бы не депшики одного раненаго полковника, которые, по приказу его, вмѣшались и разогнали дикій сбродъ, неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы дѣло. Я тогда же это осторожно передала бабушкѣ. Она сильно испугалась и уже было велѣла гото-вить дормезъ и позвать священника, чтобы служить напут-ственный молебенъ, но раздумала, отправила черезъ Яр-цево въ Пашино только часть подводъ съ главными ве-щами, а сама ѣхать отсрочила. Все убѣждена, что слухи о нашествіи на Москву невѣрны, и, повторяя чью-то фразу объ отступленіи нашихъ армій: «nous reculons, pour mieux sauter!» («мы отступаемъ, чтобы лучше броситься»),—не измѣняетъ образа своей жизни. Я ей вслухъ прочла новый, здѣсь полученный памфлетъ мадамъ де-Сталь, которая, кстати,

нежданно появилась въ Москвѣ и на-дняхъ, удостоивъ бабушку заѣздомъ, цѣлый вечеръ у насъ проговорила, и такъ умно, что, хотя у меня отъ ея оживленныхъ рѣчей разболѣлась голова, я не могла отъ нея оторваться ни на минуту. Она въ восторгѣ отъ Россіи и уподобляетъ насъ произведеніямъ Шекспира, въ которыхъ все, что не ошибка, возвышенно, и все, что не возвышенно, ошибка. Бульвары пустѣютъ. Полны только трактиры. На прошлой недѣлѣ въ рестораціи Тардини, а потомъ въ трактирѣ Френзеля, посѣтителями-купцами были избиты какіе-то штатскіе за то, что одинъ изъ нихъ вслухъ заговорилъ съ товарищемъ по-французски, а другой, очевидно, въ нетрезвомъ видѣ, намекая на высылку Растопчинымъ почти-директора Ключарева, выразился: «вотъ такъ дѣла! генераль генерала въ ссылку упрягалъ!» Бабушка, узнавъ объ этомъ, слегла тогда въ своей молельнѣ и весь день принимала капли; когда же и ей намегнула, что, благодаря извергу Наполеону, далѣе у насъ можетъ быть еще хуже, она возразила: «Слушай же, *Aurore!* Я знаю Бонапарта; не разъ видѣла его у дочки его министра Ремюза и даже съ нимъ разговаривала лично. Это, повторяю, человекъ судьбы! вотъ его истинное опредѣленіе! Онъ истинный геній и никогда низкимъ грабителемъ и разбойникомъ не былъ, какъ его изображаетъ твой идолъ, эта трещотка, госпожа Сталь, и грубыя растопчинскія афиши, хотя оба — и мадамъ де-Сталь, и графъ, не спорю, даровиты и остры. Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, послушай, Наполеонъ, на верху славы, ведетъ сюда громаду Европы, чтобы обидѣть здѣсь, въ моемъ московскомъ домѣ, меня, беззащитную старуху, да, притомъ, еще свою добрую знакомую! И Бутузовъ не допуститъ... Я нездорова,—прибавила мнѣ бабушка:—развѣ не видишь? Карлъ Ивановичъ далъ новое лѣкарство... надо же посмотрѣть, какъ подѣйствуетъ; а въ деревнѣ, въ глуши, кто поможетъ? И не доѣду я живую въ такую даль!»—Словомъ, дорогой, мы донинѣ не двигаемся, молимся, готовимъ корню и мысленно слѣдимъ за вами. Еще слово. Илья Борисовичъ, по совѣту нашего можайскаго предводителя, Астафьева, собирается на-дняхъ въ Любаново, чтобы отправить и оттуда кое-что, болѣе цѣнное, въ Тамбовскій или Коломенскій уѣзды, и полагаетъ, съ тою же цѣлью, проѣхать и въ Новоселовку. Всѣ утверждаютъ, что эти деревни на пути враговъ къ Москвѣ. Но

какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы бабушка отпустила съ нимъ въ Любаново и меня! Въ два дня на подставныхъ можно легко возвратиться. Зато, если тамъ услышу, что и твой отрядъ близится къ Москвѣ, кажется, не утерплю и безъ спроса, хоть верхомъ, брошусь встрѣтить тебя и, если суждено, умереть за родину вмѣстѣ съ тобой. Голубчикъ Барсъ, отчего ты не въ Любановѣ? Ну, прощай, прощай... О, когда же, наконецъ, настанетъ часъ нашего свиданія? Когда увижу тебя, мой дорогой, милый воинъ, когда налюбуюсь тобой? Береги себя для отечества и для любящей тебя— Авроры».

Наканунѣ Успеньева дня, вечеромъ, въ глубинѣ двора княгини Шелешпанской, экономка Маремьяша разговорилась съ старымъ камердинеромъ Власомъ. Они стояли у двери каменной кладовой, отдѣлявшей часть сада отъ двора.

— Дожили мы до предѣловъ Божьяго гнѣва!—произнесъ Власъ Сысоичъ, заглядывая въ дверь, которую почему-то придерживала экономка,—служи, а тутъ и твоя худобишка въ прахъ пропадаетъ.

— А ты гдѣ былъ?

— Извѣстно гдѣ, безотлучно-съ въ передней! Не уложилъ ни алой позументной ливреи, ни выѣздной шубы... ничего...

— Тебѣ бы, аспидъ, только лежать, да нюхать свой табачище; мы же вонь сбились съ ногъ... Задѣлывай, Ванюша!—крикнула кому-то экономка въ дверь:—вотъ, скажу княгинѣ, что лѣзешь; сниметъ она съ ножки башмачекъ и отшлепаетъ тебя... незнакомо, что ли?

Въ сараѣ, съ минувшаго дня, укрывались отъ постороннихъ два нанятые каменщика. Они, тайно отъ постороннихъ, подъ надзоромъ дворника Карпа, вывели поперекъ кладовой, отъ пола до крыши, новую глухую кирпичную перегородку. За эту перегородку Маремьяша съ надежными изъ дворни успѣла, съ разрѣшенія княгини, спрятать изъ болѣе дорогой и громоздкой рухляди то, чего не увезли первыя подводы.

— Маремьяна Дмитревна, ужъ уважьте!—не переставалъ упрашивать Власъ, повертывая въ рукахъ объемистый узелъ.

— Чтò тебѣ? говори...

— На смерть себѣ готовилъ... демикатоновый рединготъ,

опять же новые сапоги, камзолъ, ну... и, какъ слѣдуетъ, чистую пару бѣлья.

— Такъ, вотъ, твои холопскія лохмотья и буду класть поверхъ барышнинаго приданого! На то, видно, его кошили и хранили.

— Растапуть изверги, какъ придутъ; дайте по-христіански помереть. Княгиня не вѣрила, все толковала: болтовня! А я сколько уговаривалъ, да и вы тоже.

— Уговаривалъ! Всѣ вы теперь такіе. А по-моему, не спряталъ, не спасъ, лучше сжечь, чѣмъ имъ, проклятымъ, доставаться. Ну, старый сластунъ, давай...

Экономка небрежно бросила каменщикамъ узелъ Власа.

— И наше, Маремьянушка, свѣтикъ! — прошамкалъ у двери восьмидесятилѣтній, слѣпой гуслистъ Ермиль, жившій здѣсь при дворѣ и давно уже не сходявшій съ печи.

— И наше! и мы! — отозвались голоса подоспѣвшихъ къ кладовой главныхъ горничныхъ, Дуняши, Стеши и Души, и состоявшаго въ штатѣ княгини, крещенаго арапченка Варлашки.

— Экъ ихъ! Ну, куда мнѣ съ вами теперь? Еще кто? Давайте! — съ досадою крикнула Маремьяша, успѣвшая, между тѣмъ, ранѣ другихъ припрятать всѣ свои нужныя вещи: — сами кладите, да скорѣе. А вы, ребятушки, — обратилась она къ каменщикамъ: — такъ замуруйте, чтобъ и виду не было свѣжей кладки. Спереди навалимъ мѣшковъ съ мукою и овсомъ; сѣна и соломы, коли надо! А стѣнку ведите до крыши, подъ самый конекъ.

Маремьяша не удовольствовалась тайникомъ въ кладовой. Длинный и сторбленный, вѣчно кашлявшій дворникъ Карлъ, съ блѣднымъ, покрытымъ пѣгими пятнами лицомъ и съ такими же пѣгими руками, слѣдующею ночью, по ея указанію, вырылъ съ садовникомъ еще огромную яму въ саду, за овощнымъ погребомъ, между липъ, натаскалъ туда новые вороха барскаго и людскаго добра, застлалъ яму досками и прикрылъ ее сверху землею и дерномъ. Садовнику было вѣльно ежедневно, во время поливки цвѣтовъ, поливать и этотъ дернъ, чтобы трава не завяла и не выдала ямы, устроенной подъ нею.

Послѣднее изъ писемъ Перовскаго къ Аврорѣ, отъ 20 августа, съ бивака у Колоцкаго монастыря, доставилъ адъ-

ютантъ Кутузова, прїѣзжавшій въ Москву за скорѣйшею присылкою врачей. Базиль извѣщалъ невѣсту, что армія приказано, наконецъ, становиться на позицію передъ Можайскомъ, и что всѣ этому сильно рады, такъ какъ теперь уже несомнѣнно ждуть генеральной баталіи. — «Но приготовься,—писалъ Базиль:—услышать горестную вѣсть, которая меня какъ громомъ сразила. Бѣдный Митя Усовъ, какъ я сейчасъ узналъ, опасно раненъ осколкомъ бомбы въ ногу, въ дѣлѣ на рѣкѣ Осмѣ. По слухамъ, его отправили съ фельдшеромъ, въ коляскѣ раненаго князя Тенишева, въ Москву. Сообщи это скорѣе Ильѣ; встрѣтите бѣднаго, пригласите заранѣе Карла Ивановича, если и его съ другими врачами не взяли у васъ изъ Москвы. Другъ души моей! отрада моей жизни! Увидимся ли мы съ тобою, увидимся ли съ нимъ еще на этомъ свѣтѣ? Нашъ Митя Усовъ раненъ! Этотъ румяный, кудрявый мальчишкѣ! Не вѣрится... Вотъ оно, начинается! Спаси тебя, его и всѣхъ васъ Господь! Твой В. Перовскій».

Это письмо уже не застало Авроры въ Москвѣ. Она за сутки передъ тѣмъ уѣхала съ Троининымъ въ Любаново.

Арапченокъ Варлашка подалъ княгинѣ на подносѣ письмо Перовскаго.

— Мать Пресвятая Богородица! Французы у Можайска!— вскрикнула Анна Аркадьевна, пробѣжавъ письмо и роняя его съ очками на полъ:—а она, безумица, по близости къ врагамъ, въ Любановѣ... Раненъ Митенька! Маремьяна, Власть! гдѣ мои очки? Кучеровъ сюда! спѣшите!.. спасайте! барышню въ полонъ возьмутъ!

ХІІ.

Черезъ недѣлю послѣ Успенія, няня Арина съ внучкой Оеней поздно вечеромъ сидѣла на крылечкѣ новоселовскаго дома Усовыхъ. Староста Климъ и кое-кто изъ стариковъ и молодыхъ парней мелкопомѣстной деревушки сидѣли тутъ же, на ступенькахъ. Убирая свой и господскій хлѣбъ, крестьяне замѣшкались и, въ виду противорѣчивыхъ слуховъ, не рѣшались уходить влѣдъ за другими. Сидя здѣсь, они толковали, что вѣсти идутъ нехорошія, что битвы, по молвѣ, происходятъ гдѣ-то уже недалеко и какъ бы враги въ скорости не нагрянули и въ Новоселовку. Кто-то, прїѣзжавшій въ тотъ день изъ окрестностей Вязьмы, сообщилъ, что тамъ недавно уже слышали громкую, хотя еще отда-
лѣнную пушечную пальбу.

— Вѣдь вотъ, барина стараго нѣтъ, онъ за Волгой. Чтò дѣлать? — толковали крестьяне: — приказу отъ начальства уходить тоже нѣту; какъ тутъ беречь господское и свое добро?

— Да и куда, и съ чѣмъ уходить? — сказалъ кто-то: — татариньцы двинулись, а ихъ свои же въ лѣсу, за Можайскомъ, и ограбили.

— Надо ждать, охъ Господи! — объявилъ Климы: — безъ начальства и уряда не будетъ; объявятся, подождемъ.

Въ тотъ день Арина, чтò поцѣнише, перенесла въ амбары и въ кладовыя. Часть вещей, которыхъ она пока не успѣла спрятать, лежала у ближней кладовой, на травѣ.

Давно стемнѣло. Мѣсяць еще не всходилъ.

— А что, бабушка Ефимовна, скажу я тебѣ слово! — прокашливаясь, отозвался съ нижней ступеньки подвижной и еще не старый, хотя совершенно лысый мужичонко Корнѣй, ходившій по оброку не только въ Москву, но и въ Казань, и даже въ Петербургъ: — не обидитесь?

— Говори, коли не глупо и къ мѣсту, — съ достоинствомъ отвѣтила Арина.

— Слыхать, бабушка, — началъ Корнѣй: — быдто Бонапартъ такъ только Бонапартомъ прозывается, а что онъ — потайной сынъ покойной царицы Екатерины; ему матерью было отказано полцарства и онъ это пришелъ нынѣ судить за своего брата Павла, цареваго отца.

— Толкуй, дурачина, пока не урѣзали языкъ, — притворно зѣвнувъ, возразилъ староста Климы: — статочное ли дѣло? Эка, брешутъ собачьи сыны!

— Право слово, дяденька... и быдто того Бонапарта боре, до случнаго часа, прятали, держали въ чужихъ земляхъ, а нынѣ и выпустили... онъ всему свѣту и объявился... идетъ за брата судить.

— Эй, не ври! — важно поглаживая бороду и взглянувъ на Арину, сурово перебилъ Климы: — кругомъ такая смуга, врага ждуть, а они...

— На чтò же его выпустили? — съ нѣкоторою тревогой спросила Ефимовна.

— Отдай, моль, мою половину царства, — продолжалъ рассказчикъ: — а тебѣ будетъ другая; и я, моль, въ своей освобоженю мужиковъ... отдамъ имъ всю землю и всѣ, какъ есть, вотчинны... и быдто станемъ мы не царскими слугами, а Бонапартовыми... вотъ убей, толкуютъ!

— Ну, вѣшпть тебѣ, Корнюшка, исправникъ, какъ на-
ѣдетъ, и я скажу!—произнесла, вставая и оправляя на себѣ
платокъ, Арина:—вотъ такъ-то, прослышавъ, наспѣеть, не-
взначай, да и гаркнетъ: а гдѣ тутъ Бонапартовы подданные?
давай ихъ сюда! Ну, тебя перваго подъ отвѣтъ и возьметъ.

Мужики, почесываясь, замолчали. Слышались только вздохи
да движеніе на ступеняхъ стоптанныхъ лаптей.

— А постой, дяденька, постой,—отозвался кто-то:—изъ-
за мельницы, бабушка, быдто колеса... чуть не на лесорахъ...

Всѣ замерли, вглядываясь въ темноту. Стали дѣйстви-
тельно слышны звуки колесъ, медленно подъѣзжавшихъ къ
двору.

— Оenea, свѣчку!—вскрикнула Арина, бросаясь въ домъ:—
Климъ Потапычъ, отворяй ворота... такъ и есть, нашъ
исправникъ... не то телѣга, не то, кажись, его бричка...

Когда Ефимовна и Оenea со свѣчами въ рукахъ снова
явились на порогѣ, у крыльца стояла сильно запыленная
крытая телѣга. Мужики, въ почтительномъ молчаніи, безъ
шалока, окружали кого-то блѣднаго, неподвижно лежавшаго
на соломѣ, въ телѣгѣ. Климъ, жалобно всхлипывая, цѣло-
валъ чью-то исхудалую руку, упавшую съ соломы. Арина
поднесла свѣчу къ лицу подѣхавшаго и, ахнувъ, чуть
не упала.

— Митенька, родной ты мой!—вскрикнула она, глядя на
лежавшаго въ телѣгѣ.

— Узнала, голубушка,—раздался чуть слышный, дѣтски-
кроткій голосъ:—ну, вотъ и довели... Слава Богу, дома! А
ужъ я просилъ, боялся, не доѣду... Воды бы, чайку!.. Жажда
томить...

Въ телѣгѣ былъ раненый Митя Усовъ. Мужики, пошеп-
тавшись съ Климомъ, бережно внесли его въ комнаты. Бо-
лѣе же всѣхъ суетился и старался, неся молодого барина,
говорившій о Бонапартѣ лысый Корнѣй.

— Такъ это — Митрій Николаичъ? Бѣдный! Ну, точно
съ креста снятый!—говорилъ онъ, выйдя въ дѣвичью и
утирая слезы.

— Мы двухъ везли,—толковалъ здѣсь Климу фельдшеръ,
умываясь:—подполковника тоже, князя Тенишева; сперва
ѣхали въ князевой коляскѣ...

— Гдѣ же князь-то?—спросилъ Климъ.

— Сложили въ Гжатскѣ, померъ... ванъ про то не

знаеть; думаетъ, что того вѣрно сдать въ госпиталь... коляска же обломалась, насилу нанялъ мужичка довести.

— А нашъ ангелъ будетъ ли живъ? — несмѣло спросила Ефимовна: — молодой такой, красавчикъ, мой выходимецъ! Вотъ неожиданное горе, вотъ бѣда! И за что погубили дитѣ?

— Будетъ живъ, — отвѣтилъ фельдшеръ, какъ-то смущенно глянувъ въ сторону красными отъ бессонницы и пыли глазами: — рана тяжела, ну, да Господь поможетъ... добраться бы только до Москвы: тамъ больницы, лѣкаря.

Арина, глянувъ на образъ, перекрестилась, крикнула еще кое-кого изъ дворовыхъ бабъ и съ засученными рукавами принялась за дѣло. Комнаты были освѣщены. На столѣ въ залѣ запыхтѣлъ самоваръ. Наумовна достала изъ кладовой и взбила на кровати покойной барыни пуховикъ и гору подушекъ, велѣла внести кровать въ гостиную, накрыла постель бѣлою простыней и тонкимъ марселевымъ одѣяломъ, освѣжила комнату и покурила въ ней смолкой. Сюда она, съ помощницами, перенесла и уложила Митю. Фельдшеръ обмылъ его страшную, зіяющую рану, сдѣлалъ перевязку и надѣлъ на больного чистое, вынутое няней и пахнувшее калуферомъ и мятой бѣлье.

Митя все время, пока готовили ему комнату и дѣлали перевязку, былъ въ лихорадочномъ полузабытѣи и слегка бредилъ. Но, когда онъ выпилъ стаканъ горячаго, душистаго чаю и жадно потребовалъ другой съ «кисленькимъ» и когда раскраснѣвшаяся, сѣдая и полная Ефимовна принесла и подала ему къ чаю его любимаго барбарисоваго варенья, глаза Мити засвѣтились улыбкой безконечнаго блаженства.

Онъ далъ знакъ рукой, чтобъ остальные, кромѣ няни, вышли.

— Голубушка моя, нянечка! — произнесъ онъ, хватая и пѣлуя ея загорѣлую, черствую руку: — смолка, калуферъ!.. и барбарисъ!.. я опять въ родномъ гнѣздѣ... Боже! какъ я боялся и какъ счастливъ... удостоился! Теперь буду жить, непременно буду... Гдѣ онъ? Гдѣ, скажи, Вася Перовскій?

— Извѣстно гдѣ: въ походѣ, родимый, тамъ же, гдѣ былъ и ты, — отвѣтила, взглядываясь въ своего питомца, Арина: — какъ уѣхалъ съ тобой, два мѣсяца о васъ слуху не было, спаси васъ Матерь Божія!

— Два мѣсяца! — удивленно воскликнулъ Митя: — кажется, было вчера.

Онъ закрылъ глаза и помолчалъ.

— Еще, няня, чайку... Вотъ, думали мы съ Перовскимъ поживемъ здѣсь осенью, — произнесъ Митя, окидывая глазами окружающее: — ахъ, это — кровать мамы!.. Хорошо ты придумала, нянечка... Гдѣ батюшка? Ужъ видно не видаться мнѣ съ нимъ... Гдѣ Ильюша и что Аврора Валерьяновна, невѣста Перовскаго?

— Батюшка въ саратовской губерніи, у родныхъ, а Илья Борисовичъ, слышно, въ Москвѣ. Изъ Любанова же сказали, что онъ эти дни собирался туда — распорядиться тамошнимъ добромъ. Вѣдь, тамotka какая усадьба — дворецъ, а всякаго устройства, припасовъ и вещей сколько! Да слышно, что и барышня Аврора Валерьяновна собиралась съ нимъ же туда. А Ксенія Валерьяновна съ дитѣй въ Паншинѣ.

— Ахъ, няня, голубушка, пошли, — заговорилъ Митя: — въ ночь сегодня... недалеко вѣдь; повидать бы... Видишь ли, отца нѣту, я попросилъ бы у нея благословенія... Вѣдь это помогаетъ... она же такая богомольная, добрая... а я, няня, надо тебѣ сказать... то-есть признаться... вѣдь, еще ранѣе Перовскаго, ее такъ полюбилъ...

— Что ты, что ты, голубчикъ! Господь тебя спаси! вотъ дѣла! — воскликнула, крестясь, Арина. — А въ Любаново, отчего-жъ, можно послать, съ охотой...

Арина, отирая слезы, вышла. Послали за сыномъ ключницы, Фролкой. Тотъ вскочилъ на водовозку.

— Да смотри, пучеглазый, на овраги-то! — наставлялъ его Корнѣй: — барскій, вѣдь, конь, а темень какая!

Митя, напившись чаю, тихо и сладко заснулъ. Ефимовна погасила свѣчу и при свѣтѣ лампадки, не смыкая глазъ, просидѣла у его изголовья всю ночь. Передъ разсвѣтомъ раненый сталъ метаться.

— Чтѣ тебѣ, Митечка? воды? неловко лежать?

— На батарею!.. Цѣлся прямо... идутъ! — говорилъ Митя въ бреду: — вонъ съ конскими хвостами на каскахъ...

Няня перекрестила его и тронула за голову и руки. Больной былъ въ сильномъ жару. Послѣ боя и выстрѣловъ ему пригрезился весенній вечеръ въ полѣ. Онъ съ Авророй мчался куда-то на лихомъ аргамакѣ и все стремился ее обнять. Она ускользала. Онъ шепталъ: «Аврора, Аврора, это я, посмотри!» Ефимовна, вида метаніе больного, разбудила фельдшера, спавшаго на стульяхъ за дверью.

— Чтò съ нимъ?—спросила она шопотомъ, глядя на осунувшіяся, покрытыя багровыми пятнами, щеки Мити.

Фельдшеръ, подойдя къ больному на цыпочкахъ, посмотрѣлъ на него и молча махнулъ рукой, какъ бы говоря: «ничего, оставьте его; все идетъ, какъ слѣдуетъ; я тутъ останусь и досмотрю».

Успокоенная Ефимовна перекрестила Митю и вышла.

Близился разсвѣтъ. Фролка возвратился изъ Любанова. Нилью Борисовича и барышню Аврору Валерьяновну тамъ ждали на другой день къ вечеру.

Арина рѣшилась обрадовать этимъ Митю, когда наступитъ утро.

«Пусть спитъ, сердечный, во снѣ полегчаетъ, дастъ Богъ! — думала она, — напьется опять утромъ чаю, покушаетъ, а тамъ подѣдутъ и изъ Любанова».

Натоптавшись съ вечера и ночью въ кладовыхъ, въ погребѣ и въ амбарѣ, Ефимовна прикорнула гдѣ-то въ сѣняхъ и уснула. На зарѣ она вошла въ домъ. Въ комнатахъ было тихо. Старуху удивило, что фельдшеръ, вопреки его словамъ, находился не въ спальнѣ при больномъ, а въ дѣвичьей. Въ окно брезжилъ разсвѣтъ. Приготовленные къ перевязкѣ бинты и корпія лежали здѣсь нетронутые. Фельдшеръ, бокомъ прислонясь къ окну, какъ бы что-то разсматривалъ въ просвѣтлѣвшемъ дворѣ.

«Вотъ странно! — тревожно подумала Арина, замѣтивъ, что плечи фельдшера вздрагивали,—не то онъ плачетъ, не то... неужто спозаранку выпилъ?» Она даже покосилась на шкапъ съ бутылками настоекъ и наливокъ; дверки шкапа были заперты.

Няня, въ раздумѣ, направилась въ комнату Мити.

— Не ходите!—какъ-то странно шепнулъ сзади ея фельдшеръ:—или нѣтъ, все равно, идите...

Арина съ необъяснимымъ страхомъ вошла въ гостиную.

Митя тихо лежалъ здѣсь, закинувъ руку за красивую, въ свѣтло-русыхъ кудряхъ, голову. Его странно-заострившееся, миловидное лицо, съ чуть видными усиками и пробивающею бородкой, точно улыбалось, а полуоткрытые голубые глаза пристально и строго глядѣли куда-то далеко-далеко, гдѣ, очевидно, было столько нездѣшняго, чуждаго людямъ счастья.

XIII.

Комнаты огласились плачемъ. Митя Усовъ скончался.

Въ залѣ, на томъ же столѣ, гдѣ съ вечера гостепріимно пыхтѣлъ самоваръ и пахло калуферомъ и смолкой, лежалъ въ мундирѣ покойникъ. Плотники въ сараѣ ладили гробъ.

Ожидали изъ Бородина старика-священника, который крестилъ Митю и подарилъ ему голубей. Покойника уложили въ гробъ; въ головахъ зажгли свѣчи. Ефимовна, впереди крестьянъ, съ горькимъ плачемъ молилась, простираясь передъ гробомъ. Заходившее солнце косыми лучами свѣтило въ окна залы. Русыя и черныя головы бородатыхъ и безбородыхъ крестьянъ усердно кланялись въ молитвѣ.

«Соколикъ ты мой, не пожилъ,—думала Арина:—и ружье по твоему заказу наладили, и пистолеты... Вырыли яму тебѣ въ саду, гдѣ ты ребенкомъ бѣгалъ, тутъ же, невдали отъ дома, на холму... далеко съ него будетъ видна твоя могилка»...

Нанятый фельдшеромъ до Москвы, возница во дворѣ ладилъ обратно свою телѣгу. Фельдшеръ рассчитывалъ добраться къ ночи до Колѣдскаго монастыря, чтобы оттуда возвратиться къ наступавшей арміи. Подѣхалъ священникъ. Начали служить панихиду.

За деревьями, у мельницы, въ это время показались какіе-то всадники. Мельгали лошади, пики, кивера.

— Батюшки-свѣты,—французы!—крикнулъ кто-то во весь голосъ у сарая.

Поднялась суета. Дали знать въ домъ. Крестьяне, выбѣжавшіе оттуда на крыльцо, увидѣли во дворѣ кучку военныхъ. То были казаки. Впереди ихъ ѣхалъ усатый, сѣдой и плотный, съ черными бровями саперный офицеръ.

— Кто здѣсь хозяева?—окликнулъ офицеръ мужиковъ:—доложите господамъ.

— Старикъ хозяинъ, вапа милость, за Волгой, а молодого привезли раненаго изъ арміи... утречкомъ кончился здѣсь!—отвѣтилъ Клима съ поклономъ:—это служимъ панихиду...

Офицеръ набожно перекрестился.

— Ишь, крестится!—шептали мужики:—не французъ, нашей вѣры...

Офицеръ слѣзъ съ коня и съ казачьимъ урядникомъ вошелъ въ домъ.

По окончаніи панихиды, онъ отозвалъ Клима въ сторону.

— Ты староста?

— Такъ точно-съ,—отвѣтилъ, гордо выпрямляясь, Клима.

— Ну, вотъ тебѣ, староста, приказаніе, — негромко объявилъ офицеръ:— скоро, можетъ-быть, даже завтра... здѣсь въ окрестностяхъ явится вся наша армія... будетъ большое сраженіе...

Климъ поблѣднѣлъ и понурилъ голову.

— Усадьба вашихъ господъ не на мѣстѣ, — продолжалъ офицеръ:— ее велѣно снести... Да ты слушай и сообрази, — велѣно немедленно... сегодня же... На томъ вонъ холмѣ, у Горокъ, поставятся пушки, будетъ батарея, можетъ, и большой редутъ... а домъ и усадьба вашихъ господъ — подъ выстрѣлами, будутъ мѣшать... понялъ?

— Не на мѣстѣ! подъ выстрѣлами! — удивленно, топчась ногами, проговорилъ сильно озадаченный Климъ: — но куда же снести, и легкое ли это дѣло?

— А вотъ, увидишь, — строго проговорилъ саперъ, сдвигая черныя, кустоватыя брови.

— Наши же хибарочки, избы? всего семь дворовъ... куда ихъ? Экій разоръ!

— Ваши внизу, подъ горой; посмотримъ, можетъ, еще и останутся.

— А Покойникъ? — спросилъ, озираясь, Климъ.

— Отпѣть, да съ Богомъ и хоронить. Только живѣе! смеркаетъ! — торопливо заключилъ, не глядя на него, офицеръ: — прежде же всего удали бабъ... этого вою чтобъ поменьше...

Климъ объявилъ приказъ Аринѣ. Убитая горемъ, растерянная старуха остолбенѣла.

— Батюшка, ваше благородіе, — вскрикнула она, падая въ ноги офицеру: — не разорай! Мнѣ заказанъ господскій домъ; можетъ, они, лиходѣи, и такъ еще уйдутъ... Куда вынести, гдѣ спрятать экое господское добро? Сколько накоплено, нажито! Отцы ихніе, матери хлопотали...

Офицеръ, съ досадой подергивая усы, отозвалъ въ конецъ залы священника и фельдшера. Размахивая руками и сердито смотря куда-то въ сторону, какъ бы грозя тамъ кому-то, онъ переговорилъ съ ними и вышелъ. Священникъ велѣлъ дьячку опять зажечь свѣчи и облачился. Началось отпѣваніе. Покойника наскоро вынесли и опустили въ могилу. Пока его зарывали, велѣли запрячь старую господскую бричку, одѣли обезпамятѣвшую Арину въ шубейку, посадили ее въ бричку съ Ѳеней и съ фельдшеромъ и отправили въ Любаново. Близился вечеръ.

— Тамъ тебѣ, бабушка, будетъ покойнѣе,— утѣшала ее фельдшеръ: — съ Богомъ! я васъ туда провожу... господа сберегутъ васъ, а то село, слышно, въ сторонѣ, не подѣ пушками...

— Жгите, голубчики, жгите, коли на то воля Господня!— причитывала, уѣзжая, Арина:— не одинъ усовскій домъ погибнетъ; всѣмъ намъ гибель и смерть...

Бричка и телѣга спустились въ околицу.

— Ну, а теперь ты, староста. и вы, ребята, слушать!— обратился офицеръ еще строже къ Климу и мужикамъ: — за работу, да живѣе... выносите, прячьте, куда знаете, добро вашего господина, да и ваше... сроку вамъ часъ, много два... а тамъ соломы, огня!

— Родимые, да что же это!—заголосилъ кто-то изъ толпы мужиковъ:—толковали о врагахъ, а тутъ свои...

— Бунтовать? — крикнулъ офицеръ: — противъ воли начальства? А висѣлица? Ларионовъ, вяжи его...

Казаки и саперы разсыпались по двору. Мужики бѣгали, не помня себя отъ страха, и выносили разную кладь. Сверкнулъ огонь. Кто-то съ пучкомъ пылающей соломы побѣжалъ въ сѣнникъ. Загорѣлся скотный дворъ. Дымъ укрылъ взгорье. Бабы и дѣти неистово голосили.

Становилось темно. Отъ Любанова лѣсистымъ косогоромъ къ Новоселовкѣ, въ это время, мчалась на ямскихъ небольшая городская карета. Въ ней сидѣли Илья Тропининъ и Аврора. Дорогу и ближайшія окрестности еще было видно. Оба путника молчали. Имъ попадались навстрѣчу одинокіе и кучками казаки, осматривавшіе окрестность. До Новоселовки оставалось версты три. Еще ей не было видно за густымъ лѣсомъ. Илья, не обращая вниманія на казаковъ, думалъ о раненомъ Митѣ. Аврора спрашивала себя:

«Если Митя такъ опасно раненъ, что съ Базилемъ? Онъ такъ стремился; уже начались сраженія»...

— Что это, будто зарево впереди? — вдругъ спросила Аврора.

Илья выглянулъ изъ кареты.

— Такъ и есть! Ямщикъ,—крикнулъ онъ въ окно:—гдѣ это горитъ? Не въ сторонѣ ли Новоселовки?

— Должно, тамъ... захотѣлось, видно, бабамъ свѣжаго хлѣбушка, ну, овинь... и не убереглись.

Лошади пробѣжали еще нѣсколько минутъ. Лѣсъ кончился. За нимъ открылась зеленая, пересѣченная холмами, долина; за долиною синѣли новые лѣса и холмы. На одномъ изъ пригорковъ широкимъ пламенемъ, далеко распростирая зарево, пылало нѣсколько зданій. Крылатая мельница, еще не вполне охваченная пламенемъ, чернѣла среди клубовъ дыма и огненныхъ полосъ. Надъ нею въ искрахъ металась и вились тучи голубей.

Снизу изъ долины послышался стукъ колесъ; на дорогѣ между кустовъ показался экипажъ.

— Охъ, охъ! соколики! — жалобно причитывалъ женскій голосъ:—родимые! рѣшился!.. конецъ свѣту...

То были Ефимовна и Оеня съ фельдшеромъ. Ихъ остановили, осыпавъ распросами. Илья былъ пораженъ, едва стоялъ на ногахъ. Учившійся подъ его наблюдениемъ, его любимый крестный братъ и другъ такъ неожиданно скончался. Слезы катились изъ его глазъ. Онъ то крестился, то извергалъ проклятiя на французовъ.

— Вотъ она, вотъ... я всегда предрекалъ, роковая необходимость!—проговорилъ онъ, сжимая кулаки:—цивилизованные варвары, узаконенный разбой!

Аврора усадила Арину съ собой, Оеню на козлы съ кучеромъ, а фельдшера на запятки, и еще разъ взглянула на пылавшую новоселовскую усадьбу.

«Необходимость!—мыслила она, содрогаясь:—уставы, законы войны... Но кому было нужно, и чѣмъ вознаграждать, искупать смерть этого молодого, прекраснаго, надъ кѣмъ теперь это зарево? Проклятiя злодѣю, измыслившему эту войну! И неужели на него, какъ на его предшественника Марата, не найдется новой, смѣлой Немезиды, новой Шарлотты Кордѣ?»

Карета помчалась обратно по полю, къ которому въ наступившую ночь, по обѣимъ сторонамъ старой смоленской дороги, уже надвигалась и становилась на позиціи вся русская армія.

Платя безъ счета вольнымъ и почтовымъ ямщикамъ, Тропининъ къ обѣду слѣдующаго дня добрался съ Авророй, Ефимовной, Оеней и фельдшеромъ до Москвы. Едва войдя къ княгинѣ, онъ объявилъ, что долѣе медлить невозможно. Подъѣзжая къ Москвѣ, онъ и Аврора, со стороны Можайска,

уже слышали за собой раскаты сильной пушечной пальбы. Анна Аркадьевна, выслушавъ рассказъ Мавры, стала-было опять подь разными предлогами медлить.

— Ну, что же, французовъ разобьютъ, прогонятъ!—говорила она.

Илья вышелъ изъ себя.

— Это безразсудно! — вскрикнулъ онъ: — умоляю васъ, grand'tata, немедленно уѣзжайте: иначе будетъ поздно, васъ прямо захватятъ въ плѣнъ, ограбятъ, напугаютъ, убьютъ.

— Ахъ, mon cher,—отвѣтила съ недовольствомъ княгиня Шелешпанская:—ужь и въ плѣнъ! Меня-то, старуху? Впрочемъ, хорошій мой, зови священника, будемъ служить молебень... Только нельзя же такъ прямо, безъ совѣта съ врачомъ... Пошли за Карломъ Ивановичемъ... Все можетъ статься въ пути, ну, хоть бы гроза...

— Но какая же, бабушка, гроза осенью, въ концѣ августа?—отозвалась Аврора.

— Не твое дѣло... бываютъ случаи и въ сентябрѣ... Ты же, Ильяша, поѣзжай къ графу Растопчину и спроси его, дозволены ли подобныя дѣла, какъ съ Новоселовкой, хоть бы и на войнѣ? Я напишу къ государю; онъ знаетъ и помнитъ моего мужа... Кутузовъ отвѣтитъ за все.

XIV.

Вечеромъ 25 августа, наканунѣ бородинскаго боя, главная квартира князя Кутузова находилась на Михайловской мызѣ, при деревушкѣ Астафьевыхъ, Татариновой, въ четырехъ верстахъ отъ Бородина. Здѣсь подь ночлегъ стараго фельдмаршала былъ отведенъ брошенный хозяевами небольшой, въ одинъ этажъ, но весьма удобный господскій домъ.

Ручей Стѣпецъ, впадающій въ рѣку Колочу, у Бородина, отдѣлялъ Татариново и Михайловскую мызу отъ лѣсистыхъ высотъ, на которыхъ командиръ праваго крыла арміи, Милорадовичъ, расположилъ для предстоящей битвы свои отряды. Отсюда въ сумеркахъ, влѣво за ручьемъ, у деревни Горокъ видѣлись на холмахъ огражденные завалами батареи, а невдали отъ нихъ бѣлѣли палатки пѣхоты, егерей и артиллеріи Багговута. Далѣе, вправо, изъ-за березоваго лѣса, поднимались дымки съ костровъ драгуновъ, гусаровъ и улановъ Уварова, спрятанныхъ въ запасъ, у склоновъ къ сѣдной Москвѣ-рѣкѣ. Прямо противъ Татариново и Михай-

ловской мызы, въ полуверстѣ за ручьемъ, на пригоркѣ, среди просѣки, виднѣлись коновязи и слышался говоръ казачьихъ полковъ Платова.

Была тихая, нѣсколько сырая и холодная погода. Солнце зашло, но сумерки еще не ступились.

Перовскій, состоявшій, съ его прибытія въ армію Барклая, въ колонновожатыхъ праваго крыла этой арміи, при отрядѣ генерала Багговута, только-что подѣхалъ съ бивака второго пѣхотнаго корпуса, у Колочи, въ деревню Горки, гдѣ съ двумя другими свитскими офицерами и штабнымъ докторомъ прохаживался по выгону, у небольшой крайней избы. Въ этой избѣ была квартира командира праваго крыла, Милорадовича, который теперь совѣщался съ приглашенными къ нему Уваровымъ и Багговутомъ. Казаки поодаль держали подъ уздцы осѣдланыхъ, генеральскихъ и свитскихъ лошадей. Офицеры, прохаживаясь, не спускали глазъ съ оконъ и двери избы. Перовскій въ небольшую зрительную трубку посматривалъ на голубоватыя очертанія возвышенностей за Колочей.

— Итакъ, мы стали, наконецъ, стоимъ и, кажется, твердо!—сказалъ, пожимая плечами, худой, высокій и пожилой офицеръ, въ старомъ мѣшковатомъ мундирѣ:—конецъ отступленіямъ.

— Ну, конецъ ли еще, Богъ вѣсть, — возразилъ другой офицеръ, помоложе.

— Разумѣется, — продолжалъ первый: — князь, вы слышали, безповоротнo рѣшилъ завтра принять генеральную баталію...

— Что же? — произнесъ второй офицеръ, недавно переведенный въ штабъ: — какъ вы къ этому относитесь?

— Исполнимъ велѣнія долга, — отвѣтилъ первый, сосредоточенно-важно глядя передъ собой: — мнѣ что? Была забота о семьѣ... а теперь жена успокоилась; представьте, пишетъ изъ Твери, что какіе-то странники напроорочили заключеніе мира ко дню Михаила, къ князевымъ именинамъ.

— Такъ-то такъ, — проговорилъ пріятнымъ, мягкимъ голосомъ докторъ, полный, румяный и красивый мужчина среднихъ лѣтъ, въ опрятномъ мундирѣ и треуголкѣ: — миръ миромъ, когда-нибудь придетъ, а завтра не досчитаемся многихъ.

— На то воля Божья, — тихо сказалъ пожилой офицеръ: — вѣгъ крыло смерти, какъ говоритъ, Фингалъ, но не всѣхъ оно задѣваетъ.

— И чтò неприятно, — продолжалъ докторъ: — во всемъ непорядокъ; загремятъ сотни пушекъ, а у насъ, — не говорю уже о недостаткѣ кирокъ для батарей, даже лопатъ, — ополченцы на половину безъ работы, — въ госпиталяхъ ни носилокъ, ни корпіи, ни бинтовъ... Палатки въ дыркахъ. Каково больнымъ спать на сырой землѣ и въ болотахъ? а ночью холодъ. Хочу вотъ опять все передать генералу.

Пожилой офицеръ досадливо покачалъ головой. Онъ, начитанный, любившій поэзію и скромный, все это отлично зналъ и терпѣливо сносилъ; но также зналъ онъ и то, что нѣженка и любитель всего прекраснаго и пріятнаго, докторъ Миртовъ умудрился въ походѣ не только возить съ собой на вьюкѣ небольшую, отлично приспособленную для себя палатку, но при ней даже удобную постель, съ мягкой периной и теплымъ, стеганымъ на ватѣ, одѣяломъ.

— Что вы это все смотрите за рѣку? — спросилъ пожилой офицеръ Перовскаго: — не двигаются ли французы?

— Нѣтъ, тамъ спокойно, — отвѣтилъ Базиль: — но вправо отъ Бородина, я помню, была одна усадьба... Три мѣсяца назадъ я изъ нея уѣхалъ въ армію. И странно: внизу, у рѣки, вонъ, виденъ поселокъ, а выше его на горѣ, стоялъ еще домъ, были разныя службы и мельница. Теперь смотрю — и ихъ не вижу.

— Вѣроятно, ихъ снесли, — сказалъ пожилой офицеръ: — эта гора — подъ выстрѣлами нашихъ батарей; часть Семёновки, сзади насъ, слышно, тоже для чего-то сломили. Возьмите мою трубку, — прибавилъ офицеръ, снимая съ перевязи длинную, раздвижную трубку: — моя изъ Вѣны, отъ Корта... все увидите, какъ на ладони.

Перовскій навелъ поданную трубку за рѣку, отыскивая взгорье, на которомъ, какъ онъ помнилъ, стояла новоселовская усадьба Усовыхъ. Передъ его глазами, въ туманной полумглѣ, мелькали неопредѣленные очерки овраговъ, лѣсныхъ порослей и холмовъ. Знакомой усадьбы онъ не находилъ.

Дверь избы въ эту минуту отворилась. На ея порогѣ показались стройный Уваровъ и рыжій, въ веснушкахъ и бакенбардахъ, Багговуть. Докторъ подошелъ къ послѣднему, рапортуя о недостаткѣ лѣчебныхъ припасовъ. Багговуть выслушалъ его и сказалъ по-французски Уварову.

— Вотъ, какъ видите, одна и та же нѣсня, и ничего не подѣлаешь.

Онъ набросалъ нѣсколько строкъ на клочкѣ бумаги, вырванномъ изъ записной книжки, свернулъ этотъ клочокъ и усталыми глазами посмотрѣлъ на стоявшихъ передъ нимъ колонновожатыхъ.

— Синтянинъ, — обратился онъ къ пожилому офицеру: — доставьте это графу Беннигсену; если не будетъ письменнаго, привезите словесный отвѣтъ.

Синтянинъ взялъ обратно отъ Перовскаго зрительную трубку, бережно вложилъ ее въ замшевый на перевязи чехоль, сѣлъ на лошадь и, сторбившись, направился большою дорогою за Стѣнецъ. Уваровъ и Багговуть поѣхали обратно къ своимъ бивакамъ. Перовскій и докторъ Миртовъ сопровождали Багговута.

Становилось темно. Узкая дорожка съ холма отъ Горокъ спускалась въ мелкій березнякъ; далѣе она опять шла по взгорью и невдали отъ лагеря упиралась въ довольно крутой, безлѣсный оврагъ. Всадники шагомъ миновали березнякъ и, подѣхавъ къ оврагу, увидѣли за нимъ огни своихъ биваковъ. Перовскій думалъ о тяжелой ранѣ Мити Усова, о ихъ недавнихъ обоюдныхъ мечтахъ жениться въ этомъ августѣ и о предстоявшемъ на-завтра сраженіи.

— Скажите, вы боитесь смерти? думаете о ней? — спросилъ Миртовъ Перовскаго, когда они стали выбираться изъ оврага.

— Бояться не боюсь, — отвѣтилъ Базиль: — а думаю иногда, особенно, признаться, теперь.

— Еще бы, вы такъ смѣло тогда, на станціи въ Можайскѣ, приняли вызовъ на дуэль этого француза. Я же разсуждаю такъ, — произнесъ пѣвучимъ, спокойнымъ голосомъ докторъ: — смерть, это, во всякомъ случаѣ, неприятная неожиданность; но если она придетъ мгновенно, отъ паралича или, положимъ, отъ тяжелой раны въ сердце, или въ голову, какъ это бываетъ въ сраженіи, чего тутъ бояться? Пуля или ядро свиснетъ — и баста, не опомнишься. Ъль, пиль, сналь, куряль и мечталь; нежданная раздѣлка — и конецъ. Быль Миртовъ — и нѣтъ Миртова...

Докторъ тихо засмѣялся.

— Мужайтесь, — продолжалъ онъ: — тяжела и противна смерть не отъ пули или ядра, а отъ скверной, безсильной старости, или когда, положимъ, подцѣпнеть гнилая горячка; дома ли, въ походномъ ли госпиталѣ, тутъ одно только му-

ченіе — безсонница, бредъ и ужасъ, ужасъ ожиданій, особенно нашему брату-врачу, все это отлично понимающему, какъ свои пять пальцевъ... вотъ что гадко и тяжело...

Всадники приблизились къ опушкѣ лѣса, за которою разстилася лагерь.

— Не мѣсто, разумѣется, въ ожиданіи боя, думать о другомъ, — сказалъ Базиль, нагинаясь въ темнотѣ отъ вѣтвей березы, мимо которой они ѣхали: — но не могу не замѣтить: громадное большинство умираетъ именно, какъ вы говорите, мучась медленно и съ сознаниемъ, отъ разныхъ болѣзней, старости, нищеты и другихъ золъ.

— Что до меня, — сказалъ докторъ: — странное у меня предчувствіе... Представьте, мнѣ почему-то все кажется, что я умру не иначе, какъ еще черезъ двадцать лѣтъ, и непременно почему-то въ Москвѣ и въ англійскомъ клубѣ... Да, — прибавилъ онъ, смѣясь: — въ клубѣ, послѣ вкуснаго обѣда... Грѣшный человѣкъ, люблю поѣсть... Такъ вотъ, именно послѣ обѣда и отъ паралича... Трахъ—и кончено... Свергнуть въ глазахъ, знаете, такія вотъ звѣздочки, потомъ пріятный туманъ... что это? а ничего... былъ Миртовъ — и нѣтъ Миртова... Не хотите ли, кстати, въ мою палатку? Раздѣнетесь, протянитесь и выспитесь; у меня походный чайничекъ и ромъ, угощу пуншикомъ. Не мѣшаетъ передъ битвой.

— Нѣтъ, благодарю, — отвѣтилъ Перовскій: — надо къ генералу; врядъ ли скоро отпустить.

— Еще слово. Видѣли вы давеча майора Спитянина? — спросилъ докторъ: — угадайте, какая меня преслѣдуетъ мысль?

— Не знаю.

— Вы, разумѣется, обратили вниманіе, какой онъ задумчивый и скучный. Ну-съ, мнѣ, представьте, все кажется, что онъ завтра опередитъ всѣхъ насъ... трахъ — и нѣтъ его, — шутилъ на разставаньѣ докторъ.

Добравшись за полночь до общей штабной палатки, Базиль нашелъ своего денщика, велѣлъ ему пораньше навьючить коня, улегся, не раздѣваясь, на клочкѣ сѣна, въ своемъ углу, и долго не могъ заснуть. Лагерь также еще бодрствовалъ. Солдаты, осмотрѣвъ и почистивъ съ вечера оружіе, аммуницію и лошадей, молились, укладывали свои узлы или сидѣли кучками у потухавшихъ костровъ, изрѣдка перекидываясь словомъ и поднимая на небо, скоро ли разсвѣтъ.

Изъ-подъ откинутой части палатки Перовскому видѣлся край хмураго, беззвѣднаго неба, а вдали, за рѣкой, непріятельскій лагерь, на нѣсколько верстъ обозначенный линіей непрерывныхъ бивачныхъ огней. Базиль думалъ объ этой роковой холмистой долинѣ, на которой теперь, въ ожиданіи близкаго утра, стояла стотысячная русская армія, въ двухъ-трехъ верстахъ противъ такой же стотысячной французской арміи. Тысяча орудій готовились съ той и съ другой стороны осыпать ядрами и картечью эту равнину и этихъ, стоявшихъ другъ передъ другомъ, людей. Базиль усиливался рѣшить, кто же былъ виновникомъ всего этого, кто вызвалъ и привелъ сюда эти арміи? Мучительно напрягая мысли, онъ, наконецъ, забылся крѣпкимъ, предразсвѣтнымъ сномъ.

Было шесть часовъ утра. Гулко грохнула въ туманномъ воздухѣ, противъ русскаго лѣваго крыла, первая французская пушка. На ея звукъ раздался условный выстрѣлъ противъ праваго русскаго крыла—и разомъ загрѣмѣли сотни пушекъ съ обѣихъ сторонъ. Перовскій вскочилъ, выбѣжалъ изъ палатки и нѣсколько секундъ не могъ понять развернувшейся передъ нимъ картины. Вдали и вблизи бухали съ позицій орудія. Солдаты корпуса Багговута строились; между ихъ рядовъ куда-то скакали адъютанты. Сѣвъ на подведеннаго коня, Базиль поспѣшилъ за ними.

Слѣва на низменности, у Бородина, трещала ружейная перестрѣлка. Туда, къ мосту, бѣжала лѣхотная колонна. Черезъ нее, съ нашей небольшой батареи у Горокъ, стрѣляли въ кого-то по ту сторону Колочи. Багговуть, на сѣромъ, красивомъ и росломъ конѣ, стоялъ, сумрачный и подтянутый, впереди своего корпуса, глядя за рѣку въ зрительную трубку. Отъ Михайловской мызы къ Горкамъ, на гнѣдомъ, горбоносомъ, невысокомъ конѣ, неся въ облакѣ пыли, окруженный своею свитой, Кутузовъ.

Прошла всѣмъ извѣстная первая половина грознаго бородинскаго боя. Издавъ наканунѣ воззваніе къ своимъ «королямъ, генераламъ и солдатамъ», Наполеонъ съ утра до полудня всѣми силами обрушился на центръ и на лѣвое крыло русскихъ. Онъ тѣснилъ и поражалъ отряды Барклайя и Багратіона. На смѣну гибнувшихъ русскихъ полковъ

выдвигались новые русскіе полки. Даву, Ней и Мюратъ атаковали Багратионовы флѣши и Семеновскія высоты. Онѣ переходили изъ рукъ въ руки. Флѣши и Семеновское были взяты. Вице-король повелѣ войска на курганную батарею Раевского. Послѣ кровопролитныхъ схватокъ, батарея была взята. На ней, къ ужасу русскихъ, взвился французскій флагъ. Наша линія была прорвана. Кутузовъ узналъ объ этомъ, стоя съ Беннгсеномъ на бургѣ, въ Горкахъ, невдали отъ той самой избы, гдѣ, наканунѣ у Милорадовича было совѣщаніе. Князь послалъ къ кургану начальника штаба первой арміи, генерала Ермолова. Ермоловъ спасъ батарею. Въ это же время Багговуту, къ счастью его отряда, было велѣно сдѣлать фланговое движеніе, въ подкрѣпленіе нашего лѣваго крыла. Багговуть повелѣ свои колонны проселочною дорогою, вдоль Хоромовскаго ручья, между Князьковымъ и Михайловскою мызою. Французскія ядра перелетали черезъ головы этого отряда, попадая въ лѣсъ за Князьковымъ. Багговуть, подозвавъ Перовскаго, приказалъ ему отправиться къ этому лѣсу и вывести изъ него расположенные тамъ перевязочные пункты—далѣе къ Михайловской мызѣ и къ Татарину.

Перовскій поднялся отъ Хоромовской ложбины и открытымъ косогоромъ поскакалъ къ лѣсу. Грохотъ адской пальбы стоялъ въ его ушахъ. Нѣсколько разъ слыша надъ собою полетъ ядеръ, онъ ожидалъ мгновенія, когда одно изъ нихъ настигнетъ его и убьетъ наповаль. «Былъ Перовскій — и нѣтъ Перовскаго». — мыслилъ онъ. Шпоря съ нервнымъ трепетомъ коня, Базиль домчался къ опушкѣ лѣса, гдѣ увидѣлъ ближній перевязочный пунктъ. Отдавъ приказаніе сниматься, онъ было направился далѣе, но на нѣсколько мгновеній замедлилъ. Передъ нимъ были двѣ тропинки, лѣво и направо, и онъ искалъ глазами кого-нибудь, чтобы спросить, какъ ближе проѣхать къ перевязочному пункту доктора Гиршфельдта.

У входа въ одну изъ операціонныхъ палатокъ онъ узналъ стоявшаго передъ нею, въ окровавленномъ фартукѣ, Миртова. Усталый и потный, съ растрепанными волосами, но, какъ всегда, веселый и въ духѣ, докторъ, очевидно, только что кончилъ трудную операцію и вышелъ на мгновеніе покурить и подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Вамъ къ Гиршфельдту? — спросилъ Миртовъ, увидя Перовскаго.

— Да-съ, къ нему, — отвѣтилъ, подбирая поводъ, Базиль: — какъ туда проѣхать?

Докторъ, продолжая курить, подошелъ къ чьей-то рослой и красивой гнѣдой лошади, стоявшей въ сѣдлѣ, невдали отъ палатки, погладилъ ее красною отъ крови рукой и этою же испачканною рукою указалъ Перовскому направо.

— Счастливаго пути! — сказалъ онъ: — что же до насъ, будьте спокойны, мигомъ снимемъ и всѣ перейдемъ... Видите, уже въючатъ фуры. А эта, — указалъ онъ Базилю на лошадь: — потеряла, голубушка, хозяйна; сейчасъ вынули у него осколокъ гранаты изъ спины; врядъ ли останется живъ. Еще, извините, слово... Ѳедору Богдановичу скажите, чтобы воротилъ мой запасный инструментъ — оказывается нуженъ. А мы съ вами, не забудьте, черезъ двадцать лѣтъ, въ московскомъ клубѣ, если васъ не подцѣпитъ пуля того вашего француза, Жерѣмба...

«Удивительное спокойствіе! Шутить среди такого ада!» — подумалъ Перовскій, отъѣзжая подъ гулъ и грохотъ выстрѣловъ, несшихся теперь черезъ отбитую нами курганную батарею. Перевязочный пунктъ снимался. Солдаты и фельдшера въючили телѣги, двигались фуры съ перевязанными ранеными. Вдругъ надъ опушкой что-то зазвенѣло, гулко и грозно сверля воздухъ. Перовскій невольно вздрогнулъ и склонился, ухватясь за шею коня. Въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, сзади его, раздался страшный трескъ и взрывъ. Послышались крики ужаса. Базиль оглянулся. Густой столбъ дыма и песку поднимался надъ мѣстомъ, гдѣ онъ за мгновеніе назадъ стоялъ. Операционная палатка Миртова была разметана въ клочки. Ее смѣнила какая-то безобразно-желтая, дымившаяся яма. Рослый, гнѣдой конь, стоявшій у палатки, былъ опрокинутъ и судорожно бился, дергая въ воздухѣ ногами. А подъ нимъ громко стонало, придавленное имъ къ землѣ, что-то жалкое и безпомощное. Нѣсколько обожженныхъ взрывомъ и осыпанныхъ пескомъ солдатъ испуганно усиливались приподнять лошадь, чтобы освободить изъ-подъ нея придавленного человѣка. Базиль подѣхалъ ближе и увидѣлъ разорванную одежду и бѣлое, торчавшее изъ-за солдатскихъ спинъ копьно, изъ котораго фонтаномъ била кровь. Онъ бросился на помощь солдатамъ. Тѣ въ это время придерживали верхнюю часть туловища раненаго, вытасеннаго ими изъ-подъ лошади. Перовскій узналъ Миртова.

— Голубчики, голубчики, — путавшимся языкомъ твердилъ мертвенно-блѣдный докторъ, съ ужасомъ глядя красивыми потухавшими глазами на окровавленные ключья, бывшія на мѣстѣ его ногъ: — бинтовъ... Егоровъ... перевязку...

Миртовъ, не договоривъ, впалъ въ обморокъ.

Подбѣжавшій фельдшеръ Егоровъ, присѣвъ къ землѣ, перевязывалъ ему, дрожащими руками, вскрытыя артеріи.

— Кончился? — спросилъ вполголоса Перовскій, нагнувшись къ нему.

— Какое, промучится еще, сердечный... а ужъ гдѣ жить! Носилки! — обратился фельдшеръ къ солдатамъ.

Перовскій поскакалъ къ другому перевязочному пункту.

Была снова атакована батарея Раевского. Наполеонъ двинулъ на нее молодую гвардію и резервы. Нападеніе Уварова на лѣвое крыло французовъ останоило-было эти атаки. Но къ французамъ подходили новыя и новыя подкрѣпленія. Курганная батарея была опять занята французами. — «Смотрите, смотрите, — сказалъ кто-то возлѣ Перовскаго, указывая съ высоты, гдѣ стояли колонны Багговута, — это Наполеонъ!» — Базиль направилъ туда подозрную трубу и впервые въ жизни увидѣлъ Наполеона, скакавшаго, съ огромною свитой, на бѣломъ конѣ, отъ Семеновскаго къ занятому французами редуту Раевского. Всѣ ждали грознаго наступленія старой французской гвардіи. Наполеонъ на это не рѣшился.

Къ шести часамъ вечера бой сталъ затихать на всѣхъ позиціяхъ и кончился. Къ свѣтлѣйшему въ Горки, гдѣ онъ былъ во время боя, прискакалъ, какъ узнали въ войскахъ, флигель-адъютантъ Вольцогенъ, съ донесеніемъ, что непріятель занялъ всѣ главные пункты нашей позиціи и что наши войска въ совершенномъ разстройствѣ.

— Это неправда! — громко, при всѣхъ, возразилъ ему свѣтлѣйшій: — ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ одному въ точности. Непріятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ, и завтра мы его погонимъ обратно изъ священной Русской земли.

Стемнѣло. Кутузовъ къ ночи переѣхалъ въ домъ Михайловской мызы. Окна этого дома были снова ярко освѣщены. Въ нихъ видѣлись денщики, разносившіе чай, и лица адъютантовъ. Въ полночь къ князю собрались оставшіеся въ живыхъ командиры частей, расположившихся невдале

отъ мызы. Здѣсь былъ, съ двумя-тремя изъ своихъ штабныхъ, и генераль Багговуть. Взводъ кавалергардовъ охранялъ дворъ и усадьбу. Адьютанты и ординарцы фельдмаршала, бесѣдуя съ подъѣзжавшими офицерами, толпились у крыльца. Разложенный на площадкѣ передъ домомъ костеръ освѣщаль старыя липы и березы вокругъ двора, ягодный садъ, прудъ невдали отъ дома, готовую фельдъегерскую тройку за дворомъ и невысокое крылечко съ входившими и сходявшими по немъ. Стоя съ другими у этого крыльца, Перовскій видѣлъ блѣдное и хмурое лицо графа Толя, медленно, нервною поступью подымавшагося по крыльцу, послѣ вечерняго объѣзда нашихъ линій. Онъ разглядѣлъ и черную, курчавую голову героя дня, Ермолова, который, послѣ доклада Толя, съ досадою крикнулъ въ окно: «фельдъегеря!» Тройка подъѣхала. Изъ сѣней, съ сумкой черезъ плечо, вышелъ сторбленный, пожилой офицеръ. Базиль обрадовался, увидя его: то былъ Синтянинъ.

— Куда, куда?—заговорили офицеры.

— Въ Петербургъ,—отвѣтилъ, крестясь, Синтянинъ:—съ денесеніемъ.

Тогда же всѣ узнали, что князь Кутузовъ, выслушавъ графа Толя, далъ предписаніе русской арміи отступить за Можайскъ, къ Москвѣ. На-утро Перовскій получилъ приказаніе состоять при Милорадовичѣ.

XV.

Было тридцать-первое августа. Въ этотъ день, съ утра, у княгини Анны Аркадьевны все, наконецъ, было готово къ отъѣзду въ тамбовское помѣстье Паншино.

Во дворѣ, у флигеля, стояло нѣсколько послѣднихъ нагруженныхъ подводъ, которыя было рѣшено, съ необходимою прислугой, отослать впередъ. На возахъ—съ кадками, птичьими клѣтками, сундуками, посудой и перинами—сидѣли въ дорожныхъ платкахъ, кофтахъ и кацавейкахъ, щелкая орѣхи и посмѣиваясь, красавицы Луша, Дуняша, Стеша и семь прочихъ подручныхъ горничныхъ княгини, прачки, кружевницы и судомойки. Поваръ и поварченки посадили туда же и слѣпота гуслиста Ермила, а сами, за недостаткомъ мѣста, собирались при подводахъ идти пѣшкомъ. Въ особой открытой линейкѣ, впередъ выѣхали главный дворецкій, буфетчикъ, кондитеръ и парикмахеръ княгини.

Къ одной изъ телегъ, съ запасомъ сѣна и овса, былъ

привязанъ верховой конь Авроры, Барсъ, къ другой—княгинина любимая ходмогорская корова, Молодка, и бодавшій прохожихъ, старый конюшенный козель, Васька. Экономка Маремьяша предназначила себѣ и привезеннымъ изъ Новоселовки Ефимовнѣ и Оенѣ особую, крытую кожей и запряженную тройкой пѣго-чалыхъ, бричку. Туда, на предварительно втиснутую и прикрытую коврикомъ перину, одѣтый въ синюю куртку и алую феску арапченокъ Варлашка бережно поставилъ кѣтку съ понугаемъ и въ корзинкѣ, съ пуховою подушечкой, двухъ комнатныхъ болонокъ княгини, Лѣмку и Тѣмку.

Сама Маремьяша давно все уладила; но, простясь съ княгиней, еще ходила изъ комнаты въ комнату, охая, всѣхъ торопя и не рѣшаясь выйти. Наконецъ, и она, въ дорожномъ чепцѣ, съ Ефимовной и внучкой послѣдней, держа какіе-то узлы и горшечки съ жасминомъ и геранью, показала на дѣвичьемъ крыльцѣ. Всѣ стали креститься. Обозъ, къ которому присоединили еще на особой подводѣ походную палатку, окончательно двинулся въ полдень.

Аврора утромъ того дня съѣздила въ Никитскій монастырь, гдѣ отслужила панихиду по Митѣ. Она была въ черномъ шерстяномъ платьѣ и въ бѣлой косыночкѣ на головѣ. Войдя съ заплаканными глазами въ опустѣлый домъ бабки и узнавъ, что у княгини сидитъ докторъ, она прошла наверхъ; въ свою любимую комнату, и принялась укладывать послѣднія вещи, еще во множествѣ разбросанныя по стульямъ, окнамъ и столамъ.

Что было нужно въ дорогѣ, она успѣла сдать на подвалы; остальное заперла въ ящики шкаповъ и комодовъ, положила ключи на столъ и задумалась.

«Братъ ли ключи съ собой? Какая я смѣшная: не все ли равно?—мыслила она, поглядывая на бумажки и сѣно, валявшіяся по комнатѣ: — если неприятелю суждено быть въ Москвѣ, всѣ эти шкапы, комоды и столы будутъ разбиты, и грубыя вражескія руки коснутся этихъ вещей».

На окнѣ валялись театральныя афиши. Аврора безсознательно взяла ихъ, стала просматривать и бросила на полъ. Афиши гласили, что въ московскомъ театрѣ, нѣсколько дней назадъ, былъ исполненъ анакреонтическій балетъ «Бракъ Зефира», а чуть не наканунѣ того дня шла драма «Наталья, боярская дочь» и послѣ спектакля былъ «маскарадъ».

Эти же афиши спокойно объявляли открытіе абонемента, на двѣсти новыхъ спектаклей, съ наступавшаго сентября.

«Театръ, веселости! — съ горькимъ вздохомъ подумала Аврора, — въ такое время! Гдѣ совѣтъ, гдѣ сердце у этихъ людей?»

Она замѣтила на небольшомъ, съ бронзовою отдѣлкой, столикѣ, у изголовья ея кровати, забытую ею тетрадь любимыхъ нотъ въ красномъ сафьянномъ переплетѣ. Аврора раскрыла ноты и со слезами упала на нихъ головой.

«Видишь ли ты меня, мой далекій? — думала она, рыдая, — гдѣ, въ эти мгновенія, ты и что съ тобой?»

Ей вспомнилась поѣздка съ женихомъ на Поклонную гору, послѣднее свиданіе съ Базилемъ, видъ пылавшей Новоселовки и пушечная пальба подь Можайскомъ.

«Чѣмъ кончилась грозная битва? — думала она, — кто побѣдилъ и кто живъ?»

— Барышня, ея сіятельство готовы, ждутъ васъ! — раздался въ комнатѣ голосъ.

Аврора оглинулась. У дверей, въ смятой, давно не надѣванной дорожной ливреѣ съ гербовыми бронзовыми пуговицами и множествомъ воротниковъ, стоялъ выбритый, раскраснѣвшійся и недовольный сборами слуга княгини Влась. Его сѣдые брови были важно подняты.

— Иди, голубчикъ, я тоже готова, сію минуту! — отвѣтила Аврора, закрывая ноты.

Она схватила клочокъ бумаги, набросала на немъ нѣсколько строкъ и, сложивъ написанное, подумала:

«Отдамъ дворнику. Базиль, если Господь его спасъ, — о, я надѣюсь на это: — вступивъ съ отрядомъ въ Москву, поспѣшить сюда, получить записку отъ дворника и будетъ утѣшенъ хоть этими строками».

На клочкѣ бумаги было написано:

«31 августа 1812 года. — Мы ѣдемъ, дорогой, сейчасъ въ Паншино. До свиданія. О смерти Мити ты, вѣрно, знаешь. Я сегодня молилась о немъ и поклялась... Если буду жива, если потребуются жертвы, ты увидишь, русская женщина, русская патриотка сумѣетъ исполнить свой долгъ. Не забывай любящей тебя — Авроры».

Надѣвъ соломенную шляпу и мантилью, Аврора спустилась съ лѣстницы, заглянула въ молельню бабки, взяла забытый здѣсь кружевной чепецъ княгини, съ зелеными ленточками.

тами, приготовленный Маремьяшей баринъ на дорогу, и медленно, через пальмовую гостиную, такъ памятно Аврорѣ по первымъ, робкимъ бесѣдамъ съ Базилемъ, вышла въ залу, въ послѣдній разъ оглядывая покидаемый домъ. Въ залѣ, среди всякаго сора, стояла сдвинутая съ мѣста мебель, и стѣны были обнажены отъ зеркалъ и картинъ. Куранты столовыхъ часовъ, не снятыхъ въ суетѣ со стѣны, какъ и многое другое въ домѣ, въ это время, тихо позванивая, играли пѣсню того же друга ихъ дома, Пелидинскаго: «Выйду я на рѣченьку, погляжу на быструю... Унеси ты мое горе...» Аврора, прислонясь головой къ стѣнѣ, опять не удержалась отъ слезъ. На крыльцѣ она увидѣла московскаго полицеймейстера. Несмотря на хлопоты, онъ заѣхалъ проводить княгиню.

Тропининъ, рѣшившій остаться въ Москвѣ до выѣзда сената и послѣднихъ чиновъ театральной дирекціи, свелъ плачущую Аврору съ крыльца и усадилъ ее въ дормезъ, противъ сидѣвшей уже здѣсь и въ конецъ разстроенной княгини. Аврора передала записку дворнику. Анна Аркадьевна, протаясь съ полицеймейстеромъ и двумя, также провожавшими ее, богомолками, никакъ не могла удобно помѣстить у своихъ ногъ, среди разныхъ связокъ и упадокъ, поданную ей Власомъ ея третью, самую любимую собачку, крохотнаго рыженькаго шпица, Тѹтика, съ которымъ княгиня никогда не разставалась. Тѹтикъ былъ въ зеленомъ шелковомъ одѣяльцѣ и съ розовымъ бантикомъ на мохнатомъ затылкѣ.

— Да и надоѣлъ же ты мнѣ, съ твоимъ неумѣньемъ, старый чурбанъ!—сердито крикнула своему любимому слугѣ княгиня Шелешпанская:—мечешься, суешься, какъ угорѣлый, а все безъ толку.

— А если бы вы, ваше сіятельство, знали, какъ вы-то мнѣ надоѣли!—не стерпѣвъ и мрачно захлопывая дверцы, отвѣтилъ Власъ.

— Какъ видишь!—съ горечью, по-французски, произнесла княгиня, укоризненно указывая на грубіяна Аврорѣ, точно та была виной его дерзкой выходки:— вотъ нынѣ судьба князей Шелешпанскихъ! Они меня въ гробъ уложатъ... Гдѣ мой канли?..

— Пошелъ!—крикнулъ кучеру Власъ, важно усѣвшись на козлы и съ суровымъ упрекомъ поглядывая на але-

бастровыхъ львовъ, украшавшихъ высокія ворота княгинина дома.

Свѣжій осенній вѣтеръ весело игралъ ливрейными воротниками на плотной и красной отъ досады шеѣ Власа.

— Уѣхали ангелы, — обратилась къ дворнику Карпу, стоявшему у воротъ, одна изъ богомолокъ, кланяясь вслѣдъ уѣзжавшей княгинѣ и пряча полученную отъ нея подачку: — а намъ, бѣднымъ, одна Царица Небесная въ защиту. Гонить лютый врагъ... Воздушнымъ плетнемъ обнесемъ, небомъ въ пустынѣ прикроемся.

Блѣднѣющій, съ пѣгимъ лицомъ, Карпъ, мрачно взглянувъ на спины уходившихъ богомолокъ, злобнымъ размахомъ заперъ ворота.

Зеленая крыша дома княгини, съ бельведеромъ поверхъ ея и со львами на воротахъ, скрылась за сосѣдними опустѣлыми домами. Тяжелый вѣпскій дормезъ, съ фореиторомъ, шестерикомъ воронихъ, медленно выѣхалъ, погромыхая, изъ Бронной на Тверской, также опустѣвшій, бульваръ, къ Кремлю и далѣе въ Рогожскую заставу. Тропининъ, съ утра въ виць-мундирѣ подъ плащемъ и въ форменной треуголкѣ, проводилъ путницъ на наемныхъ дрожкахъ до заставы. Улицы за Яузой были переполнены отѣзжавшими и уходившими. Городъ, узнавъ въ тотъ день потрясающія подробности о бородинской битвѣ, окончательно опустѣлъ.

XVI.

Настало второе сентября.

Въ Москву, днемъ и ночью, подходили подводы, наполненные тысячами раненыхъ. «Кровавое Бородино» вдвигалось въ московскія улицы со Смоленской дороги, въ то время, какъ по Владимірской, Рязанской и Тульской уѣзжали, тѣсня другъ друга, разнообразныя кареты, коляски, брички и телеги, съ послѣдними уѣзгающими москвичами. Разнеслась вѣсть, что русская армія, послѣ бородинскаго боя, отступаетъ къ древней столицѣ. Всѣ ждали новой и окончательной битвы у воротъ Москвы. Близъ Воробьевыхъ горъ Перовскому и другимъ колонновожатымъ велѣли произвести съемку мѣстности, и здѣсь, дѣйствительно, начали было даже возводить земляныя укрѣпленія для редутовъ. Но послѣ совѣта, происходившаго наканунѣ въ подмосковной деревушкѣ Филяхъ, Кутузовъ рѣшилъ для спасенія Россіи сдать Москву безъ боя.

Русскія войска, направляясь со Смоленской дороги на Рязанскую, стали проходить черезъ Москву. Непрiятельская армiя слѣдомъ за ними приближалась къ Дорогомиловской заставѣ. Подъ городомъ слышалась перестрѣлка передовой французской дѣли съ казаками и уланами русскаго арриергарда.

Лихой и храбрый начальникъ этого арриергарда, «крылатый», какъ его звали, Милорадовичъ, съ цѣлью облегчить отступленiе русскимъ отрядамъ и дать выйти изъ города послѣднимъ жителямъ и обозамъ, объявилъ столь же лихому и отважному вождю французскаго авангарда, итальянскому королю Мюрату, что если французы на время не прiостановятся, ихъ встрѣтитъ бой на штыкахъ и ножахъ въ каждой улицѣ и въ каждомъ домѣ Москвы. Мюратъ заключилъ съ Милорадовичемъ словесное, до ночи, перемирие.

Перестрѣлка на время прекратилась. Французскiе полки, въ виду уже развернувшейся передъ ними Москвы, замедлили наступленiе.

Вышедшiй благополучно изъ бородинскаго боя, Перовскiй сумрачно вѣхалъ верхомъ сзади Милорадовича, съ другимъ офицеромъ, черноволосымъ и съ ямочками на румяныхъ щекахъ, Квашнинымъ. Онъ сгоралъ нетерпѣнiемъ скорѣе достигъ города и узнать, гдѣ его невѣста и что случилось съ Митей Усовымъ, отравленнымъ съ боя подъ Осмою въ Москву. Въ ожиданiи радостнаго свиданiя съ Авророй,—почемъ знать, можетъ-быть, она еще въ Москвѣ?—Базиль, при помощи денщика, успѣлъ на послѣднемъ ночлегѣ въ Филяхъ достать изъ выюка и надѣтъ уцѣлѣвшее чистое бѣлье, тонкую рубашку, съ кружевными манжетами, и бѣлый пикейный камзолъ, умылся и даже побрился. Его донской сѣрый конь былъ также въ порядкѣ и не заморенъ. Но какое-то необъяснимое, гнетущее чувство волновало и раздражало Базиля. Ему показалось, что его денщикъ, вѣхавшiй въ Москву ранѣе съ его выюками, былъ подъ хмелькомъ, и онъ соображалъ, не обронилъ бы онъ выюка съ походною шкатулкой, гдѣ хранились дорогiе ему сувениры.

Квашнинъ, товарищъ по ученiю и ровесникъ Мити Усова, былъ въ лучшемъ настроенiи духа. Добрый, привлекательнаго нрава товарищъ и словоохотливый собесѣдникъ, Квашнинъ, такъ же какъ и Перовскiй, былъ наканунѣ съ Милора-

довичемъ въ Фляхъ. гдѣ происходилъ важный военный совѣтъ и гдѣ у квартиры свѣтлѣйшаго онъ удостоился не только видѣть всѣхъ главныхъ генераловъ арміи и штаба главнокомандующаго, но и наслышаться любопытнѣйшихъ, военныхъ и политическихъ, сужденій и вѣстей, которыя впоследствии стали достояніемъ исторіи.

— Битва гигантовъ! такъ, а не иначе, отнынѣ будутъ называть Бородину!—сказалъ Квашнинъ, краснѣя отъ собственнаго выпренняго выраженія и поглаживая короткими, пухлыми пальцами усталаго и взмыленнаго своего коня: — а я, Василій Алексѣевичъ, прибавлю: битва шести Михайловъ...

— Это почему?—спросилъ разсѣянно Перовскій, вглядываясь сквозь шеренги драгуновъ, въ очертанія недалекой Поклонной горы и стараясь угадать то поле, гдѣ онъ, такъ еще недавно, скакалъ на прогулкѣ съ Авророй, ея сестрой и Митей Усовымъ.

— А какъ же-съ! Неужели не знаете? — воскликнулъ Квашнинъ въ нервномъ возбужденіи, радуясь, что могъ объявить все, что онъ слышалъ, такому дѣльному и понимающему товарищу: — Михайлъ Кутузовъ, Михайлъ Барклай, нашъ Милорадовичъ, Воронцовъ и Бороздинъ... Ней у французовъ — тоже Михайлъ.

— Да, это стѣбитъ апокалипсическаго Аполліона! — сухо отвѣтилъ Базиль.

— А слышали вы, Василій Алексѣевичъ, — спросилъ Квашнинъ, стороня лошадь отъ обломившейся фуры, которую усталые и потные солдаты, копошась, ладили на пути: — знаете ли, сколько выбыло у насъ изъ строя подъ Бородинымъ?

— Было море крови, одно скажу! — вспоминая картины Бородина; со вздохомъ отвѣтилъ Базиль: — мы съ вами затѣ уцѣляли, даже и не ранены...

— Ну, что-же, нашъ чередъ еще впереди... Да нѣтъ, вы послушайте, это что-то, клянусь, сказочное и небывалое! — продолжалъ оживленно Квашнинъ: — адъютантъ Ермолова, Тютинъ, передавалъ... очевидно, подсчитали въ главномъ штабѣ... бой длился всего десять часовъ, и въ это время, представьте, — продолжалъ, оставивъ поводъ, Квашнинъ: — у насъ выбыло изъ рядовъ, убитыми и ранеными, до пятидесяти тысячъ человекъ; у французовъ, говорятъ, столько же —

а на сто тысячъ всѣхъ, выбывшихъ изъ строя, кладутъ до сорока тысячъ убитыхъ... Вѣдь, это ужасъ! И ужъ не знаю, вѣрно ли, но увѣряютъ, что у насъ и у нихъ при этомъ убито и ранено болѣе пятидесяти генераловъ, выпущено приблизительно до шестидесяти тысячъ пушечныхъ снарядовъ, а ружейныхъ что-то болѣе полутора миллиарда. Это,— какъ вы думаете? — по расчету, выходитъ на каждую минуту боя болѣе двухъ тысячъ выстрѣловъ, причемъ, на каждые тридцать выстрѣловъ одинъ смертельный... А, каково? Не ужасъ ли? Гдѣ и въ какія времена столько проливали крови и убивали?

Базиль съ содроганіемъ слушалъ эти вычисленія. Ему вспомнилось, какъ онъ до войны боготворилъ Наполеона и какъ, изъ подражанія этому, по его тогдашнему мнѣнію, мечтательно-нѣжному генію, онъ, Базиль, досталъ, уѣзжая изъ Москвы, у Кольчугина, Костровскій переводъ Оссіана и, въ видѣ отдыха, на первыхъ походныхъ бивакахъ читалъ поэмы послѣдняго. Перовскому вспомнилось и его прощаніе съ Митей Усовымъ, когда тотъ, уже сидя въ кибиткѣ, сквозь слезы глядѣлъ на родную усадьбу и, уѣзжая и издали крестя его и няню Арину, повторялъ: «Такъ, до осени... смотри же, оба женимся и заживемъ!»

Квашнинъ говорилъ еще что-то.

— Не забудьте, впрочемъ, въ утѣшеніе, мой дорогой, одного, — рѣзко обратился къ нему, какъ бы оправдываясь отъ какихъ-либо нападеній, Базиль:—мы потеряли, но зато чуть не вдвое потеряли и наши враги! Недаромъ Наполеонъ, какъ передавалъ вчера въ штабѣ одинъ плѣнный, такъ злился послѣ даннаго ему отпора, что мы не уступили ему ни пяди, грозно провели ночь на мѣстѣ сраженія и скрылись отъ него, хоть не нападая, но и не прося пощады. Онъ сказалъ Немю: *la fortune est une franche courtisane...* Да, посмотримъ еще, къ кому повернетъ свое личико эта, ласкавшая его донынѣ, распутница fortuna...

Квашнинъ смолкъ, стараясь дословно запомнить услышанное изреченіе Наполеона, чтобы сообщить его, при первомъ свиданіи, матери, которая, какъ онъ зналъ изъ ея писемъ, уже благополучно выѣхала изъ Москвы въ Ярославль.

— Въ штабѣ радуются, увѣряютъ,— продолжалъ раздражительно Базиль:—что французы, занявъ уступленную имъ безъ боя Москву, примутъ первыя предложенія имъ, условія

мира. Утверждаютъ, что они отиразднують этотъ миръ шумно и торжественно и, удовлетворивъ свою спѣсь, безъ замедленія уйдуть въ Польшу... Этого, надо думать, не случится; мы не можемъ, не должны заключать постыднаго мира!—договорилъ, подбирая поводы и догоняя Милорадовича, Базиль:—Москва—конецъ Наполеону, могила его счастья и славы. Я этому вѣрю, объ этомъ молось... Иначе не можетъ и быть!

Улицы, по которымъ сталъ двигаться русскій аррьергардъ, были загромождены послѣдними уходившими обозами и экипажами. — «Идутъ, идутъ! Французы на Воробьевыхъ горахъ!» — кричали метавшіеся между подводами пѣшеходы. Изъ опустѣлыхъ переулковъ доносились дикіе крики пьяной черни, разбивавшей брошенныя лавки, съ красными и бакалейными товарами, и кабаки. Испуганные, не успѣвшіе уйти горожане прятались въ подвалы и погреба, либо, выходя изъ воротъ съ иконами въ рукахъ, кланялись, спрашивая встрѣчныхъ, наши ли побѣдили, или мы отступаемъ. Цѣлые ряды домовъ по бульварамъ и вдоль болотистой рѣчки Неглинной, у Кремля, стояли мрачно-безмолвные, съ заколоченными ставнями и дверьми.

Милорадовичъ, достигнувъ Устинскаго моста черезъ Язуу, сталъ пропускать мимо себя свои колонны. Къ нему подскакалъ съ донесеніемъ казаяій офицеръ.

— Поручикъ Перовскій и прапорщикъ Квашнинъ!—крикнулъ Милорадовичъ.

Оба офицера подъѣхали къ нему.

— Вы—москвичи; знаете мѣстность?—спросилъ онъ.

— Знаемъ.

— Слѣдите... вы, Перовскій, къ Лефортовской, а вы, Квашнинъ, къ Бутырской заставамъ... Торопите запоздалыхъ... Сбился генераль Сикорскій, отстали казаки... Переміе врядъ ли продлится.. Непріятель обходитъ насъ, въ перерѣзъ изъ Сокольниковъ, на Лефортово. Если что нужно, дайте знать... Привалъ за Рогожскою заставой...

XVII.

Офицеры, съ вѣстовыми казаками, помчались за мостъ. Нѣкоторое время, Солянкою, они ѣхали вмѣстѣ. Квашнинъ, на своемъ приморенномъ рыжемъ, не отставалъ. — «Не судьба, — думалъ Базиль, — если бы въ Бутырки послали меня, а не его, я успѣлъ бы оттуда, по пути, завернуть съ Тверской къ Патриаршимъ прудамъ... Что, если, какъ извѣ-

щала Аврора, княгиня и въ самомъ дѣлѣ донынѣ осталась въ Москвѣ? Мало ли что могло случиться, — болѣзнь, особенно эти странныя, торжественныя увѣренія Растопчина... Подскакалъ бы къ воротамъ; можетъ-быть, увидѣлъ бы ее въ окнѣ или на балконѣ, хотъ крикнуть бы пару словъ, чтобы спасались. Теперь же... въ другой конецъ города... Развѣ помѣняться?»

— Итакъ, товарищъ, до свиданья! — сказалъ Квашиницъ, сдерживая коня: — мнѣ — направо, вамъ — направо, Покровкою и, далѣе, Гороховымъ полемъ... А мнѣ-то всѣ эти мѣста знакомыя... Тамъ невдали, куда ѣдете, мой дядя; у него заводъ въ Нѣмецкой слободѣ...

— Извините, — произнесъ въ сильномъ волненіи Перовскій: — минуты дороги... одно слово... У меня въ Москвѣ невѣста — въ Бронной, у Патріаршихъ прудовъ... Вамъ, хотъ обратно, будетъ по пути — съ Дмитровки или съ Тверской... Тамъ не далеко... домъ съ бельведеромъ, зеленою крышей и львами на воротахъ.

— Приказывайте, — произнесъ, вспыхнувъ и поглядывая на своего вѣстового, Квашиницъ: — чей домъ?

Перовскій назвалъ фамилію княгини.

— Болѣе ничего, — сказалъ онъ, помолчавъ: — прошу объ одномъ только — предупредите; если же хозяйки уже выѣхали, тамъ дворникъ Каринъ или кто-нибудь, — узнайте, куда, и все ли благополучно?... У васъ, кажется, вы говорили, матушка была тоже въ Москвѣ; не по пути ли мнѣ? Былъ бы счастливъ...

— Помилуйте, — восторженно воскликнулъ Квашиницъ, пожимая съ сѣдла влажною, мягкою рукою руку Вазилія: — да я готовъ, вашъ слуга... Матушка-жъ моя жила на Пятницкой, у Климента, — знаете, папы римскаго? — на углу Климентовскаго переулка, домъ съ красною крышей, и вверху хотъ не бельведеръ, какъ у княгини, но тоже антресоли... Она уже оставила Москву, а не будь этого, мы съ вами сегодня же тамъ пили бы чай и наливку. А какая наливка!.. Ужъ была бы рада моя старушка... До свиданья!

— Счастливаго пути! Если ранѣе меня доберетесь до обоза, найдите моего денщика — не растерялъ бы онъ моихъ вещей.

Квашину удалось, исполнивъ у Бутырской заставы приказаніе Милорадовича, вернуться въ Бронную, къ Патріар-

шимъ прудамъ. Онъ отыскалъ домъ княгини, узнать, что всѣ благополучно, за два дня передъ тѣмъ, уѣхали, и узнавъ отъ дворника о запискѣ Авроры на имя Перовскаго, въ волненіи отъ невѣроятной, радостной находки, взялъ эту записку съ собой, для передачи ея Перовскому. Сѣвъ на отдохнувшяго коня, онъ весело поскакалъ къ Рогожской заставѣ, но на Тверской наткнулся на входившихъ уже въ городъ французовъ и попалъ въ плѣнъ, изъ котораго, впрочемъ, въ наступившую ночь счастливо бѣжалъ. Найдя въ обозѣ денщика Перовскаго, онъ узналъ, что вещи послѣдняго были цѣлы, но о судьбѣ самого Перовскаго никто ничего не зналъ.

Разставшись съ Квашиннымъ, Базиль приказалъ вѣстовому не отставать и поскакалъ Покровкою съ Басманной. У Иоанна Предтечи его задержалъ двигавшійся съ Басманной казачій полкъ. Передавъ командиру полка приказаніе Милорадовича, Базиль никакъ не могъ проѣхать въ Гороховскую улицу. Оттуда шла пѣхога. Тѣснымъ рядами молча и сумрачно двигавшихся солдатъ, онъ было своротилъ сквозь ихъ шеренги въ узкій и кривой переулокъ, но запутался здѣсь въ неогороженныхъ пустыряхъ, между огородами, и попалъ къ какой-то рошѣ, у рѣчки Чечёры. Издали была видна знакомая ему колокольня Никиты Мученика. Перовскій сообразилъ, что черезъ Чечёру и далѣе черезъ Язу онъ могъ въ Лефортово удобно попасть только по Басманной, и направился туда. На Басманной встрѣтился какой-то отсталый обозъ, завязавшій ссору съ егерями Демидова, которые на дюжинѣ фуръ везли мебель и уводили лошадей, борзыхъ и гончихъ собакъ своего хозяина.

Къ Лефортовскому мосту черезъ Язу Перовскій добрался уже въ пятомъ часу. Здѣсь оказалась новая преграда. Черезъ мостъ, навстрѣчу Базилю, тѣсня и сбивая другъ друга, непрерывно двигались ряды отставшей русской колонны. То были опять казаки и драгуны.

— Вы откуда?—окликнулъ Базиль солдатъ.

— Отъ Сокольниковъ...

— Кто вашъ дивизионный?

— Генераль-маіоръ Сикорскій.

— Гдѣ онъ?

Солдаты указали за мостъ, на виднѣвшійся невдали лѣсъ.

— Живѣе, ребята, поздно! — крикнулъ Базиль: — сборъ за Рогожскою заставой; поспѣшайте!

— Рады стараться, — отозвались голоса.

Тысячи стоптанныхъ сапоговъ гудко и бодро стучали по мостовымъ доскамъ. Мостъ опустѣлъ. Перовскій съ вѣстовымъ проѣхалъ за Язу. Лѣсъ, который онъ видѣлъ съ того берега, оказался далѣе, чѣмъ онъ того ожидалъ. Изрытая, болотистая дорога шла непрерывными огородами; потомъ потянулось поле. Начало смеркаться.

Удивленный, что такъ скоро наступилъ вечеръ, Базиль, отирая потъ, прищипорилъ лошадь къ лѣсу, проѣхалъ еще съ версту и вправо, между деревьями и какимъ-то прудомъ или озеромъ, увидѣлъ въ колоннахъ большой военный отрядъ. Въ сумеркахъ онъ разглядѣлъ, что тутъ, кромѣ русскихъ, были и непріатели. Онъ замаялся.

Подѣхавъ еще ближе, Перовскій увидѣлъ генерала Сикорскаго и, къ своему удивленію, рядомъ съ нимъ начальника французскихъ аванпостовъ. То былъ, какъ онъ потомъ узналъ, генераль Себастьяни. Базиль велѣлъ вѣстовому подождать себя у лѣса, а самъ, взявъ подъ козырекъ, направился къ Сикорскому и передалъ ему приказъ Милорадовича.

— Да что, батюшка, — съ неудовольствіемъ крикнулъ кругленькій и живой, съ быстрыми движеніями и точно испуганными, раскраснѣвшими глазами, Сикорскій: — мы, видите Богъ, не медлили, во-время узнали о перемиріи и шли, какъ всѣ. Было сказано: черезъ Язу, — на Язѣ же не одинъ мостъ, а эти господа (онъ указалъ на сердитомолчаливаго Себастьяни) отрѣзали нашу крайнюю бригаду и вздумали ее не пропускать. Теперь вотъ съ нимъ кое-какъ, впрочемъ, объяснились: неговорчивый, собака, насилу его уломалъ. Такъ передайте его превосходительству; сами видите, безостановочно идемъ вслѣдъ за нимъ...

Раздалась французская команда. Задержанные непріятельскимъ авангардомъ, донскою казачіею и драгунскіе полки прошли въ интервалы, между развернутымъ по полю французскимъ отрядомъ. Перовскій дождался ихъ прохода и поспѣшилъ къ лѣсной опушкѣ, у которой онъ оставилъ вѣстового; но послѣдняго тамъ уже не было. Базиль возвратился на дорогу и сталъ кликать казака; никто не отзывался. Въ темнотѣ только слышался топотъ подходившей къ мосту русской бригады. Базиль поскакалъ туда. Но французы, между

мостомъ и лѣсомъ, уже протянули свою сторожевую ночную цѣпь.

— Qui vive? (кто идетъ?)—раздался окликъ часового.

— Парламентеръ,—отвѣчалъ Перовскій.

Часовой не пропустилъ его. Подѣхалъ офицеръ, разставившій пикеты, и пригласилъ Базиля къ генералу. Себастьяни, видѣвшій, какъ Перовскій, за нѣсколько минутъ, говорилъ съ своимъ дивизионнымъ, велѣлъ-было пропустить его черезъ цѣпь. Но едва Перовскій отѣхалъ за пикетъ, онъ послалъ вѣстового возвратить его.

— Здѣсь невдали неаполитанскій король,—сказалъ онъ:— вы говорите по-французски, образованы, — королю будетъ пріятно съ вами поговорить... Вашъ кордонъ за мостомъ, вблизи... еще успѣете... Прошу васъ на минуту повременить...

Перовскій нехотя послѣдовалъ за Себастьяни, окруженнымъ адъютантами. Они ѣхали шагомъ. Лѣсъ кончился, потянулось поле. Вдали виднѣлись огоньки. Переѣхавъ черезъ канаву, всѣ приблизились къ обширной избѣ, стоявшей за лѣсомъ, среди огородовъ. У двери толпились офицеры. Солдаты, съ горѣвшими факелами въ рукахъ, встрѣтили подѣхавшаго генерала.

XVIII.

Себастьяни спустился съ сѣдла, велѣлъ принять лошадь Перовскаго и предложилъ ему подождать, пока онъ снесется съ Мюратомъ. Базиль вошелъ въ пустую и едва освѣщенную съ надворья избу. За окнами слышался говоръ, шумъ. Подѣзжали и отѣзжали верховые. Какой-то высокій, съ конскимъ хвостомъ на каскѣ, французъ, сунулся-было въ избу, торопливо ища на ея полкахъ и въ шкапу, очевидно, чего-либо съѣстного, и съ ругательствомъ удалился. Черезъ полчаса въ избу вошелъ Себастьяни.

— Неаполитанскій король занятъ,—сказалъ онъ:—ранѣе утра онъ не можетъ васъ принять. Переночуйте здѣсь...

— Не могу, — отвѣтилъ, теряя терпѣніе, Базиль:—меня ждутъ; я сюда привезъ приказанія высшаго начальства и обязанъ немедленно возвратиться съ отчетомъ... Не задерживайте меня...

— Понимаю васъ... Только ночью, въ такой темнотѣ и при неясности нашего обоюднаго положенія, врядъ ли вы безопасно понадете къ своимъ.

— Но развѣ я — ильбинскій? — спросилъ, поборая досаду,

Базиль:—вы, генераль, лучше других можете рѣшить; вы видѣли, что я былъ присланъ къ начальнику прошедшей здѣсь бригады.

— Полноте, молодой человекъ, успокойтесь!— улыбнулся Себастьяни, садясь на скамью за столъ:— даю вамъ честное слово стараго служаки, что рано утромъ вы увидите короля Мюрата и, велѣдъ за тѣмъ, васъ бережно проведутъ на ваши аванпосты. А теперь закусимъ и отдохнемъ; мы всѣ, не правда ли, наморились, надо въ томъ сознаться..

Вошедшій адъютантъ внесъ и развязалъ покрытый пылью кожаный чехоль со съѣстнымъ и флягою вина. Не ѣвшему съ утра, Перовскому предложили блага хлѣба, ломоть сыру и стаканъ сотерна.

— Москва пуста, Москва оставлена жителями,— произнесъ, закусывая, Себастьяни:— знаете ли вы это?

— Иначе и быть не могло,— отвѣчалъ Базиль.

— Но нашъ императоръ завтра входитъ въ вашъ Кремль, поселяется во дворцѣ царей... этого вы не ждали?

— Наша армія не разбита, цѣла..

— О, если бы вашъ государь протянулъ намъ руку! Онъ и Наполеонъ стали бы владѣтелями міра. Мы доказали бы коварной Англіи, пошли бы на Индію... Впрочемъ, пора спать,— прибавилъ Себастьяни, видя, что Базиль не дотрогивается до ѣды и ему не отвѣчаетъ.

Перовскаго провели, черезъ сѣни, въ другую комнату, уже наполненную лежавшими въ повалку, штабными и ординарцами. Онъ разостлалъ свою шинель и, подсунувъ подъ голову шляпу, не снимая шпаги, легъ въ углу. При свѣтѣ факеловъ, еще горѣвшихъ на дворѣ, онъ увидѣлъ въ избѣ, у окна, молодого французскаго офицера замѣчательной красоты. Черноволосый и блѣдный, съ подвязанною рукою и съ головой, обмотанною окровавленнымъ платкомъ, этотъ офицеръ сидѣлъ, согнувшись, на скамьѣ и разговаривалъ съ кѣмъ-то въ разбитое окно. Онъ не замѣтилъ, какъ въ потемкахъ вошелъ и легъ Базиль.

— Мнѣ, представьте, однажды удалось видѣть его въ красной, съ золотомъ, бархатной тогѣ консула!— говорилъ по-французски, но съ иностраннымъ акцентомъ, голосъ за окномъ:— какъ онъ былъ хорошъ! Здѣсь онъ, разумѣется, явится въ небываломъ ореолѣ, въ одѣяніи древнихъ царей.

— Но увидимъ ли мы свою родину?— возразилъ тихимъ,

упавшимъ голосомъ раненый офицеръ:— отецъ мнѣ шипеть изъ Макона,—налоги страшно растутъ, все давятъ; у сестры отняли послѣднюю корову, а у сестры шестеро дѣтей...

— Великій человѣкъ,—продолжалъ голосъ за окномъ: — сказалъ недаромъ, что эта дикая страна увлечена рокомъ. Вспомните мое слово, онъ здѣсь освободитъ рабовъ, возродитъ Польшу, устроитъ герцогства смоленское, виленское и петербургское... Будутъ новые герцоги, вице-короли... Онъ раздастъ здѣшніе удѣлы генераламъ, а Польшу — своему брату Жерому.

— Охъ, но вы—не генералъ: ваши земляки храбры, не спору, но армія Кутузова еще цѣла, а фортуна слѣпа,— отвѣтилъ раненый, припадая отъ боли плечомъ къ окну.

— Вы намекаете на случайности,—произнесъ голосъ за окномъ: — а забыли изреченіе новаго Цезаря: «*le boulet, qui me tuera, n'est pas encore fondu*» (бомба, которая меня убьетъ, еще не отлита). Великій человѣкъ долженъ жить и будетъ жить долго, воюя по-рыцарски, за угнетенныхъ... Вѣдь Рига уже взята, Магдональдъ, по слухамъ, въ Петербургѣ... Не вѣрите? Если же и этого будетъ мало, уже выпущено на милліоны фальшивыхъ ассигнацій, найдутъ и выдвинутъ новаго самозванца... народъ и безъ того толкуетъ, что живъ и покойный царь Павелъ...

Раненый болѣе не отвѣчалъ. Въ комнатѣ стихло. Факелы за окномъ погасли.—«Неужели все это правда?—думать въ темнотѣ Базиль: — неужели просвѣщенный народъ и этотъ гений, этотъ недавній мой кумиръ, пойдутъ на такія мѣры? Быть не можетъ! Это—выдумки, бредъ раздраженныхъ бординскою неудачею мечтателей и хвастуновъ».

Перовскій долго не могъ заснуть. Ему пришла-было въ голову мысль—незамѣтно, впотъмахъ, выйти изъ избы, достигнуть лѣса и бѣжать; онъ даже всталъ и началъ пробираться черезъ спавшихъ въ избѣ; но, разслушавъ вблизи оклики часовыхъ, снова легъ на шинель и крѣпко заснулъ.

Загремѣлъ заревой барабанъ. Всѣ проснулись. Начинался разсвѣтъ тихаго и теплаго, чисто-лѣтняго дня. Себастьяни сдержалъ слово и, со своимъ адъютантомъ, послалъ Перовскаго къ Мюрату.

Итальянскій король провелъ ночь уже въ Москвѣ.

Перовскій и его проводникъ, верхомъ, направились въ

Замоскворѣчье, гдѣ, какъ имъ сказали, была квартира Мюрата. На Пятницкой, у церкви Климента, Базиль сталъ искать глазами и узналъ домъ съ зелеными ставнями и съ вышкой, матерн Квашнина.

Возлѣ этого дома толпились оборванные французскіе солдаты, таща изъ воротъ мебель и разный хламъ. Въ раскрытыя окна виднѣлись потные и красные, въ каскахъ и разстегнутыхъ мундирахъ, другіе солдаты, расхаживавшіе по комнатамъ и горланившіе изъ оконъ тѣмъ, кто стоялъ на улицѣ.—«Неужели грабежъ?.. Бѣдный Квашнинъ!»—подумалъ съ изумленіемъ Базиль, видя, какъ приземистый и малосильный, съ кривыми ногами и орлинымъ носомъ, французскій пѣхотинецъ, отмахиваясь отъ товарищей, съ налитымъ кровью лицомъ, тащилъ увѣсистый узелъ женскаго платья и бѣлья, приговаривая: «Это для моей красавицы, это въ Париж!» («C'est à ma belle, c'est pour Paris!»).

Проѣхавъ далѣе, проводникъ Базіля узналъ отъ встрѣчнаго офицера, что штабъ-квартира Мюрата не въ Замоскворѣчьи, а у Новыхъ рядовъ, на Вшивой горкѣ. Перовскій и адъютантъ повернули назадъ и скоро подъѣхали къ обширному двору золотопромышленника и заводчика Баташова. У въѣзда въ ворота стояли конные часовые; въ глубинѣ двора, у параднаго подъѣзда, былъ расположенъ почетный карауль. На крышѣ двухъ-яруснаго дома развѣвался королевскій, красный съ зеленымъ, штандартъ. Въ саду виднѣлись разбитыя палатки, ружья въ козлахъ и, у кольевъ, неразсѣданныя лошади, бродившія по травѣ и еще не уничтоженнымъ цвѣтникамъ. На площадкѣ крыльца толпились генералы, чиновники и ординарцы. Всѣ чего-то какъ бы ждали. У нижней ступени, въ замаранномъ синемъ фракѣ, въ бѣломъ жабѣ и со шляпой въ рукахъ, стоялъ, кланяясь и чуть не плача, сѣдой толстякъ.

— Чтò онъ тамъ городить? (Quest-ce qu'il chaut, voyons?)—крикнулъ съ досадою, не понимая его, дежурный генераль, къ которому толстякъ, размахивая руками, обращался съ какою-то просьбой?

— Вотъ русскій офицеръ,—поспѣшилъ указать генералу на Перовскаго подъѣхавшій адъютантъ Себастьяни:—онъ присланъ сюда къ его величеству.

— А, тѣмъ лучше!—обратился генераль къ Перовскому:—не откажите объяснить, о чемъ просить этотъ старикъ?

Проситель оказался главнымъ баташовскимъ приказчикомъ и дворецкимъ.

— Что вамъ угодно? — спросилъ его Базиль, не слѣзая съ коня: — говорите, я имъ переведу.

— Батюшка ты нашъ, кормилецъ православный! — вскринулъ, крестясь, обрадованный толстякъ: — вы тоже, значить, плѣнный, какъ и мы?

— Нѣтъ, не плѣнный, — покраснѣвъ, рѣзко отвѣтилъ Базиль: — видите, я при шпагѣ, слѣдовательно, на свободѣ... Въ чемъ дѣло?

— Да что, сударь, я — здѣшній дворецкій, Максимъ Соєвъ... Налетѣли эти, нечистый ихъ возьми, точно звѣри; тридцать однихъ генераловъ, съ ихнимъ этимъ королемъ, и у насъ стали съ вечера, — произнесъ дворецкій, утирая жирное лицо: — видимъ — сила, ничего не подѣлаешь! Ну, приготовили мы имъ сытный ужинъ; всѣ, какъ есть, пекарни и калачни обѣгали, — бѣлаго хлѣба нѣтъ, одинъ черный; самому королю всего чвѣртку бѣлой сайки добыли у ребятъ. И озлились они на черный хлѣбъ, и пошло... Всякъ генералъ, какой ни-на-есть, требуетъ себѣ мягкой постели и особую опочивальню. А гдѣ ихъ взять?

Максимъ, съ суровымъ упрекомъ, поглядѣлъ на французовъ.

— Король изволилъ откушать въ гостиной и легъ въ господской спальнѣ, — продолжалъ онъ: — прочихъ мы уложили въ столовой, въ залѣ и въ угольной. И того мало: не хотятъ дивановъ и кушетокъ, подавай имъ барскія перины и подушки, а нашихъ холопскихъ не хотятъ, швыряютъ... Всю ночь напролетъ горѣли свѣчи въ люстрахъ и въ кенкетахъ... насъ же, сударь, вѣрите ли, какъ кошекъ за хвостъ, тягали туда и сюда... Убытокъ и разоры! А нынче утромъ, доложу вашей чести, какъ этотъ генералитетъ и вся чиновная арава проснулись разомъ, — въ домѣ, въ музыкантскомъ флигелѣ, въ оранжереяхъ и въ людской, — одинъ требуетъ чаю, другой кричить — закуски, водки, бургонскаго, шампанскаго... такъ сбили съ ногъ, хоть въ воду!

Базиль перевелъ жалобы дворецкаго.

— *Oui, du champagne!* (именно, шампанскаго!) — весело улыбувшись, подтвердилъ одинъ изъ штабныхъ: — но что же ему нужно?

— Бабъ тоже, ваше благородіе, сильно обижали на кухнѣ

и въ саду, — продолжалъ, еще болѣе укоризненно поглядывая на французовъ, дворецкій:—тѣ подняли крикъ. Сегодня же, смѣю доложить, — и вы имъ, сударь, это безиремѣнно переведите, — ихъ солдаты отбили у стрипухъ не токмо готовый, но даже недонеченный хлѣбъ... Гдѣ это видано? А какой-то ихъ офицеръ, фертикъ такой, чумазенькій, — о, я его узнаю! — пришелъ это, съ ихъ конюхами, прямо отбить замокъ у каретника, запрягъ въ господскую вѣнскую коляску нашихъ же сѣрыхъ рысаковъ и поѣхалъ въ ней, не спросясь... Еще и вовсе, пожалуй, стянетъ... Имъ, озорникамъ, чтѣ?... У иного всего добра — штопаный мундирчикъ, да рванья панталонки, а съ меня баринъ спросить... скажетъ: такъ-то ты, Сѣковъ, глядѣлъ?..

Перовскій перевелъ и эти жалобы.

XIX.

Слушатели хохотали, но вдругъ засуетились и стихли. Всѣ бросились къ верхнимъ ступенямъ. На площадкѣ крыльца показался стройный, высокаго роста, съ римскимъ носомъ, привѣтливимъ лицомъ и веселыми, оживленными глазами, еще моложавый генералъ. Темнорусые волосы его на лбу были коротко острижены, а съ боковъ, изъ-подъ распитой золотомъ треуголки, падали на его плечи длинными, волнистыми локонами. Онъ былъ въ зеленой, шелковой, короткой туникѣ, коричневаго цвѣта рейтузахъ, синихъ чулкахъ и въ желтыхъ польскихъ полусапожкахъ со шпорами. На его груди была толстая цѣпь изъ золотыхъ одноглавыхъ орловъ, изъ-подъ которой видѣлась красная орденская лента; въ ухахъ — дамскія сережки, у пояса — кривая турецкая сабля, на шляпѣ — алый, съ зеленымъ, плюмажъ; сквозь разстегнутый воротникъ небрежно свѣшивались концы шейнаго кружевного платка.

То былъ неаполитанскій король Мюратъ. Дежурный генералъ доложилъ ему о прибывшемъ русскомъ офицерѣ. Привѣтливые, добрые глаза устремились на Перовскаго.

— Чтѣ скажете, капитанъ? — спросилъ король, съ вѣжливо приподнятою шляпою, молодцовато проходя къ подведенному вороному коню, подъ вышитымъ чепракомъ.

— Меня прислалъ генералъ Себастьяни. Вашему величеству было угодно видѣть меня.

— А, да!.. Но простите, мой милый, — произнесъ Мюратъ, натянувъ перчатки и ловко занося въ стремя ногу: — видите,

какая пора. Ёду на смотръ: возвращусь, тогда выслушаю васъ съ охотой... Позаботьтесь о немъ и о конѣ,—милостиво кивнувъ Базилю, обратился король къ дежурному генералу.

Сопровождаемый нарядною толпой конной свиты, Мюратъ съ театральною щеголеватостью, короткимъ галопомъ выѣхалъ за ворота. Дежурный генераль передалъ Перовскаго и его лошадь ординарцамъ. Тѣ провели Базиля въ угловатую комнату музыкантскаго флигеля, огнями въ садъ. Долго сюда никто не являлся.

Пройдя по комнатѣ, Базиль отворилъ дверь въ коридоръ,— у выхода въ сѣни виднѣлся часовой; онъ раскрылъ окно и выглянулъ въ садъ, — невидаль, подъ липами, у полковой фуры, прохаживался, въ киверѣ и съ ружьемъ, другой часовой. Въ коридорѣ послышались, наконецъ, шаги. Торопливо вошелъ тотъ же дворецкій Максимъ. Слуга внесъ за нимъ на подносѣ закуску.

— Ахъ, дьяволы, прожоры!—сказалъ дворецкій, оглядываясь и бережно вынимая изъ фрачнаго кармана плетеную кубышку:—я, одначе, кое-что припряталъ... Откушайте, сударь, во здравіе... настоящий ямайскій ромъ.

Перовскій выпилъ и плотно закусиль.

— Петя,—обратился дворецкій къ слугѣ:—тамъ, въ подвалѣ, ветчина и гусиные полотки; вотъ ключъ, не добрались еще, объѣдали, будь имъ пусто... да свѣжее масло тоже тамъ, въ крыночкѣ, у двери... тащи тихонько сюда...

Слуга вышелъ. Максимъ, утираясь, сѣлъ бочкомъ на стулъ.

— Будетъ имъ, извергамъ, свѣтло жить и еще свѣтлѣе уходить!—сказалъ онъ, помолчавъ.

— Какъ такъ?—спросилъ Базиль.

— Не знаете, сударь? Гляньте въ окно... Москва горить...

— Гдѣ, гдѣ?

— Полохнуло сперва, должно, на Покровкѣ; а когда я шелъ къ вамъ, занялось и въ Замоскворѣчѣ. Всѣ они высыпали изъ дома за ворота; смотрятъ, по ихнему галдятъ.

Базиль подошелъ къ окну. Деревья заслоняли видъ на берегъ рѣки; но надъ ихъ вершинами, къ сторонѣ Донскаго монастыря, поднимался зловѣщій столбъ густого, чернаго дыма.

— Много навредили изверги, много, слышно, загубили неповинныхъ душъ,—сказалъ дворецкій:—будетъ имъ за то злѣсь послѣдній, страшный судъ.

— Что же, полагаешь, жгутъ наши?

— А то, батюшка, какъ же? — удивленно взглянулъ на него Максимъ: — не спасли своего добра, лучше пропадай все! Вотъ хоть бы и я: вѣкъ хранилъ господское добро, а за ихъ грабительство, кажись вотъ такъ взять бы пукъ соломы, да и спалилъ ихъ тутъ, сонныхъ, со всѣми ихъ потрохами и съ ихъ злодѣемъ Бонапартомъ!

«Вотъ онъ, русскій-то народъ! — подумалъ Базиль, — они вѣрнѣе и проще насъ поняли просвѣщенныхъ нашихъ завователей».

Вбѣжалъ слуга.

— Дяденька, сундуки отбиваютъ! — сказалъ онъ: — я ужъ и не осмѣлился въ подвалъ.

— Кто отбиваетъ, гдѣ? — вскрикнулъ, вскакивая, Максимъ.

— Въ вашу опочивальню вошли солдаты. Забираютъ платье, посуду, образа... Вашу лисью шубу вынули, тетенькинъ новый шерстяной капоть...

— Ну, будутъ же насъ помнить! — проговорилъ дворецкій.

Онъ, переваливаясь, безъ памяти бросился въ коридоръ и болѣе не возвращался. Изъ подвального яруса дома слышались неистовые крики. Во дворъ изъ воротъ сада, съ фельдфебелемъ, быстро прошла кучка солдатъ. Грабежъ, очевидно, на время прекратили. Настала тишина. Прошло еще болѣе часа. Мучимый сомнѣніями и тревогой за свою участь, Базиль то лежалъ на кушеткѣ, то ходилъ, стараясь угадать, почему именно его задержали? Ему въ голову опять пришла мысль о побѣгѣ. Но какъ и куда бѣжать? Загремѣли шпоры. Послышались шаги.

Явился штабный чиновникъ. Онъ объявилъ, что неаполитанскій король, задержанный въ Кремлѣ императоромъ Наполеономъ, возвратился и теперь обѣдаетъ, а послѣ стола просить его къ себѣ. Перовскаго ввели въ пріемную верхней половины дома. Здѣсь онъ опять долго дождался, слыша звонъ посуды въ столовой, хлопанье пробокъ шампанскаго и смѣшанные шумные голоса обѣдающихъ. Въ кабинетъ короля онъ попалъ уже при свѣчахъ. Мюрать, съ пасмурнымъ лицомъ, сидѣлъ у стола, дописывая какую-то бумагу.

— Какой день, капитанъ! — произнесъ онъ: — я васъ долго оставлялъ безъ обѣшанной аудіенціи. Столько неожиданныхъ, непріятныхъ хлопотъ... Садись... Вы — русскій образованный человѣкъ... Намъ непонятно, изъ-за чего насъ такъ испугался здѣшній народъ. Объясните, почему про-

изошло это невѣроятное, поголовное бѣгство мирныхъ жителей изъ Москвы?

— Я затрудняюсь отвѣтить, — сказалъ Базиль: — мое положеніе... я въ непріятельскомъ станѣ...

— Говорите безъ стѣсненій, я слушаю васъ, — покровительно-ласково продолжалъ Мюратъ, глядя въ лицо плѣннику усталыми, внимательными глазами: — намъ, признаюсь, это совершенно непонятно!

Перовскій вспомнилъ угрозы дворецкаго и пучокъ соломы.

— Москва болѣе двухсотъ лѣтъ не видѣла вторженія иноземцевъ, — отвѣтилъ онъ: — не знаю, какъ еще Россія встрѣтитъ вѣсть, что Москва сдана безъ сопротивленія и что непріатели въ Кремль...

— Но развѣ мы — варвары, скибы? — снисходительно улыбаясь, произнесъ Мюратъ: — чѣмъ мы, скажите, грозили имуществу, жизни здѣшнихъ гражданъ? Намъ отдали Москву безъ боя. Подобно морякамъ, завидѣвшимъ землю, наши войска, при видѣ этого величественнаго, древняго города, восклицали: Москва — это миръ, конецъ долгаго, честнаго боя!.. Мы вчера согласились на предложенное перемиріе, дали спокойно пройти вашимъ отрядамъ и ихъ обозамъ черезъ городъ и... вдругъ...

— Наша армія, иначе, была готова драться въ каждомъ переулкѣ, въ каждомъ домѣ, — возразилъ Перовскій: — вы встрѣтили бы не сабли, а ножи.

— Такъ почему же за перемиріе такой приѣмъ? Что это, скажите, наконецъ, за пожаръ? Вѣдь это — ловушка, поджогъ! — гнѣвно поднимаясь, произнесъ Мюратъ.

— Я задержанъ со вчерашняго вечера, — отвѣтилъ, опускающая глаза, Перовскій: — пожары начались сегодня, безъ меня.

— Это — предательство! — продолжалъ, ходя по комнатѣ, Мюратъ: — удалена полиція, вывезены всѣ пожарныя трубы; очевидно, Растопчинъ далъ сигналъ оставленнымъ сообщникамъ къ общему сожженію Москвы. Но мы ему оплатимъ! Уже опубликованы его примѣты, назначенъ выкупъ за его голову. Живой или мертвый, онъ будетъ въ нашихъ рукахъ. Такъ нельзя относиться къ тѣмъ, кто съ вами былъ заодно въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ.

— Ваше величество, — сказалъ Перовскій: — я — простой офицеръ; вопросы высшей политики мнѣ чужды. Меня зовутъ служебный долгъ... Если все, что вамъ было угодно

узнать, вы слышали, прошу васъ—прикажите скорѣе отпустить меня въ нашу армію. Я—офицеръ генерала Милорадовича, былъ имъ посланъ въ вашъ отрядъ.

— Какъ, но развѣ вы—не плѣнный?—удивился Мюратъ.

— Не плѣнный, — отвѣтилъ Перовскій: — генераль Себастьяни задержалъ меня во время вчерашняго перемирія, говоря, чтобы я переночевалъ у него, что вашему величеству желательно видѣть меня. Его адъютантъ, проводившій меня сюда, вамъ это въ точности подтвердить.

Мюратъ задумался и позвонилъ. Послали за адъютантомъ. Оказалось, что онъ уже давно уѣхалъ къ своему отряду, въ Соколынки.

— Охотно вамъ ибрю, — сказалъ, глядя на Перовскаго, Мюратъ: — даже припоминаю, что Себастьяни вчера вечеромъ, дѣйствительно, предлагалъ мнѣ, на походъ сюда, выслушать русскаго офицера, то-есть, очевидно, васъ. И я, не задумываясь, отправилъ бы васъ обратно къ генералу Милорадовичу, но, въ настоящее время, это уже зависитъ не отъ меня, а отъ начальника главнаго штаба, генерала Бертье. Теперь поздно, — кончилъ, сухо кланяясь, Мюратъ: — въ Кремль, резиденцію императора, пожалуй, уже не пустятъ. Завтра утромъ я васъ охотно отправлю туда.

Перовскаго опять помѣстили въ музыкантскомъ флигелѣ. Проходя туда черезъ дворъ, онъ услышалъ впотьмахъ чей-то возгласъ:

— Но, моя красавица, ручаюсь, что синьора Прасковья будетъ уважаема вездѣ! (*Mais, ma belle, je vous garantie, que signora Praskovia sera respectée partout!*).

— Отстань, пучеглазый! — отвѣтилъ на это женскій голосъ: — не уймешься, долбону полѣномъ, либо крикну карауль.

XX.

Базиль, не раздѣваясь, улегся на кушеткѣ. Ни дворецкій, ни кто изъ слугъ, за толкотней и шумомъ, еще длившимися въ большомъ домѣ, не навѣщали его. Онъ всю ночь не спалъ. Утромъ къ нему явился тотъ же штабный чиновникъ, съ объявленіемъ, что ему велѣно отправить его, съ дежурнымъ офицеромъ, къ Бертье.

Выйдя во дворъ и видя, что назначенный ему въ провожатые офицеръ сидитъ верхомъ на конѣ, Перовскій освѣдомился о своей лошади. Пошли ее искать въ садъ, потомъ въ штабную и королевскую конюшни. Лошадь исчезла; въ

общей суетѣ кто-то ею завладѣлъ и на ней уѣхалъ. Базиль за своимъ провожатымъ долженъ былъ идти въ Кремль пѣшкомъ.

Улицами Солянкою и Варваркою, мимо Воспитательнаго дома и Зарядья, они приблизились къ Гостиному двору. То, что на пути увидѣлъ Базиль, поразило его и взволновало до глубины души.

Несмотря на близость къ главной квартирѣ неаполитанскаго короля, путники уже на Солянкѣ встрѣтили нѣсколько кучекъ беспорядочно шлепавшихся, разстегнутыхъ и, повидимому, хмельныхъ солдатъ. Нѣкоторые изъ нихъ несли подъ мышками и на плечахъ узлы и ящики съ награбленными въ домахъ и въ лавкахъ вещами и товарами. Въ раскрытую дверь церкви Варвары Великомученицы Базиль увидѣлъ нѣсколько лошадей, стоявшихъ, подъ попонами, среди храма и въ алтарѣ. На церковныхъ дверяхъ углемъ, большими буквами, было написано: «Ecurie du général Guilleminot» («Конюшня генерала Гильемино»).

Погода измѣнилась. Небо покрылось мрачными облаками. Дулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ. На площади Варварскихъ воротъ горѣлъ костеръ изъ мебели, выброшенной изъ софѣднихъ домовъ; пылали стулья, ободранные мягкіе диваны, позолоченныя рамы и лаковые столы. Искры отъ костра несли на ветхія кровли близъ - стоявшихъ домовъ. На это никто не обращалъ вниманія. Перовскій оглянулся къ Новымъ рядамъ. Тамъ поднимался густой столбъ дыма. Горѣла Вишвая горка, гдѣ находился только-что имъ оставленный Баталовскій домъ. — «Неужели дворецкій поджоги? — подумалъ Базиль, приближаясь къ Гостиному двору: — чего добраго, старикъ рѣшительный!.. Вѣрю, жгутъ русскіе!»

Лавки Гостиного двора были покрыты густыми клубами дыма. Изъ догоравшихъ рядовъ французскіе солдаты разнаго оружія, оборванные и грязные, таскали, роняя по дорогѣ и отнимая другъ у друга, ящики съ чаемъ, изюмомъ и орѣхами, кули съ яблоками, боченки съ сахаромъ, медомъ и виномъ и связки ситцевъ, суконъ и холстовъ.

У Зарядья толпа пьяныхъ мародеровъ окружила двухъ русскихъ плѣнныхъ. Одинъ изъ нихъ, молодой, былъ въ модномъ штатскомъ голубомъ рединготѣ и въ сѣрой шляпѣ; другой, пожилой, худой и высокій, — въ чужомъ, очевидно, кафтанѣ и высокихъ сапогахъ. Грабители сняли уже съ мо-

лодого сапоги, носки, рединготъ и шляпу, и тотъ въ испугѣ, блѣдный, какъ мѣль, растерянно оглядываясь, стоялъ босикомъ на мостовой. Солдаты держали за руки второго, пожилого, и, со смѣхомъ, усаживали его на какой-то ящикъ, съ цѣлью снять сапоги и съ него. — «Боже мой! Жерамбъ и его тогдашній компаньонъ! — съ удивленіемъ подумалъ, узнавая ихъ, Базиль:—какой пріемъ, и отъ кого же?—отъ побѣдителей-земляковъ!» — Жерамбъ также узналъ Перовскаго и жалобно смотрѣлъ на него, полагая, что Базиль присланъ въ Москву парламентаромъ, и не рѣшаясь просить его о защитѣ.

— Какое безобразіе! — громко сказалъ Базиль, съ негодованіемъ указывая проводнику на эту сцену:—неужели вы ихъ не остановите? Вѣдь это—насиліе надъ мирными гражданами, дневной грабежь... Притомъ, этотъ въ кафтанѣ,—я его знаю, — вашъ соотечественникъ, французъ.

— А... ба, французъ! Но онъ — здѣшній житель, не все ли равно?—отвѣтилъ, покачиваясь и отъѣзжая отъ солдатъ, проводникъ:—чего же вы хотите? Ну, ихъ допросятъ, — не виноваты, освободятъ; маленькія неприятности каждой войны, вотъ и все... Вы насъ, гостей, безжалостно обрекли на одиночество и скуку; не только ушли ваши граждане, но и гражданки... Это безчеловѣчно! *Où sont vos charmantes barrières et vos demoiselles?* (Гдѣ ваши очаровательныя барьеры и дѣвицы?)

Базиль пристальнѣе взглянулъ на своего проводника: тотъ былъ пьянъ. Раздался грохотъ барабановъ. Вѣтеръ навстрѣчу путниковъ понесъ тучи пыли, изъ которой слышался топотъ и скрипъ большого обоза. Мимо церкви Василия Блаженнаго, черезъ Спасскія ворота, на подкрѣпленіе караула, въ Кремль входилъ, съ артиллеріей, полкъ конной гвардіи. Въ тылу полкового обоза, съ вещами начальства, везли нѣсколько новенькихъ, еще съ свѣжимъ, не потертымъ лакомъ, колясокъ, каретъ и бричекъ, очевидно, только-что взятыхъ изъ лавокъ расхищеннаго Каретнаго ряда. На ихъ козлахъ, въ ботфортахъ и мѣдныхъ каскахъ, сидѣли, правя лошадьми, загорѣлые и запыленные кавалерійскіе солдаты. Изъ небольшой крытой коляски, посмѣиваясь и грызя орѣхи, выглядывали веселыя, разряженные плѣнницы изъ подмосковнаго захолустья.

— Что же вы жалуетесь?—сказалъ Базиль проводнику:—вотъ вамъ, новымъ римлянамъ, и итальянскимъ сабинянкамъ.

— Не намъ, другимъ!—съ жалобнымъ вздохомъ отвѣтилъ проводникъ, указывая на Кремль: — нашъ императоръ провель ночь во дворцѣ царей. Ахъ, какое величіе! Онъ ночью вышелъ на балконъ, любуясь, при лунѣ, этимъ сказочнымъ царствомъ изъ тысячи одной ночи. Утромъ онъ сообщилъ королю, что хочетъ заказать трагедію—«Петръ Великій». Не правда ли, какое совпаденіе? Тотъ шелъ учиться за васъ на Западъ, этотъ самъ идетъ съ Запада васъ учить и обновлять.

Задержанные обозомъ, Перовскій и его провожатый спустились, мимо церкви Василя Блаженнаго, къ покрытой дымомъ рѣкѣ и проникли въ Кремль черезъ открытыя Тайницкія ворота. Здѣсь, подъ горой, Базиль увидѣлъ рядъ наскоро устроенныхъ, пылавшихъ горновъ и печей. Особые пристава бросали въ печные котлы взятые изъ кремлевскихъ соборовъ и окрестныхъ церквей золотые и серебряные сосуды, оклады съ образовъ, кресты и другія вещи, переталивая ихъ въ слитки.

— Насъ зовутъ варварами,—сказалъ Перовскій, указавъ проводнику на это святотатство: — неужели васъ не возмущаетъ и это?

— Послушайте, — отвѣтилъ проводникъ: — совѣтую вамъ воздерживаться отъ критики... она здѣсь неумѣстна! Мы думаемъ о войнѣ, а не о церковныхъ дѣлахъ. У насъ, — усмѣхнулся онъ: — знаете ли вы это, на полмилліона войска, которое сюда пришло и теперь господствуетъ здѣсь, нѣтъ ни одного духовника... Лучше вы мнѣ, мой милый, — прибавилъ проводникъ: — отвѣтите, наконецъ: *où sont vos barginnes et vos demoiselles?*.. Да, вотъ, мы и у дворца; пожалуйста къ лѣстницѣ.

При входѣ во дворецъ, у Краснаго крыльца, стояли, въ бѣлыхъ шинеляхъ, два конныхъ часовыхъ. Почетный караулъ изъ гренадеровъ старой гвардіи располагался на паперти и внутри Архангельскаго собора, за угломъ котораго, на кострѣ, кипѣлъ котель, очевидно, съ солдатскою пищею. Проводникъ, узнавъ въ начальникъ караула своего знакомаго, сдаль ему на время Перовскаго, а самъ поднялся во дворецъ. Караульный офицеръ приказалъ плѣнному войти въ соборъ. Здѣсь товарищи офицера осыпали его вопросами, посмѣиваясь на его увѣреніе, будто онъ—не плѣнный.

Въ Архангельскомъ соборѣ Базиль увидѣлъ полное рас-

хищеніе церковнаго имущества. Кромѣ кордегардіи, здѣсь, повидимому, былъ также устроенъ складъ для караульной провизіи, мясная лавка и даже кухня. Снятыя со стѣпъ и положенныя на ящики съ мукой и крупой, иконы служили стульями и скамьями для солдатъ. Въ алтарѣ, у горняго мѣста, виднѣлась койка, прилаженная на снятыхъ боковыхъ дверяхъ; на ея постели, прикрытой лиловою шелковою ризой, сидѣла, чистая морковь, краснощекая и нарядная полковая стрицуха. Престоль и жертвенникъ были уставлены кухонною посудой. На паникадилѣ висѣли битые гуси и дичина. На гвоздяхъ, вколоченныхъ въ опустошенный иконостасъ, были развѣшаны и прикрыты пеленой съ престола куски свѣжей говядины.

Солдаты, у перевернутыхъ ведеръ и кадокъ, кура трубки, играли въ карты. Воздухъ отъ табачнаго дыма и отъ испареній мяса и овощей былъ удущивый. Офицеры, окруживъ Перовскаго, спрашивали: «Гдѣ теперь русская армія? Гдѣ Кутузовъ, Растопчинъ?» — Жаловались, что ушли всѣ русскіе мастеровые, что нѣтъ ни портного, ни сапожника — починить оборванное платье и обувь; что и за деньги, пожалуй, вскорѣ ничего не достанешь, а тутъ и самый городъ съ утра загорѣлся со всѣхъ сторонъ. Базиль отвѣчалъ, что болѣе, чѣмъ они, терпятъ, по ихъ винѣ, и русскіе. Проводникъ возвратился. Базиль пошелъ за нимъ во дворецъ къ Бертье.

XXI.

Пройдя нѣсколько приѣмныхъ, наполненныхъ императорскою свитою и пажами, въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ и напудренныхъ парикахъ, Перовскій очутился въ какой-то проходной комнатѣ, окнами на Москву-рѣку. Изъ маленькой, полуотворенной двери направо слышались голоса. Большая, раззолоченная дверь налѣво была затворена. Близъ нея стояли два рослые мамелюка, въ бѣлыхъ тюбанахъ съ перьями и въ красныхъ курткахъ, и маленькій, напудренный, въ мундирномъ фракѣ и чулкахъ, дежурный пажъ съ записною книгою подъ мышкой. Мамелюки и пажъ не спускали глазъ съ запертой двери. Базиль сталъ поодаль. Онъ взглянулъ въ окно. Его сердце замерло. Картина пылающаго Замоскворѣчья развернулася теперь передъ нимъ во всемъ ужасѣ. То было море сплошнаго огня и дыма, надъ которымъ лишь кое-гдѣ виднѣлись нетронутыя пожаромъ

кровли домовъ и церквей. Недалекій пожаръ освѣщаль краснымъ блѣскомъ комнату и всѣхъ стоявшихъ въ ней. Базиль, глядя за рѣку, вспомнилъ вечернее зарево надъ Москвой, во время его прогулки съ Авророй на Поклонную гору.

«Точно напророчилось тогда!»—подумаль онъ со вздохомъ.

— Что, любуетесь плодами вашихъ рукъ? — раздался за спиной Базилья рѣзкій голосъ.

Онъ оглянулся. Передъ нимъ, какъ онъ понялъ, въ красноватомъ отблескѣ стоялъ, окруженный адъютантами, начальникъ главнаго штаба французской арміи, Бертъе. Это былъ худощавый, узкогрудый, съ острымъ носомъ и, очевидно, больной простудю, старикъ. Его горло было обмотано шарфомъ, щеки покрывалъ лихорадочный румянецъ, глаза сердито сверкали.

— Дѣло возмутительное, во всѣхъ отношеніяхъ преступное, — сказалъ Бертъе: — вы... ваши за это поплатятся.

— Не понимаю, генераль, вашихъ словъ, — вѣжливо отвѣчалъ Базиль: — почему вы укоряете русскихъ?

— О, слышите ли, еще оправданія?!.. Ваши соотечественники, какъ разбойники, жгутъ оставленный прекрасный городъ, жгутъ насъ, — раздражительно кашляя, продолжалъ Бертъе: — и васъ не обвинять? Мы узнаемъ; назначена коммиссія о поджигательствѣ; откроется все...

— Извините, генераль, — произнесъ Базиль: — я задержанъ во время перемирія. Пожары начались послѣ того, и я не могу объяснить ихъ причины. Настоятельно прошу васъ дать приказъ объ отпускѣ меня къ нашей арміи. Въ этомъ мнѣ поручился словомъ, честнымъ словомъ французскаго офицера, генераль Себастьяни.

— Не могу, не въ моей волѣ, — кашляя и сердясь на свой кашель, отвѣтилъ Бертъе: — мнѣ доложено, вы провели двое сутокъ среди французскихъ войскъ; васъ содержали не съ достаточною осторожностью, и вы могли видѣть и узнать то, чего вамъ не слѣдовало видѣть и узнать.

— Меня во время перемирія задержали французскіе аванпосты не по моей винѣ. Спросите тѣхъ, кто это сдѣлалъ. Повторяю вамъ, генераль, и позволяю себѣ протестовать: это — насиліе, я — не илѣнный... Неужели чувство справедливости и чести, слово генерала вашей арміи?..

— Честь, справедливость! — съ презрительной злобой вскрикнулъ Бертъе, указывая въ окно: — чѣмъ русскіе иску-

пять этотъ вандализмъ? Все, что могу для васъ сдѣлать— это передать вашу просьбу императору. Подождите... Онъ занятъ,—можетъ-быть, лично выслушаетъ васъ, хотя теперь трудно поручиться...

Въ это мгновеніе внизу у дворца слышался шумъ. Раздались крики: «Огонь, горимъ!» Всѣ торопливо бросились къ окнамъ, но отсюда не было видно, гдѣ загорѣлось. Поднялась суета. Бертье разослалъ ординарцевъ узнать причину тревоги, а самъ, отдавая приказанія, направился къ двери, охраняемой мамелюками.

Дверь неожиданно отворилась. На ея порогѣ показался невысокій, плотный человѣкъ, лѣтъ сорока двухъ - трехъ. Онъ, какъ и прочіе, также освѣтился отблескомъ пожара. Всѣ, кто былъ въ пріемной, передъ нимъ съ поклономъ разступились и замерли, какъ истуканы. Онъ никому не поклонился и ни на кого не смотрѣлъ.

Верхняя часть туловища этого человѣка, какъ показалось Перовскому, была длиннѣе его ногъ, затянутыхъ въ бѣлую лосину и обутыхъ въ высокіе, съ кисточками, сапоги. Рѣдкіе, каштановые, припомаженные и тщательно причесанные волосы короткими космами спускались на его сѣро-голубые глаза и недовольное, блѣдное, съ желтымъ оттѣнкомъ, полное лицо. Короткій подбородокъ этого толстяка переходилъ въ круглый кадыкъ, плотно охваченный бѣлымъ шейнымъ платкомъ. Ни на камзолѣ, ни на сѣро-песочномъ длинномъ сюртукѣ, распахнутомъ на груди, не было никакихъ отличій. Въ одной его рукѣ была бумага, въ другой—золотая табакерка. Страдая около недѣли, какъ и Бертье, простудой, онъ, въ облегченіе неприятнаго насморка, изрѣдка окуналъ въ табакерку покраснѣвшій носъ и чихалъ.

Перовскій сразу узналъ Наполеона. Кровь бросилась ему въ голову. Въ его глазахъ потемнѣло.

«Такъ вотъ онъ, герой Маренго и пирамидъ! — думалъ онъ, подъ наитіемъ далекихъ, опять всплывшихъ впечатлѣній, разглядывая Наполеона:—и дѣйствительно ли это онъ, мой былой, всеильный кумиръ, мое божество? Онъ тогда скакалъ къ редуту Раевского. Боже мой, теперь я въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него... И неужели же есть что-либо общее въ этомъ геніѣ со всѣми тѣми, кто его окружаетъ и кто его именемъ дѣлаетъ здѣсь и вездѣ столько злого и дур-

ного? Нѣтъ, его ниспослало Провидѣніе, онъ выслушаетъ меня, въ мигъ пойметъ и освободитъ»...

Перовскій сдѣлалъ шагъ въ направленіи къ Наполеону. Двѣ сильныя, костлявыя руки схватили его за локти.

— Коснитесь только его, я васъ убью! (Si vous osez у toucher, je vous tue!)—злбно прошепталъ сзади его голосъ мамелюка, сильно ухватившаго его за руки, за спиной прочей свиты.

Раздались рѣзкія, громкія слова.

«То говоритъ онъ!—съ восторженнымъ трепетомъ помыслилъ Базиль:—я, наконецъ, слышу рѣчь великаго человѣка»...

— Русскіе насъ жгутъ, это доказано! Вы это передадите герцогу Экмюльскому!—произнесъ скороговоркою Наполеонъ, небрежно подавая пакетъ Бертье:—утверждаю! Разстрѣливать десятками, сотнями!.. Но что здѣсь опять за тревога?—спросилъ онъ, осматриваясь, и при этомъ, какъ показалось Перовскому, взглянуть и на него.

Базиль восторженно замеръ.

— Я послалъ узнать, — склонившись, говорилъ въ это время Бертье:—сегодня поймали и привели новыхъ поджигателей, они, какъ и прочіе, арестованы. Предсѣдатель коммисіи, генераль Лоэръ, надо надѣяться, раскроетъ все... Да вотъ и посланный...

Наполеонъ, потянувъ носомъ изъ табакерки, устремилъ недовольный, слезящійся взглядъ на вошедшаго ординарца.

— Никакой, ваше величество, опасности! — согнувшись передъ императоромъ, произнесъ посланный:—загорѣлись отъ налетѣвшей искры дрова; но ихъ разбросали и погасили. Все вокругъ, попрежнему, благополучно.

— Смотрителю дворца сказать, что онъ... дуракъ!—произнесъ Наполеонъ:—все благополучно... какое счастье! (quelle chance!..) Скоро, благодаря этимъ ротозѣямъ, насъ подожгутъ и здѣсь. Удвоить, утроить премію за голову Растопчина, а поджигателей—разстрѣливать безъ жалости, безъ суда!..

Сказавъ это, Наполеонъ грубо обернулъ спину къ Бертье и ушелъ, хлопнувъ дверью. Базиль при этомъ еще болѣе замѣтилъ некрасивую несоразмѣрность его длинной талии и короткихъ ногъ и крайне былъ изумленъ холоднымъ и злымъ выраженіемъ его глазъ и насупленнаго, желтаго лица. Особенно же Базилия поразило то, что, сердясь и выругавъ дворцоваго смотрителя, Наполеонъ вдругъ, какъ бы противъ воли,

затороаясь, началъ выговаривать слова съ итальянскимъ акцентомъ и явственно, вмѣсто слова «chance», произнесъ «sance».

Плотная спина Наполеона, въ мѣшковатомъ сюртукѣ сѣропесочнаго цвѣта, давно исчезла за дверью, передъ которою безмолвными истуканами продолжали стоять мамелюки и остальная свита, а Перовскій все еще не могъ придти въ себя отъ того, что видѣлъ и слышалъ; онъ неожиданно какъ бы упалъ съ какой-то недосягаемой высоты.

«Выкупъ за голову Растопчина! Разстрѣливать сотнями!—мыслилъ Базиль:—но чѣмъ же здѣсь виновать вѣрный слуга своего государя? Такъ вотъ онъ каковъ, этотъ коронованный корсиканскій солдатъ, прошедшій сюда, черезъ полсвѣта, съ огнемъ и мечомъ! И онъ былъ моимъ идеаломъ, кумиромъ? О, какъ была права Аврора!.. Скорѣе къ родному отряду... Боже, если бѣ вырваться! Мы найдемъ средства съ нимъ разсчитаться и ему отплатить».

— Слѣдуйте за мною!—раздался голосъ ординарца Бертье.

Приемная на половину опустѣла. Оставшіеся изъ свиты сурово и враждебно смотрѣли на русскаго плѣннаго.

— Куда?—спросилъ Перовскій.

— Вамъ вѣрно дождатъ внѣ дворца, пока о васъ доложатъ императору,—отвѣтилъ ординарецъ.

Базиль вышелъ на площадку параднаго дворцоваго крыльца. Внизу, у ступеней, стоялъ подъ стражей приведенный полицейскій приставъ. Караульный офицеръ дѣлалъ ему допросъ.

— Зачѣмъ вы остались въ Москвѣ?—спросилъ онъ арестанта:—почему не ушли съ прочими полицейскими чинами? Кто и по чьему приказанію поджигаетъ Москву?

Блѣдный, дрожавшій отъ страха, приставъ, не понимая ни слова по-французски, растерянно глядѣлъ на допросчика, молча переступая съ ноги на ногу.

— Наконецъ-то мы, кажется, поймали главу поджигателей! — радостно обратился офицеръ къ ординарцу маршала: — онъ, очевидно, знаетъ все и здѣсь остался, чтобы руководить другими.

Перовскій не стерпѣлъ и вмѣшался въ этотъ разговоръ. Спросивъ арестанта, онъ передалъ офицеру, что приставъ неповиненъ въ томъ, въ чемъ его винятъ, что онъ не выѣхалъ изъ Москвы лишь потому, что, отправляя казенныя тяжести, самъ долго не могъ достать подводы для себя и

для своей больной жены, и былъ застигнутъ ночнымъ дозоромъ у заставы.

— Посмотримъ. Это разбереть комиссія!—строго сказали офицерь:—запереть его въ подвалъ, гдѣ и прочіе.

XXII.

Солдаты, схвативъ пристава за руки, повели его къ спуску въ подвалъ. Они скрылись подъ площадкой крыльца.

— Могу васъ увѣрить,—произнесъ Перовскій офицеру:—чины полиціи здѣсь ни въ чемъ не виновны; этотъ же, притомъ, семейный человѣкъ...

— Не наше дѣло!—отвѣтилъ офицерь:—мы исполнители велѣній свыше.

— Но что же ожидаетъ заключенныхъ въ этомъ подвалѣ?—спросилъ Базиль.

— Простая исторія,—отвѣтилъ офицерь, собираясь уходить:—ихъ повѣсятъ, а можетъ быть, смилуются и разстрѣляютъ.

Ординарецъ остановилъ офицера и сказалъ ему вполголоса нѣсколько словъ. Тотъ, оглянувшись на Перовскаго, указалъ на ближнюю церковь Спаса на Бору. Ординарецъ предложилъ Базилю слѣдовать за собой. Они, миновавъ дворецъ, подошли къ дверямъ указаннаго храма. Съ церковнаго крыльца опять стали видны зарево и дымъ пылавшаго Замоскворѣчья.

— Зачѣмъ мы сюда пришли?—спросилъ Базиль.

Проводникъ молча отодвинулъ засовъ и отворилъ дверь.

— Васъ не позволено оставлять на свободѣ!—произнесъ онъ, предлагая Перовскому войти въ церковь:—подождите здѣсь; императоръ, вѣроятно, вскорѣ васъ потребуетъ... Онъ теперь завтракаетъ.

— Но зачѣмъ я императору?

— Онъ, можетъ-быть, черезъ васъ найдетъ нужнымъ что-либо сообщить вашему начальству... Мы застали здѣсь тысячи вашихъ раненыхъ... Докторовъ такъ мало, притомъ, эти пожары... Впрочемъ, я излагаю мое личное мнѣніе... До свиданія!

Желѣзная дверь, медленно повернувшись, затворилась. Звякнулъ надвинутый тяжелый засовъ. Перовскій, оставшись одинъ, упалъ въ отчаяніи на полъ. Теперь ему стало ясно: его рѣшили не выпускать. Послѣднія надежды улетѣли. Оставалось утѣшаться хоть тѣмъ, что его не заперли въ подвалъ съ подозрѣваемыми въ поджогѣ. Но что ждало его самого?

Прошелъ часть, другой, къ плѣнному никто не являлся. О немъ, очевидно, забыли. Пережитыя тревоги истомили его невыразимо. Не ѣвъ и не пивъ со вчерашняго утра, онъ почувствовалъ приступы голода и жажды. Но это длилось не долго. Мучительныя опасенія за свободу, за жизнь овладѣли его мыслями.

«Что, если въ этой суетѣ и впрямь обо мнѣ забыли? — думалъ онъ, — пьяный ординарецъ Мюрата, безъ сомнѣнія, уѣхалъ, какъ и адъютантъ Себастьяни, а караульнаго офицера могутъ смѣнить. Кто вспомнить о томъ, что здѣсь, въ этой церкви, запертъ русскій офицеръ? И долго ли мнѣ суждено здѣсь томиться? Могутъ пройти цѣлые дни!» Предположенія, одно мрачнѣе другого, терзали Базиля. Безпомощно приткнувшись головой къ ступенямъ амвона, онъ лежалъ неподвижно. Сильная усталость и нравственные мученія привели его въ безпамятство. Онъ очнулся уже вечеромъ.

Зловѣщее зарево пожара свѣтило въ окна старинной церкви. Лики святыхъ, лишенные окладовъ, казалось, съ безмолвнымъ состраданіемъ смотрѣли на заключеннаго. Церковь была ограблена, остатки утвари въ беспорядкѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. Сквозныя тѣни оконныхъ рѣшетокъ падали на полъ и на освѣщенные отблескомъ пожара стѣны, обращая церковь въ подобіе огромной желѣзной клѣтки, подъ которою какъ бы пылалъ костеръ.

«Боже и за что такая пытка? — думалъ Перовскій, — за что гибнуть мои молодые силы, надежды на счастье?»

Мысли объ иной, недавней жизни пронеслись въ его головѣ. Онъ мучительно вспоминалъ о своемъ сватовствѣ, представлялъ себѣ Аврору, прощаніе съ нею и съ Тропининымъ.

«Живъ ли Митя? — спрашивалъ онъ себя:— и гдѣ, наконецъ, сама Аврора? Успѣла ли она уѣхать съ бабкой? Что, если не успѣла? Можетъ-быть, онѣ и попытались, какъ тотъ несчастный, опоздавшій приставъ, и даже выѣхали, но и ихъ, какъ и его, могли захватить на дорогѣ. Что съ ними теперь?»

Базиль представлялъ себѣ плѣнъ Авроры, ужасъ безпомощной старухи-княгини, издѣвательства солдатъ надъ его невѣстой. Дрожь охватывала его и терзала. Мучимый голодомъ и жаждой, онъ искалъ на жертвенникѣ и на полу остатковъ просвиры, подбиралъ и съ жадностью ѣлъ ихъ крошки.

Наступила новая мучительная, долгая ночь. Перовскій за-

крывалъ глаза, стараясь забыться сномъ, и не могъ заснуть. Усилившійся вѣтеръ и оклики часовыхъ поминутно будили его. Онъ въ бреду поднимался, вскакивалъ, прислушивался и опять падалъ на холодный полъ. Никто не подходилъ къ церковной двери. На зарѣ, едва забѣлало въ окна, Перовскій услышалъ сперва неясный, потомъ явственный шумъ. У церкви бѣгали; опять и еще громче раздавались крики: «на помощь, воды!» Очевидно, опять вблизи гдѣ-либо загорѣлось. Не горитъ ли сама церковь?

Базиль бросился къ оконной рѣшеткѣ. Окно выходило къ дворцовымъ конюшнямъ. Откуда-то клубился дымъ и сыпались искры. Изъ дворцовыхъ воротъ, подъ падавшими искрами, испуганные рейткнехты наскоро выводили лошадей, запрягали нѣсколько выдвинутыхъ экипажей и грузили походныя фуры. Пробѣжалъ, оглядываясь куда-то вверхъ и путаясь въ висѣвшій у пояса палашъ, пѣшій жандармъ. Сновали адъютанты и пажы. Невдали былъ слышенъ барабанъ. Изъ-за угла явился и выстроился передъ церковью отрядъ конной гвардіи. Войско заслонило дворцовую площадь. Сквозь шумъ вѣтра слышался стукъ отъѣзжавшихъ экипажей.

Впослѣдствіи Базиль узналъ, что загорѣлась крыша софдняго арсенала. Пожаръ былъ потушенъ саперами. Разбуженный новою тревогой, Наполеонъ пришелъ въ окончательное бѣшенство. Онъ толкнулъ ногой въ лицо мамелюка, подававшего ему лосиные штиблеты, позвалъ Бертье и съ ругательствами объявилъ ему, что покидаетъ Кремль. Черезъ полчаса онъ переѣхалъ въ подмосковный Петровскій дворецъ.

Отрядъ гвардіи ушелъ вслѣдъ за императоромъ. Площадь опустѣла. Сильный вѣтеръ гудѣлъ на крышахъ, крутя по мостовой столбы пыли и клочки выброшенныхъ изъ сената и дворцовыхъ зданій бумагъ. Изъ нависшей темной тучи изрѣдка прорывались капли дождя. Перовскій глядѣлъ и прислушивался. Никто къ нему не шелъ.

— «Боже, — проговорилъ онъ, въ безсильномъ отчаяніи хватаясь за рѣшетку окна: — хоть бы смерть! Разомъ, скорѣе бы умереть, чѣмъ такъ медленно терзаться!»

За церковью слышались сперва отдаленныя, потомъ близкіе шаги и голоса. Перовскій кинулся къ двери и замеръ въ ожиданіи: къ нему, или идутъ мимо? Шаги явственно раздались у входа въ церковь. Слышался звукъ отодви-

гаемаго засова. Кто-то неумѣлою рукой долго нажималъ скобу замка. Дверь отворилась. На крыльцѣ стояла кучка гренадеровъ, съ рослымъ фельдфебелемъ. Внизу крыльца двое солдатъ держали на палкѣ котелокъ съ дымившеюся похлебкой.

— Ба, да ужъ эта квартира занята! — весело сказалъ фельдфебель, съ изумленіемъ разглядѣвъ въ церкви плѣннаго: — а мы думали здѣсь позавтракать и уснуть... Капитанъ, — обратился онъ къ кому-то, проходившему внизу, за церковью:—здѣсь запертъ русскій, что съ нимъ дѣлать?

Поравнявшійся съ крыльцомъ, высокій и худой, съ свѣтлыми, вьющимися волосами, капитанъ мелькомъ взглянулъ на плѣннаго и отвернулся. Онъ, очевидно, также не спалъ, и ему было не до того. Его глаза были красны и слипались.

— Ему здѣсь съ нами, полагаю, нельзя, — продолжалъ фельдфебель:—куда прикажете?

— Туда же, въ подвалъ, —отходя далѣе, небрежно проговорилъ капитанъ.

Перовскій обмеръ. Онъ опрометью бросился къ двери, силой растолкавъ солдатъ и выбѣжалъ на крыльцо.

— Съ кѣмъ вы приказываете меня запереть, съ кѣмъ?— въ ужасѣ крикнулъ онъ, подступая къ капитану:—это безобразно! Я знаю, въ чемъ обвиняютъ этихъ заключенныхъ и что ихъ ждетъ.

Озадаченный капитанъ остановился.

— Меня задержали подъ городомъ, во время перемирія, — продолжалъ кричать Базиль:—въ суетѣ забыли обо мнѣ. Я не плѣнный; вы видите, мнѣ оставлено оружіе, —прибавилъ онъ, указывая на свою шпагу:—а вы...

— Прѣстите великодушно, —отвѣтилъ капитанъ, какъ бы очнувшись отъ безобразнаго, тяжелаго сна:—я ошибся...

— Но эта ошибка мнѣ стоила бы жизни.

— О, это было бы большимъ несчастіемъ! — произнесъ капитанъ, съ чувствомъ пожимая руку Перовскаго:—я сейчасъ пойду и узнаю, куда велятъ васъ помѣстить.

Черезъ полчаса капитанъ возвратился.

— Васъ велѣно отвести къ герцогу Экмюльскому, — сказалъ онъ: — вы дойдете туда благополучно, и вамъ будетъ оказано всякое вниманіе. Вотъ вашъ охранитель.

Онъ указалъ на приведеннаго имъ коннаго жандарма.

«Этого еще не доставало! —подумалъ Перовскій, —четвертый арестъ—и куда же?—къ свирѣпому маршалу Даву».

XXIII.

Квартира грознаго герцога Экмюльскаго, маршала Даву, была на Дѣвичьемъ полѣ, у монастыря, въ домѣ фабриканта купца Милюкова. Идя за жандармомъ по обгорѣлымъ и во многихъ мѣстахъ еще сильно пылавшимъ улицамъ, Перовскій не узналъ Москвы. Они шли Волхонкой и Пречистенкой.

Грабежъ продолжался въ безобразныхъ размѣрахъ. Солдаты сквозь дымъ и пламя тащили на себѣ ящики съ винами и разною бакалеей, церковную утварь и тюки съ красными товарами. У воротъ и входовъ немногихъ еще не загорѣвшихся домовъ, толпились испачканные пеломъ и сажей, голодные и оборванные, чины разныхъ оружій, вырывая другъ у друга награбленныя вещи. На площадяхъ въ то же время, вслѣдствіе наступившаго сильнаго холода, горѣли костры изъ выломанныхъ оконныхъ рамъ, дверей и разнаго хлама. Здѣсь толпился всякій сбродъ. У церкви Троицы, въ Зубовѣ, жандармъ-проводникъ, встрѣтивъ знакомаго артиллериста-солдата, остановился, спрашивая его о дальнѣйшемъ пути къ квартирѣ Даву.

Внутри церкви, служившей помѣщеніемъ для командира расположенной здѣсь батареи, виднѣлась красивая гнѣдая лошадь, прикрытая священническою ризой. Она ѣла изъ жестяной церковной купели овесъ, умными глазами бодро посматривая на крыльцо. Отвѣтивъ на вопросъ жандарма, солдатъ-артиллеристъ потрепалъ лошадь по спинѣ и, добродушно чмокая губами, сказалъ:

— Каковъ конь! Не правда ли, не животное—человѣкъ? Смѣтливъ, даже хитеръ, все понимаетъ. И хорошо ему тутъ, тепло: овса вдоволь... Онъ взятъ у одного графа. Въ Парижѣ дадутъ за него тысячи.

На Зубовской площади, невдали отъ сгорѣвшаго каменнаго дома, на которомъ еще виднѣлась уцѣлѣвшая отъ огня, давно знакомая Перовскому вывѣска: «Гремиславъ, портной изъ Парижа», — у обугленной каменной колокольни, стояла толпа полковыхъ маркитантовъ и поваровъ. Внутри этой колокольни была устроена бошня скота, и усатый, рослый гренадеръ, въ лиловой камлавкѣ и въ дьяконскомъ стихарѣ, окровавленными руками весело раздавалъ по очереди куски нарубленнаго свѣжаго мяса. Вдругъ толпа бросилась въ сосѣдній переулокъ, откуда выѣжали двѣ захваченныя

подъ городомъ телѣги. На телѣгахъ, подъ конвоемъ солдатъ, сидѣли плачущія молодыя женщины, въ крестьянскихъ одеждахъ, окутанныя платками. Всѣ съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣли на необыкновенную добычу.

— Что это? откуда?—спросилъ, улыбаясь, гренадеръ конвойнаго фельдфебеля.

— Переодѣтыя балетчицы. Ихъ поймали въ лѣсу. Вотъ и готовый театръ.

Распознавая направленіе сплошь выжженныхъ улицъ по торчавшимъ печамъ, трубамъ и церквямъ, плѣнникъ и его проводникъ около полудня дошли, наконецъ, до Дѣвичьяго поля.

Каменный одноярусный домъ фабриканта Милюкова былъ уже нѣсколько дней занятъ подъ штабъ-квартиру маршала Даву. Этотъ домъ стоялъ у берега Москвы-рѣки, вправо отъ Дѣвичьяго монастыря. Ушираясь въ большой, еще покрытый листьями, садъ, онъ занималъ лѣвую сторону обширнаго двора, застроеннаго рабочимъ корпусомъ, жилыми флигелями и сараями Милюковской ситцевой фабрики. Хозяинъ фабрики бѣжалъ, съ рабочими и мастерами, за день до вступленія французовъ въ Москву. У воротъ фабрики стоялъ караулъ. На площади былъ раскинутъ лагерь, помѣщались пороховые ящики, нѣсколько пушекъ и лошадей у коновязей, а среди двора—служившая маршалу въ дорогѣ большая темнозеленая четырехмѣстная карета.

Перовскаго ввели въ пріемную каменнаго дома, гдѣ толпились ординарцы и штабные маршала. Дежурный адъютантъ прошелъ въ кабинетъ Даву. Выйдя оттуда, онъ взялъ у Перовскаго шпагу и предложилъ ему войти къ маршалу.

Кабинетъ Даву былъ окнами на главную аллею сада, въ концѣ которой виднѣлся заливъ Москвы-рѣки. Среднее окно, у котораго стоялъ рабочій столъ маршала, было растворено. Свѣжій воздухъ свободно проникалъ изъ сада въ комнату, осипая бумаги на столѣ листьями, изрѣдка падавшими сюда съ пожелтѣлыхъ липъ и кленовъ, росшихъ у окна.

При входѣ плѣнника, Даву, спиной къ двери, продолжалъ молча писать у окна. Онъ не обернулся и въ то время, когда Базиль, пройдя нѣсколько шаговъ отъ порога, остановился среди комнаты.

«Неужели это именно тотъ грозный и самый жестокій изъ всѣхъ маршаловъ Бонапарта?»—подумалъ Перовскій, разглядывая сторбленную, въ полиняломъ синемъ мундирѣ, спину

и совершенно лысую, глянцевиговую голову сидѣвшаго передъ нимъ, тошаго и на видъ хилаго старика. Перо у окна продолжало скрипеть. Даву молчалъ. Прошло еще нѣсколько мгновений.

— Кто здѣсь? — раздался отъ окна странный, нѣсколько глуховатый голосъ.

Перовскому показалось, будто бы кто-то, совершенно посторонній, заглянулъ въ эту минуту изъ сада въ окно и, подъ шелестъ деревьевъ, сдѣлалъ этотъ вопросъ. Перовскій молчалъ. Раздалось недовольное ворчаніе.

— Кто вы? — повторилъ болѣе грубо тотъ же голосъ: — васъ спрашиваютъ, что же вы, какъ чурбанъ, молчите?

— Русскій офицеръ, — отвѣтилъ Базиль.

— Парламентеръ?

— Нѣтъ.

— Такъ плѣнный?

— Нѣтъ.

Даву обернулся къ вошедшему.

— Кто же вы, наконецъ? — спросилъ онъ, уже совсѣмъ сердито глядя на Перовскаго.

Базиль спокойно и съ достоинствомъ разсказалъ все по порядку, какъ онъ, во время перемирія былъ посланъ генераломъ Милорадовичемъ на аванпосты и какъ и при какихъ обстоятельствахъ его задержали сперва Себастьяни и Мюратъ, потомъ Бертъе и, вопреки данному слову и обычаю войны, донинѣ ему не возвращаютъ свободы.

— Перемиріе; — проворчалъ Даву: — да что вы тутъ толкуете мнѣ? Какое же это перемиріе, если здѣсь, въ уступленной намъ Москвѣ, по насъ предательски стрѣляли? Вы — плѣнникъ, слышите ли, плѣнникъ, и останетесь здѣсь до тѣхъ поръ... ну, пока намъ это будетъ нужно!

— Извините! — произнесъ Перовскій: — я не отвѣтчикъ за другихъ; здѣсь роковая ошибка.

— Пойте это другимъ! (A d'autres, à d'autres!) — перебилъ его Даву: — меня не проведете!

— Свобода мнѣ обѣщана честнымъ словомъ французскаго генерала...

Даву поднялся съ кресель.

— Молчать! — запальчиво крикнулъ онъ, сжимая кулаки: — дни ваши сочтены; да я васъ, наконецъ, знаю, узналъ...

Маршалъ, какъ бы внезапно о чемъ-то вспомнивъ, замол-

чалъ. Перовскій съ мучительнымъ ожиданіемъ вглядывался въ его тонкія, блѣдныя губы, огромный лысый лобъ и подозрительно слѣдившіе за нимъ изъ-подъ насупленныхъ бровей, маленькіе и злые глаза.

— Да, я васъ знаю!—повторилъ Даву, съ усиленіемъ высвобождая морщинистыя щеки изъ высокаго и узкаго воротника и садясь опять къ столу: — теперь не уйдете... Ваше имя?

Перовскій назвалъ себя. Маршалъ нагнулся къ лежащему передъ нимъ списку и внесъ въ него сказанное ему имя.

— Простите, генераль, — сказалъ, стараясь быть покойнымъ, Базиль: — вы совершенно ошибаетесь: я имѣю честь видѣть васъ впервые въ жизни.

Глаза Даву шевельнулись и опять скрылись подъ насупленными бровями.

— Не проведете, не обманете!—объявилъ онъ:—вы были взяты въ плѣнъ подъ Смоленскомъ, освобождены въ этомъ городѣ на честное слово и, все разузнавъ у насъ, бѣжали...

— Клянусь вамъ, — отвѣтилъ Перовскій:—я впервые задержанъ при входѣ вашей арміи въ Москву... Снесите съ генералами Милорадовичемъ и Себастьяни.

Даву вскочилъ. Его лицо было искажено гнѣвомъ.

— Бездѣльникъ, лжець! — бѣшено крикнулъ онъ, тряся кулаками:—такому негодяю, чортъ бы васъ побралъ,—говорю это прямо,—исходъ одинъ—повязка на глаза и полдюжины пуль!

Маршалъ позвонилъ.

— Вы позовите фельдфебеля и солдатъ!—обратился онъ къ вошедшему ординарцу, откладывая на столъ какую-то бумагу.

Ординарецъ не уходилъ.

— Но это будетъ вопіющее къ небу насиліе! — проговорилъ Перовскій, видя съ содроганіемъ, какъ рѣшительно и твердо герцогъ Эмюльскій отдавалъ о немъ роковой и, повидимому, безповоротный приказъ:—вы, простите, оскорбляете безоружнаго плѣннаго и къ этому присоединяете убійство, безъ слѣдствія, безъ суда... Вѣдь это, герцогъ, насиліе...

— А, вамъ желается суда? — произнесъ Даву: — берегитесь, судъ будетъ коротокъ. Васъ отлично помнитъ мой старшій адъютантъ, бравшій васъ въ плѣнъ... О, вы его не собьете!

— Позовите вашего адъютанта. пусть онъ меня ушпитъ! — сказалъ Перовскій, съ ужасомъ думая въ то же время: «А что, если низкій клевететь этого палача все пере-забылъ и спуталъ въ пережитой ими сумятицѣ и вдругъ, признавъ меня за того бѣглеца, скажетъ: да, это онъ! И какъ на него сѣтовать? Ему такъ можетъ показаться»...

Глаза маршала странно улыбнулись, брови разгладились.

— Такъ вы хотите очной ставки? — спросилъ онъ, стараясь говорить ласковѣе: — извольте, я вамъ ее дамъ... Но помните заранѣе, если мои слова подтвердятся, пощады не будетъ... Позвать Оливье! — сказалъ онъ ординарцу.

XXIV.

Ординарецъ вышелъ. Даву сталъ разбирать и перекладывать лежавшія передъ нимъ бумаги. Базиль, замирая отъ волненія, едва стоялъ на ногахъ. — «Броситься на него сзади, удушить тощаго старика и выскочить въ окно... — вдругъ подумалъ онъ, — здѣсь положительно можно... садомъ добѣжать до рѣки, кинуться вплавь и уйти на противоположный берегъ, въ огородъ и пустыри. Пока найдутъ адъютанта, явятся сюда, все увидятъ и начнутъ погоню, — все можно успѣть». — Руки Перовскаго судорожно сжимались; ознобъ охватывалъ его съ головы до пятъ, зубы постукивали отъ нервной дрожи.

— Вамъ сколько лѣтъ? — спросилъ, не оглядываясь, Даву. Перовскій вздрогнулъ.

— Двадцатый годъ, — отвѣчалъ онъ.

— Молоды... Москву знаете?

— Здѣсь учился въ университетѣ.

Даву обернулся и указалъ Перовскому на стѣнѣ, возлѣ стола, карту Москвы и ея окрестностей.

— Вотъ эти мѣста подожжены русскими, — сказалъ онъ, тыкая сухимъ, крючковатымъ пальцемъ по картѣ: — горять сотни, тысячи домовъ... Вы, вѣроятно, также явились сюда поджигать?

Перовскій молчалъ.

— Зачѣмъ вы насъ поджигаете?

— Ваши солдаты, по неосторожности и хмельные, сами жгутъ.

— Вздоръ, клевета! А почему русскіе крестьяне, несмотря на щедрую плату, не подвозятъ припасовъ? — спросилъ Даву: — столько вокругъ селъ — и не явится ни одинъ.

— Боятся насилья.

— Вздоръ. Какія насилья у цивилизованной арміи? Говорятъ вамъ, мы щедро платимъ. Это все выдумки людей, подобныхъ вамъ. Гдѣ Кутузовъ? Почему онъ такъ предательски, безъ полиціи и пожарныхъ инструментовъ, оставилъ такой обширный городъ? Гдѣ онъ?

— Я задержанъ вторыя сутки и дальнѣйшихъ распоряженій нашего главнокомандующаго не знаю.

— Вы отъявленный лжець, — сказалъ, выпрямляясь въ креслѣ, Даву: — вѣроломный партизанъ, дезертиръ!.. О, вы увидите, какъ мы наказываемъ людей, которые къ измѣнѣ присоединяютъ еще наглую, безстыдную ложь.

Даву опять позвонилъ. Вошелъ ординарецъ.

— Что же Оливье?

— За нимъ пошли.

Даву подумалъ: «что съ нимъ возиться! надоѣли!»—и противъ имени Перовскаго, занесеннаго имъ въ списокъ, написалъ резолюцію.

— Вотъ, — сказалъ онъ, подавая ординарцу со стола пачку бумагъ:—это въ главный штабъ, а этого господина, съ этимъ спискомъ, отведите къ Моллинѣ.

«Моллинѣ, Моллинѣ! — повторялъ въ умѣ Перовскій, иди за ординарцемъ и не понимая, въ чемъ дѣло: — вѣроятно, председатель какого-нибудь трибунала». — Его привели на площадь, гдѣ былъ расположенъ лагерь иѣхоты, и сдали у крайней палатки толстому, съ короткою шеей и краснымъ лицомъ, сѣдому офицеру.—«Вотъ онъ, Моллинѣ»,—подумалъ Перовскій, глядя въ подслѣповатые и сердитые глаза Моллинѣ. Офицеръ, выслушавъ то, что ему сказалъ герцогскій ординарецъ, кивкомъ головы отпустилъ послѣдняго и, едва взглянувъ въ поданный ему списокъ, сдалъ арестанта караулу, стоявшему невдали отъ палатки. На караулѣ зашевелились. Отъ него отдѣлилось нѣсколько солдатъ съ унтеръ-офицеромъ.—«Слѣдуйте за мною... Вы понимаете ли меня?»— гнѣвно крикнулъ унтеръ-офицеръ, толкнувъ растерявшагося, едва владѣвшаго собой Перовскаго. Три человѣка спокойно и безучастно пошли впереди его, три—назадъ. Унтеръ-офицеръ шелъ сбоку. Все спокойно поглядывали на Перовскаго, но онъ начиналъ, наконецъ, понимать, въ чемъ дѣло.

Арестанта повели къ огородамъ, бывшимъ у берега Москвы-рѣки, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ лагеря. Здѣсь на

просторной, сыроватой площадкѣ между опустѣлыхъ грядъ капусты и бураковъ, видѣлся столбъ и невдали отъ него нѣсколько свѣже-засыпанныхъ ямъ. — «Могилы разстрѣлянныхъ! — пробѣжало въ умѣ Базиля: — да неужели же эти изверги... неужели конецъ?» — Онъ безсознательно шагалъ за солдатами, увязая въ рыхлой, сырой землѣ. Его мучило безобразіе и безсиліе своего положенія. Онъ видѣлъ надъ собою свѣтлое осеннее небо, кругомъ — пустынные, тихіе огороды, за ними колокольню Дѣвичьяго монастыря, галокъ съ веселымъ карканьемъ перелетавшихъ съ этой колокольни въ монастырскій садъ, и мучительно сознавалъ, что ни онъ, ни окружавшіе его исполнители чужихъ велѣній ничего не могли сдѣлать для его спасенія. Ему вспомнилось Бородино, возгласъ доктора Миртова о свиданіи съ нимъ, черезъ двадцать лѣтъ, въ клубѣ. Голова его кружилась. Тысячи мыслей неслись въ умѣ Перовскаго, съ поражающею, мучительною быстротою.

Назади послышался крикъ. Шедшіе оглянулись. Отъ лагерья кто-то бѣжалъ, маша руками.

— Что еще? — проворчалъ, остановясь, унтеръ-офицеръ.

Прибѣжавшій, въ курткѣ и въ шапочкѣ конскрипта, молодой солдатъ что-то наскоро объяснилъ ему.

— Отсрочка! — сказалъ унтеръ-офицеръ, обращаясь къ Перовскому: — съ нашимъ герцогомъ это бываетъ; видно, завтракомъ забыли предварительно угостить... До свиданія.

Арестанта опять повели къ маршалу.

Даву показался Перовскому еще мрачнѣе и грознѣе.

— Удивляетесь?.. Я пріостановилъ раздѣлку съ вами, — сказалъ Даву, увидѣвъ Перовскаго: — требую отъ васъ окончательно чистосердечнаго и полнаго раскаянія; указаніемъ на своихъ сообщниковъ вы облегчите наши затрудненія и тѣмъ спасете себя.

— Мнѣ каяться не въ чемъ.

— А если васъ уличать?

— Я уже просилъ вашу свѣтлость о слѣдствіи и судѣ, — отвѣтилъ Перовскій.

Даву снова порывисто позвонилъ.

— Гдѣ же, наконецъ, Оливье? — спросилъ онъ вошедшаго ординарца: — дождусь ли я его?

— Онъ здѣсь, только-что возвратился отъ герцога Виенческаго.

— Позвать его!

Дверь сзади Перовскаго затворилась и снова отворилась.

— А, подойдите сюда поближе! — сказалъ кому-то маршалъ: — станьте вотъ здѣсь и уличите этого господина.

Перовскій увидѣлъ смуглаго, востроносаго человѣка, съ чернымъ хохолкомъ, франтовски-причесаннымъ на лбу, въ узкомъ поношенномъ мундирѣ и въ совершенно истоптанныхъ суконныхъ ботинкахъ. Его маленькое, обвѣтренное лицо выражало безмѣрную почитательность къ грозному начальству. Черные глаза смотрѣли внимательно и строго. — «Пропаль!» — подумалъ, взглянувъ на него, Базиль.

— Ну, Оливье, — обратился Даву къ адъютанту: — приглядитесь получше къ этому человѣку и скажите мнѣ, — вы, какъ никто, должны хорошо все помнить, — не этотъ ли именно господинъ былъ нами взятъ въ плѣнъ подѣ Смоленскомъ? — Подумайте хорошенько... Что скажете? Не онъ ли провелъ тамъ у насъ въ городѣ, на свободѣ, цѣлыя сутки и ночью, все разузнавъ и несмотря на данное слово, измѣннически бѣжалъ? Вы должны это въ точности помнить. Ваша память — записная книжка... Ихъ, какъ помните, бѣжало двое: одного мы вскорѣ поймали и тогда же на пути разстрѣляли, а другой скрылся... Не этотъ ли дезертиръ теперь стоитъ передъ вами?

«О, приговоръ мой подписанъ! — въ ужасѣ, замирая, подумалъ Базиль: — этотъ раболѣпный офицершкa непременно поддакнетъ своему начальнику. Иначе не можетъ и быть! Боже, хоть бы мое лицо исказилось судорогой, покрылось язвами проказы, если во мнѣ дѣйствительно есть хоть малѣйшее роковое сходство съ тѣмъ бѣглецомъ».

— Ну, глядите же, Оливье, внимательно, — подсказалъ Даву адъютанту: — я васъ слушаю.

Адъютантъ, переминаясь остатками ботинокъ, едва державшихся на его ногахъ, неслышно подошелъ ближе къ плѣннику и пристально взглянулъ на него.

— Да, помню, — негромко отвѣтилъ онъ: — обстоятельство, о которомъ вы говорите, ваша свѣтлость, дѣйствительно было...

— Вы, Оливье, глушецъ или вышли лишнее! — не стерпѣвъ, раздражительно крикнулъ Даву: — васъ спрашиваютъ не о томъ, былъ ли такой случай, или его не было; это я знаю лучше васъ. Отвѣчайте, приказываю вамъ, на другой вопросъ: этотъ ли именно господинъ бѣжалъ у насъ изъ плѣна въ ту ночь, когда мы заняли Смоленскъ? Поняли?

Перовскій видѣлъ, какъ за секунду угодливые и, повидимому, совершенно покойные глаза адъютанта вдругъ померкли, точно куда-то пропали. Адъютантъ тронулъ себя за холчокъ, прижалъ руку къ груди и вполголоса, поблѣввшими губами, произнесъ что-то, казалось, полное неожиданности и ужаса. Базиль въ точности не слышалъ всѣхъ его словъ, хотя они ударами колокола звонко отдавались въ его ушахъ. Онъ явственно только сознавалъ, какъ, въ наступившей затѣмъ странной тишинѣ, вдругъ жалостно и громко забилося его сердце, и онъ помертвѣлъ. Отъ него что-то уходило, что-то съ нимъ навѣки прощалось, и ему болѣзненно, отъ души, было чего-то жаль. И то, о чемъ онъ такъ жалѣлъ, была его молодая жизнь, которую у него брали съ такимъ суровымъ, безжалостнымъ хладнокровіемъ.—«Гдѣ же истина, гдѣ божеская справедливость?»—думалъ Перовскій.

— Я васъ не слышу, ближе!—крикнулъ Даву адъютанту:— говорите громче и толковѣе.

— Этотъ господинъ, ваша свѣтлость...—произнесъ Оливье:— я хорошо и отчетливо все помню...

Перовскій, держась за спинку близъ находившагося стула, едва стоялъ на ногахъ, усиливаясь слушать и понять, что именно произносили блѣдные и, какъ ему казалось, беззвучныя губы адъютанта.

СОЖЖЕННАЯ МОСКВА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БѢГСТВО ФРАНЦУЗОВЪ.

«И приде на-тя пагуба, и не увѣси».

Исаи.

XXV.

Черезъ два дня послѣ проводовъ жениной бабки и Авроры, Илья Борисовичъ Тропининъ, надѣвъ плащъ и шляпу, отправился въ сенатъ, гдѣ, по слухамъ, была получена какая-то бумага изъ Петербурга. Онъ хотѣлъ провѣдать, послѣдовало ли, наконецъ, разрѣшеніе сенатскимъ, а равно и театральнымъ чиновникамъ, также оставить Москву. Въ то утро онъ узналъ отъ бывшаго астраханскаго губернатора, Павлишина, что ихъ общій знакомый, старикъ-купецъ миллионеръ Иванъ Семеновичъ Живѣвъ, убѣдившись въ приближеніи французовъ, заперъ въ Гостиномъ дворѣ свой складъ и, перекрестясь, сказалъ приказчику: «Бѣду; чуть они покажутся, слышишь, чтобъ ничего имъ не досталось: зажигай лавку, домъ и все!»—Едва Илья вѣхалъ въ Кремль и вошелъ въ сенатъ, началось вступленіе французовъ въ Москву, былъ ими произведенъ извѣстный выстрѣлъ картечью въ Боровицкія ворота, и французы заняли Кремль.

Тропининъ бросился-было обратно въ Спасскія ворота. Онъ полагалъ спуститься къ Москворѣцкому мосту и уйти съ толпою, бѣжавшею по Замоскворѣчью. — «Скорѣе, скорѣе!» — торопилъ онъ извозчика. У Лобнаго мѣста его окру-

жила и остановила куча французскихъ солдатъ, съ криками, уже грабившая Гостинный дворъ. Посадивъ на тротуаръ этого длиннаго, близорукаго и смѣшнаго, въ синемъ плащѣ, человѣка, французы со смѣхомъ, прежде всего, сташили съ его ногъ сапоги. Потомъ, весело заглядывая ему въ лицо и какъ бы спрашивая: «что? удивленъ?» — они сняли съ него плащъ и шляпу. Огромнаго роста, въ рыжихъ бакенахъ и веснушкахъ, унтеръ-офицеръ, скаля бѣлые, смѣющіеся зубы, спокойно отстегнулъ съ камзола Илья золотую цѣпочку съ часами и принялся-было за обручальное кольцо на его пальцѣ. Обезпамятѣвшій Илья очнулся. Онъ бѣшено, съ силой, оттолкнулъ грабителя и, задыхаясь, съ пѣной у рта, крикнулъ нѣсколько отборныхъ французскихъ ругательствъ.

— Каково! онъ говоритъ какъ истый французъ! (*Tiens, il parle comme un vrai français*)—удивился унтеръ-офицеръ.

Илью окружили и ввели подъ аркады Гостиного двора, такъ какъ въ близкомъ сосѣдствѣ уже прорывалось пламя пожара надъ москательными лавками. Плтѣннику предлагали множество вопросовъ о томъ, гдѣ въ Москвѣ лучшіе магазины и погреба, какъ пройти къ лавкамъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, къ складамъ винъ и къ лучшимъ моднымъ трактирамъ. Пользуясь суетой, Илья въ одномъ изъ темныхъ проходовъ Гостиного двора бросился въ сторону, выбѣжалъ къ Варваркѣ и скрылся въ подвалѣ какого-то опустѣлаго барскаго дома. Когда стемнѣло, онъ переулками добрался до Тверского бульвара, отыскавъ знакомый ему обширный садъ богача Асташёвскаго и здѣсь, въ дальней бесѣдкѣ, рѣшилъ провести ночь. Забившись въ уголокъ бесѣдки, онъ отъ усталости почти мгновенно заснулъ. Его разбудилъ дымъ, валившій клубами, черезъ деревья, изъ загорѣвшагося смежнаго двора. Не сознавая, гдѣ онъ и что съ нимъ, и задыхаясь отъ дыма, онъ выскочилъ изъ бесѣдки.

Пачиналось утро. Съ разныхъ сторонъ поднимались густыя облака дыма, съ пламенемъ. Горѣли сосѣднія Тверская, Никитская и Арбатъ. Тропининъ, вспомнивъ приказъ Живѣва о сожженіи его собственнаго дома, оглядывался въ ужасѣ. Его томилъ голодъ; разутыя ноги окоченѣли отъ холода. Куда идти? Домъ жениной бабки, гдѣ, какъ онъ зналъ, вчера на рукахъ дворника осталось еще немало невывезенныхъ припасовъ, былъ невдале. Илья, перелѣзая съ за-

бора черезъ заборъ, вышелъ на Бронную. Отсюда было уже близко до Патріаршихъ прудовъ. Полуодѣтый, безъ шляпы и въ однихъ испачканныхъ носкахъ, онъ, быстро шагая длинными ногами, скоро миновалъ смежные, теперь почти пустые переулки. Уже видѣлась знакомая крыша дома княгини Шелешпанской.

Тропинину преградила дорогу кучка солдатъ, несшая какіе-то кули и тюки. Сопровождавшій ихъ офицеръ остановилъ Илью и приказалъ ему взять на плечи ношу одного изъ солдатъ, котораго тутъ же куда-то услалъ. Ноша была въ нѣсколько пудовъ. Тропининъ молча покорился такому насилію, соображая, что этому будетъ же конецъ. Онъ донесъ куль до Кремля. Оттуда его отправили съ другими солдатами за сѣномъ, а вечеромъ, давъ ему поѣсть, объявили, что онъ будетъ при конюшнѣ главнаго штаба. Въ теченіе пяти дней Илья чистилъ, кормилъ и поилъ порученныхъ ему лошадей, выгребалъ навозъ изъ конюшни и рубилъ для офицерской кухни дрова. Посланный съ товарищемъ въ депо за овсомъ, онъ нагрузилъ подводу, замѣтилъ на обратномъ пути, что пригнѣздившійся на подводѣ усталый товарищъ уснулъ, далъ лошади идти, а самъ безъ оглядки бросился въ смежный переулокъ. Мѣсто его второго побѣга было близъ Садовой. Онъ издали узналъ церковь Ермолая и, опасаясь погони, бросился въ ту сторону.

Мимо дымившихся и пылавшихъ улицъ, Тропининъ снова достигъ Патріаршихъ прудовъ и теперь ихъ не узналъ. Сколько онъ ни отыскивалъ глазами зеленой крыши и бельведера на домъ княгини, онъ ихъ не видѣлъ. Всѣ окрестные деревянные и каменные дома сгорѣли или догорали. Улицы и переулки, вокругъ занесенныхъ пепломъ и головнями прудовъ, представляли одну сплошную, покрытую дымомъ, площадь, на которой, среди тлѣвшихъ развалинъ, лишь коего-гдѣ еще торчали не упавшія печныя трубы и другія части догоравшихъ зданій. Илья съ ужасомъ убѣдился, что домъ княгини Шелешпанской также сгорѣлъ. — «Боже! неужели это не во снѣ?» — думалъ онъ, оглядываясь. Слезы катились изъ его глазъ.

Безпомощно переходя отъ раскаленныхъ пепелищъ къ пепелищамъ, Тропининъ близорукими, подслѣповатыми глазами усиливался отыскать слѣдъ этого дома и не находилъ. Долго неуклюжею, длинною тѣнью онъ бродилъ здѣсь, при-

слушиваясь къ паденію кровель и стѣнъ и едва дыша отъ дыма и пепла. Въ одномъ мѣстѣ, у церкви Спиридонія, его охватило нахлынувшимъ пламенемъ. Онъ бросился къ какому-то каменному забору и перелѣзъ черезъ него. Соскакивая въ сосѣдній садъ, онъ сильно ушибъ себѣ ногу и сперва не обратилъ на это вниманія. Нога, однако, разболѣлась.—«Что же я теперь, если охромѣю, буду дѣлать?»—думалъ Илья, бродя по саду и разминая ногу. Вдругъ онъ услышалъ, что его назвали по имени. Тропининъ вздрогнулъ. Между липъ полуобгорѣлаго сада, онъ увидѣлъ сѣдую голову, глядѣвшую на него изъ травы, а подойдя ближе, узналъ блѣдное, въ пѣгихъ пятнахъ, лицо княгинина дворника, Карпа. Тотъ выглядывалъ изъ ямы.

— Ты какъ здѣсь?

— Третьи сутки спасаюсь.

— Чье это мѣсто?

— Неужто не узнаете? Наше...

Дворъ былъ въ развалинахъ, деревья обгорѣли. Карпъ помогъ измученному голодомъ и ходьбой Ильѣ спуститься въ яму, вырытую имъ въ саду, принесъ изъ пруда воды, далъ ему умыться, накормилъ его какими-то лепешками и уложилъ отдохнуть.

— Все погорѣло, какъ видите, домъ, людскія и кладовая,—объявилъ всхлипывая, Карпъ:—и тѣ злодѣи до пожара все разграбили, не помогла и стѣнка, дорылись и до ямы; Телешовскій Прошка съ- пьяну навелъ сюда и указалъ; а вы-то, вы... Господи!

Карпъ ушелъ изъ подвала и подъ полой откуда-то притащилъ старенькій, калмыцкій тулупъ, мужичьи сапоги и такую же баранью шапку.

— Одѣньтесь, батюшка, Илья Борисычъ,—сказалъ онъ:—здѣсь въ западнѣ сыро. Какъ васъ нехристи-то обидѣли!.. въ нашемъ холопскомъ нарядѣ они васъ тутъ, хоть и увидятъ, скорѣе не тронутъ. А что же это, и нога у васъ болитъ?

Тропининъ сообщилъ о своемъ ушибѣ.

— Перебудьте, сударь, здѣсь; авось наша-то армія вернется и выгонитъ злодѣевъ. На ночь мы прикроемъ подвалъ досками; я на нихъ и землицы присыплю. Наказалъ насъ Господь... конецъ свѣту!

Илья одѣлся въ принесенные тулупъ и шапку, свернулся

на солому, въ углу подвала, и подъ причитанія Карпа за-
снулъ. Утромъ слѣдующаго дня Карпъ объявилъ ему, что
наканунѣ приходили какіе-то солдаты, шныряли тутъ, пе-
ревертывая тлѣвшія бревна и тесаками чего-то все искали,
а въ садъ и къ пруду все еще не подходили.

Илья не покидалъ подвала двое сутокъ. Онъ оттуда, сквозь
обгорѣлыя деревья, видѣлъ, какъ пожаръ въ ближнихъ дво-
рахъ мало-по-малу угасалъ. Изрѣдка, за сосѣдними забо-
рами, показывались неприятельскіе отряды, слышались фран-
цузскіе и нѣмецкіе оклики. Дозорныя команды, преслѣдуя
чужихъ и своихъ поджигателей и грабителей, захватывали
подозрительныхъ прохожихъ. Въ одну изъ ночей, въ ближ-
немъ закоулкѣ произошла даже вооруженная стычка. Тро-
пининъ изъ подвала явственно слышалъ, какъ начальникъ
дозора командовать солдатамъ: «*En avant, mes enfants!
ferme, feu de peloton! visez bien!*» (впередъ, ребята, пали!
цѣльтесь лучше!) Раздался залпъ преслѣдующихъ; изъ-за
печей и трубъ затрепали отвѣтные выстрѣлы. Нѣсколько
вооруженныхъ солдатъ, ругаясь по-нѣмецки и роняя по пути
добычу, перелѣзли черезъ заборъ и пробѣжали въ пяти
шагахъ отъ ямы, гдѣ скрывался Илья. Слышались возгласы:
«*Du lieber Gott! Schwernots Kerl von Bonapart!*» Карпъ
подобралъ нѣсколько хлѣбовъ, липовку съ медомъ и узелъ
съ женскими нарядами. Хлѣбъ и медъ были очень кстати,
такъ какъ съѣстные припасы въ подвалѣ подходили уже
къ концу.

Черезъ недѣлю Карпъ объявилъ, что всѣ припасы вышли
и что онъ рѣшился пойти къ церкви св. Ермолая, провѣ-
дать, не уцѣлѣло ли тамъ, въ церковномъ дворѣ, чего съѣст-
ного и что дѣлается въ другихъ мѣстахъ Москвы. Онъ воз-
вратился измученный, недовольный.

— Врагъ-то... выбралъ начальство надъ городомъ изъ
нашихъ же!—сказалъ онъ, спускаясь въ подвалъ.

— Кого выбралъ?

— Ермолаевскій дьякъ сказывалъ... онъ тоже въ погребу
тамъ подъ церковью сидитъ и знаетъ вашу милость; при
нашемъ вѣнцѣ въ церкви служилъ.

— Что же онъ говорилъ?

— Нашимъ прѣсененскимъ приставомъ злодѣи поставили
магазинщика, съ Кузнецкаго моста, Марка, городскимъ го-
ловую — купца первой гильдіи Находкина, а подпомощни-

комъ ему — его же сына, Павлушку. На Покровкѣ ихъ расправа... Служать, безстыжіе, антихристу! креста на нихъ нѣтъ...

Тропининъ вспомнилъ, что онъ кое-гдѣ встрѣчался съ кутилою и вѣчнымъ посѣтителемъ цыганокъ и игорныхъ домовъ, Павломъ Находкинымъ, и что однажды онъ даже выручилъ его изъ какой-то исторіи, на гуляныѣ подь Новинскимъ.

Илья въ раздумьѣ покачалъ головой.

— Да что, сударь,—произнесъ Карпъ:—то бы еще ничего; кощунство какое! Не токма въ церквахъ, въ соборахъ треклятые міродеры завели нечисть и всякій срамъ. Выкинули на полъ мощи святителей Алексѣя и Филиппа. Въ Архангельскомъ наставили себѣ кровати, а въ Чудовомъ, надъ святою гробницею, приладили столярный верстакъ. Ходятъ въ ризахъ, антѣминсами подпоясываются. Еще дьячекъ сказывалъ, что видѣлъ самого Наполеона. Намедни онъ тутъ по Садовой, мимо ихъ, злодѣй, проѣхалъ; сѣрый на немъ балахончикъ, треуголочка такая, — самъ жирный да простолицый, изъ себя смуглый; то, сказываютъ, и есть самъ Бонапартій.

Илья вспомнилъ, какъ Наполеона еще недавно обожалъ Перовскій.

— Чего же Бонапартъ заорался въ Садовую? — спросилъ онъ.

— Ушелъ за городъ; его, слышно, подожгли въ Кремлѣ. Да и бьютъ же ихъ, озорниковъ, а то втихомолку и просто топятъ.

— Какъ такъ?

— Нонѣ, сударь, слышно, изъ каждаго пруда вытянешь либо карася, либо молодца. А Кольникуръ ихній ничего — добрый... Намедни тоже мимо Ермолая ѣхалъ, сынка тамошней просвирни подозвалъ и далъ ему бѣлый кредель. Вотъ и я вамъ, батюшка, картошекъ оттуда принесъ... черноваты только, простите, въ золѣ печены и безъ соли.

Илья съ удовольствіемъ утолилъ голодь обугленными картошками.

XXVI.

Еще прошло нѣсколько дней. Припасы окончательно истощились. Карпъ пошелъ опять на развѣдки. Тропининъ тоже кодъ вечеръ вышелъ изъ подвала — прогуляться между дустырей. Опъ замѣтилъ въ чѣмъ-то недалнемъ огородѣ,

у колодца, яблоню, на которой видѣлись полуспеченныя отъ сосѣдняго пожара яблоки. Сорвавъ ихъ нѣсколько штукъ, онъ началъ жадно ихъ ѣсть. Его грубо окрикнулъ проходившій мимо пьяный французскій солдатъ. Подойдя молча къ Ильѣ, солдатъ установился въ него, взявъ съ его ладони яблоко, пожевалъ его и, съ ругательствомъ, бросилъ остатки Ильѣ въ лицо. Илья вспыхнулъ. Въ его глазахъ все закружилось. Онъ съ бѣшенствомъ ухватилъ обидчика за шею. Началась борьба. Хмельной солдатъ ловко наносилъ кулаками удары Тропинину и чуть не сбиль его съ ногъ. Илья устоялъ, обхватилъ солдата и, протаскивъ его подъ деревьями, швырнулъ въ колодець. Не помня себя и задыхаясь отъ волненія, онъ едва дошелъ обратно до подвала. Искаженное страхомъ лицо и взмахнувшіе по воздуху башмачёнки француза, брошеннаго имъ въ колодець, не выходили у него изъ головы. Карпъ возвратился съ пустыми руками. Опасаясь возмездія со стороны непріятелей, Илья объявилъ ему, что ихъ мѣсто не безопасно, что надо бросить его, и рѣшилъ съ нимъ на утро отправиться къ новому городскому головѣ. Ночь Тропининъ провелъ въ бессонницѣ и въ лихорадочномъ бреду. Ему грезились въ сосѣдномъ огородѣ обгорѣлыя яблони и между ними черныя, покрытыя плѣсенью, срубъ заброшеннаго колодца. Ночь онъ видѣлъ иную, теплую; странный, багровый мѣсяцъ освѣщалъ вершины обгорѣлыхъ липъ и березъ, между которыми шла съ лукошкомъ, полнымъ спѣлыхъ яблокъ, Ксенія. Коля, уже мальчикъ лѣтъ пяти, бѣжалъ по травѣ впереди нея. Вдругъ изъ глубины колодца поднялся и, хватаясь за срубъ руками, сталъ вылѣзать блѣдный, покрытый зеленою тиной, утопленникъ. Не успѣлъ Илья броситься на помощь женѣ, какъ утопленникъ, шлепая мокрыми ногами, добѣжалъ и впился зубами въ обезпамятѣвшаго Колю. Тропининъ въ ужасѣ проснулся... Крышка надъ подваломъ была приподнята. Кто-то вылѣзалъ изъ ямы. Илья узналъ Карпа.—«Куда это онъ!»—подумалъ Илья и также поднялся наверхъ. Карпъ пробирался къ ближнему двору, уцѣлѣвшему отъ пожара. Изъ-за липъ, отъ подвала было видно, какъ онъ бережно подкрался къ крайнему флигелю, стоявшему среди сараевъ, и присѣлъ.—«Что онъ тамъ дѣлаетъ?»—мыслилъ Илья. У флигеля сверкнули искры. Карпъ, очевидно, кресалъ огонь. Еще прошла минута, уголь ветхой

крыши ближняго сарая освѣтился. Послышались опять шаги. Карпъ проворно бѣжалъ оттуда; подоженное зданіе вспыхнуло. — «И этотъ, какъ купецъ Живодъ, — подумалъ Илья, торопясь спуститься въ подвалъ, чтобы его не увидѣлъ Карпъ, — знаю теперь, кто поджигаетъ Москву». — Онъ радовался и вмѣстѣ боялся смутить поджигателя тѣмъ, что видѣлъ его тайный подвигъ.

Тропининъ съ Карпомъ утромъ отправились въ домъ новаго городского головы. На стѣнѣ дома была надпись: «Secours aux indigents» («помощь нуждающимся»). На фронтонѣ подъѣзда красовалась новая, лоснившаяся вывѣска: «Гороцкой голова». Доложивъ о себѣ Находкину-сыну, Илья поднялся въ верхній этажъ; Карпъ остался у подъѣзда.

Павель Находкинъ, въ модномъ сбромъ фракѣ, съ бѣлымъ шарфомъ черезъ плечо, сидѣлъ за столомъ въ пріемной, спрашивая какихъ-то бродягъ, приведенныхъ сюда, для справокъ, отъ завѣдывавшаго французскими лазутчиками, генерала Сокольниковкаго. Мужичкій нарядъ и небритое, обраставшее бородою лицо Тропинина не дали Находкину возможности сразу его узнать. Илья назвалъ себя. Краска залила молодежавое лицо и толстый затылокъ Находкина. Опъ, вода перомъ по бумагѣ, подождать, пока жандармы увели арестантовъ, оправилъ на себѣ шарфъ и всталъ.

— Такъ-съ, — сказалъ онъ, не глядя на Тропинина: — что же-съ... узнаемъ-съ... Что угодно? и какъ изволили, въ такое время, остаться въ здѣшнихъ мѣстахъ?

Илья передалъ ему о своемъ плѣнѣ и ушибѣ ноги и просилъ содѣйствія къ разрѣшенію ему и дворнику княгини оставить Москву.

Находкинъ не поднималъ глазъ.

— Но какъ же? какимъ, то-есть, манеромъ? — произнесъ онъ: — мы вамъ, съ тятенькой, сказать, оченно благодарны-съ... тогда на гуляньѣ гусары... и вы вступились... Но теперь тутъ совсѣмъ иные, иноземные порядки, не наши-съ... притомъ мы не одни...

Павель подумалъ.

— Развѣ вотъ что-съ, — сказалъ онъ: — начальникъ ихнихъ шпионовъ, генералъ Сокольниковскій, опять же и главный ихъ штендантъ, генералъ Лесепсъ, нуждаются въ знающихъ господахъ... Не окажете ли, сударь, сперва услуги нашимъ побѣдителямъ? Было бы кстати-съ...

— Какой услуги?

— Вы при киятрѣ служили и, кажись, надзирали за раз-малевкою декораций... сами рисуете.

— Такъ что же?

— Его величество, значить, ихній, — произнесъ Находкинъ: — а пока, такъ сказать, по здѣшнимъ мѣстамъ, и нашъ аншпираторъ Наполеонъ затѣялъ, видите ли, для ради своей, то-есть, публики, киятеръ, на Никитской. Изволите знать домъ Познякава? Еще возлѣ, тамъ, Марья Львовна жила...

— Какая Марья Львовна?

— Ну, Машенька-актриса, — продолжалъ Павелъ: — ужели не помните? дѣло прошлое... Такъ вотъ-съ, возлѣ ея фатеры, тотъ самый киятеръ и устраиваютъ... Тамъ давно и прежде шли представленія; большущій залъ, съ ложами, при немъ зимній садъ. Обгорѣла только сцена, декорации и занавѣсы.

— Гдѣ же вы возьмете новыя? — спросилъ Илья: — нашъ казенный театръ, слышно, совсѣмъ сгорѣлъ...

— Отыскались на это у нихъ мастера; занавѣсъ будетъ вовсе новый, парчевый, изъ ризъ, а замѣсто люстры — па-никадило.

Тропининъ ушамъ своимъ не вѣрилъ. — «Что онъ? рас-кольникъ? что ли? — подумалъ онъ, — да вѣтъ, тѣ еще болѣе почтительны къ вѣрѣ».

— И вы, какъ рисовальщикъ, — продолжалъ Находкинъ: — притомъ же, зная ихъ языкъ, могли бы имъ помочь. Васъ въ такомъ разѣ, одѣнуть, накормятъ; ну, смилуются, а то и вовсе выпустятъ. Мы же съ тятенькой тоже постараемся, и всегда.

Тропининъ, поборая въ себѣ злобу и негодованіе, молча мыслилъ: «Неужели же этотъ муниципаль и въ самомъ дѣлѣ поможетъ мнѣ освободиться?»

— Согласны, баринъ? — спросилъ Находкинъ.

— На что?

— Помочь въ декорацияхъ и въ прочемъ.

— Согласенъ, — отвѣтилъ со вздохомъ Илья.

— И дѣло-съ. Очень радъ! А таперича, значить, по порядку, мы васъ отправимъ къ Григорію Никитичу.

— Кто это?

— На Мясницкой, книгопродавецъ Кольчугинъ. Онъ нынѣ, по милости аншпиратора Бонапарта, покровителя, такъ сказать, наукъ-съ. тутъ назначенъ главнымъ квартирни-

стромъ, для призрѣнія неимушихъ и плѣнныхъ. Тамъ и Сокольникій... Тятенька, вы здѣсь?—крикнулъ Павелъ въ сосѣдную комнату.

— Здѣсь, что-то?—отозвался оттуда голосъ.

Павелъ скрылся за дверью и, минуты черезъ двѣ, вышелъ оттуда съ отцомъ. Петръ Ивановичъ Находкинъ, невысокій, рябой и лысый старикъ, съ узкою, клиномъ, бородою, былъ въ купеческомъ кафтанѣ до пятъ, въ высокихъ, бутылками, сапогахъ и также съ бѣлымъ шарфомъ черезъ плечо.

— Поступаете?—спросилъ онъ, взглядывая на Илью маленькими, зоркими глазами.

— Вашъ сынъ предлагаетъ.

— Павелъ говоритъ дѣло,—произнесъ старикъ:—всѣ мы подъ Богомъ; не знаемъ, какъ и что. Въ этотъ кѣтеръ уже поступили, изъ нашихъ арестованныхъ, скрипачъ Поляковъ и виолончелистъ Татаряновъ. Не опасайтесь, не останетесь... а мы добро помнимъ-съ...

Тропининъ и Карпъ, съ запиской сына Находкина и съ жандармомъ, были отведены на Мясницкую. Здѣсь, у подъѣзда длиннаго каменнаго дома, гдѣ помѣщался завѣдывавшій частью секретныхъ свѣдѣній — генераль Сокольникій, стоялъ караулъ изъ конныхъ латниковъ. Илью и его спутника ввели въ большую присутственную комнату. Нѣсколько военныхъ и штатскихъ писцовъ сидѣли здѣсь надъ бумагами у столовъ. За перегородкой у двери, переминаясь и охая, стояла кучка просителей — бабы, нищія, пропойцы и калѣки. Илья сквозь рѣшетку узналъ Кольчугина, у котораго не разъ, еще будучи студентомъ, онъ покупалъ книги. Онъ ему протянулъ письмо Находкина. Стриженный въ скобку и безъ бороды, Григорій Никитичъ, заложивъ руки за спину, стоялъ невдали отъ перегородки, у стола, за которымъ горбоносый, блѣдный и густо-напомаженный французскій офицеръ, съ досадою тыкая пальцемъ по плану города, спрашивалъ его, черезъ переводчика, о нѣкоторыхъ домахъ и мѣстностяхъ Москвы. Учитель математики—переводчикъ, плохо понимавшій и еще хуже говорившій по-французски, выводилъ офицера изъ терѣнія. На Илью долго никто не обращалъ вниманія. У него отъ ходьбы разболѣлась нога, и онъ съ трудомъ могъ стоять. Кольчугинъ, наконецъ, взялъ у него письмо

— Вы знаете по-ихнему? — радостно спросилъ онъ, прочтя письмо: — и отлично-съ; сами объясните имъ свое дѣло, а пока вотъ помогите, — этому офицеру нужно указать на картѣ. гдѣ домъ Паликова. Главный изъ нихъ сторгѣлъ, а въ боковыхъ они хотятъ ладить новый госпиталь и богадѣльню... Удивляетесь, что я при ихъ службѣ? — заключилъ, оглядываясь, Кольчугинъ: — что, сударь, дѣлать? Крестъ несемъ... силкомъ запрягли.

XXVII.

Тропининъ, войдя за перегородку, далъ нужныя объясненія офицеру и затѣмъ сообщилъ ему о предложеніи Находкина. Сперва офицеръ слушалъ его сухо; но едва узналъ, что Илья владѣетъ кистью, мгновенно измѣнился.

— Вы хотя и въ грубой одеждѣ, — сказалъ онъ, не скрывая своего удовольствія: — видно, что образованный, высшаго общества человѣкъ. Садитесь. Не думайте, чтобы мы были только завоевателями. Вы увидите, какъ мы оживимъ и воскресимъ вашу страну. О! театр! — лучшая пища для души... Я самъ, по призванію, что хотите, — пѣвецъ, стихотворецъ; актеръ, — словомъ, артистъ.

На Илью были устремлены ласковые черные глаза; печальная улыбка не сходила съ блѣднаго лица офицера.

— Да, — продолжалъ послѣдній: — я въ молодости, въ нашей collége, въ Бордò, игралъ не только Мольера, но и Расина... Далекія, счастливыя времена! Но и здѣсь, между вашими актерами, увѣрю васъ, есть истинные таланты; не всѣ бѣжали. О! мы уже пригласили изрядныхъ комиковъ.

Офицеръ назвалъ имена нѣсколькихъ магазинщиковъ, аптекаря и двухъ парикмахеровъ съ Кузнецкаго моста.

— А вашъ балетмейстеръ Ламираль, вотъ дарованіе! Онъ вызвался быть у насъ режиссеромъ и ставить даже танцы... Потомъ, какъ его, какъ? очень милый господинъ... мы съ нимъ обѣдали на-дняхъ въ его премилой семьѣ... Онъ взялъ подрядъ поставить театральную утварь... вспомнилъ! — торговецъ сукнами Данквартъ... еще у него на вывѣскѣ гербъ императора Александра.

— Все ваши соотечественники, французы, — сказалъ Илья.

— Вы этимъ хотите сказать, — произнесъ офицеръ: — что вамъ, какъ русскому, хотя такъ превосходно говорящему по-французски, неприлично участвовать въ нашихъ удовольствіяхъ? Не такъ ли?

— Да,—отвѣтилъ Илья.

— Полноте, помогите намъ.

— Но чѣмъ же?

— Вы рисуете красками?

— Да...

— Это все, что намъ нужно. И если вы согласны, скажите чѣмъ, въ свой чередъ, и я могу вамъ служить? Шарль Дрозъ — къ вашимъ услугамъ, — заключилъ, вѣжливо кланяясь, офицеръ:—капитанъ семнадцатаго полка и адъютантъ штаба... а въ свободные часы — любитель всего изящнаго и въ особенности театра.

— Я голоденъ, мосье Дрозъ!—мрачно произнесъ Илья:—со вчерашняго дня ничего не ѣлъ.

— Боже мой, а я-то, извините... прошу васъ ко мнѣ!—сказалъ, вставая, капитанъ:—мы оба—артисты... Что дѣлать? жребій войны... Я здѣсь недалеко, тутъ же во дворѣ; только кончу дѣло... А вы, мосье Никичъ,—обратился онъ, черезъ переводчика, къ Кольчугину:—снабдите господина... господина Тропинъ... не такъ ли? приличною одеждой и обувью изъ нашего склада... я самъ о томъ доложу генералу...

Тропинина провели въ какую-то каморку, полную разнаго хлама, одѣли во французскую военную шинель и фуражку и въ новые, еще ненадеваные сапоги, повидимому, добытые въ какой-либо ограбленной лавкѣ обуви. Выйдя изъ каморки, онъ встрѣтилъ Карпа.

— А меня-то, батюшка Илья Борисовичъ, отпустите?—спросилъ тотъ, едва узнавъ Илью въ новомъ нарядѣ.

— Куда ты?

— Землячка тутъ нашель, пойдёмъ —бураки и картошку копать.

— Гдѣ копать? знаю я, куда ты и зачѣмъ... смотри, не попадись...

— Убей Богъ, въ казенныхъ огородахъ, возлѣ казармъ. Накопаемъ имъ, аспидамъ, да авось и уйдемъ.

Освободившись отъ занятій, капитанъ Дрозъ провелъ Илью внутренними комнатами въ обширный, барскій, почти нетронутый огнемъ, дворъ, въ заднихъ флигеляхъ котораго размѣщались адъютанты начальника розыскной полиціи, чины его канцеляріи и концы и нѣшіе разсыльные. Въ помѣщеніи капитана, въ проходной тѣсной комнатѣ, у

окна, съ перомъ въ рукѣ и въ большихъ очкахъ на носу, сидѣлъ сѣденый, въ военной курткѣ, писецъ.

— Пора, Пьеръ, кончать, темно! — портишь глаза! — ласково сказалъ Дрозъ писцу, идя съ Ильей мимо него.

— Нельзя, капитанъ, — отвѣтили, не отрываясь отъ бумаги, писецъ: — машина станеть! списки герцога Экмюльскаго... только что принесли...

— О. въ такомъ случаѣ кончай. — объявилъ Дрозъ.

— Въ чемъ эта работа, осмѣливаюсь узнать? — спросилъ Илья, когда капитанъ потребовалъ ему отъ своего денщика закусить и усадилъ его за блюдо холодной телятины.

— Да, mon bon monsieur, горька доля воюющихъ! — со вздохомъ отвѣтилъ капитанъ: — часто я проклиналъ судьбу, что изъ артиста сталъ солдатомъ... а теперь меня наряжаютъ для разныхъ слѣдствій... въ эти же списки вносятся имена плѣнныхъ маршала Даву.

Дрозъ досталъ изъ шкапа бутылку и налилъ гостю стаканъ вина.

— Чтò же дѣлають потомъ съ этими списками? — спросилъ Илья.

— Ихъ пересылають, къ свѣдѣнью, въ главный штабъ и сюда.

— И только?

— Нѣтъ, канцелярiя маршала дѣлать вносимыхъ въ эти списки на двѣ части. Въ одну вносятся менѣе опасныя, заурядныя лица; въ другую — особенно подозрительныя.

— Чтò же ожидаетъ первыхъ и вторыхъ?

— Противъ имени первыхъ канцелярiя обыкновенно дѣлаетъ отиѣтки: подъ арестъ, или на работы; противъ вторыхъ же самъ маршалъ ставитъ собственноручныя резолюцiи: къ повѣшеню или къ разстрѣляню... Печальныя бывають развязки. Война не шутить. У меня на этотъ предметъ есть стихи. Не хотите ли, я вамъ ихъ прочту? — спросилъ онъ, покраснѣвъ: — мои собственные стихи о войнѣ.

— Сдѣлайте одолженiе.

Дрозъ всталъ, протянулъ руку и, съ грустью глядя на гостя, какъ бы призывая его въ судьи своей тоски и одиночества, нѣжнымъ, пѣвучимъ теноромъ продекламовалъ элегiю о разоренномъ гнѣздѣ малиновки и о коршунѣ, похитившемъ ея птенцовъ. Онъ самъ съ напомаженнымъ холкомъ напоминалъ малиновку.

Голосъ и стихи Дроза тронули Илью. Его щеки отъ этого чтенія и вкусной ѣды, запитой виномъ, раскраснѣлись. Красивый, съ горбомъ, носъ капитана, между тѣмъ, сталъ еще блѣднѣе, а глаза печальнѣе. Онъ, въ раздумьѣ, молча глядѣлъ въ пространство. Въ это время старичекъ-писецъ принесъ переписанныя бумаги. Капитанъ повертѣлъ ихъ въ рукахъ и вздохнулъ.

— Да,—сказалъ онъ: — отличный почеркъ, но на какое дѣло! Есть ли у васъ, въ Россіи, такіе искусники?

Онъ показалъ гостю копіи, бережно положилъ ихъ на окно и объявилъ, что самъ отнесетъ ихъ къ генералу, а подлинники велѣтъ отправить въ канцелярію главнаго штаба, въ Кремль.

— Стаканчикъ! знаешь, той? — обратился онъ къ писцу, добродушно подмигивая ему на кубышку перцовки въ шкапу: — такимъ почеркомъ переписывать только Шеньё, Бомаршэ...

Дрозъ налилъ изъ кубышки, которую онъ называлъ «*boche de fer*» — «огненнымъ ртомъ».

— Капитанъ! — восторженно произнесъ писецъ, отставя руку и глядя на поданный ему стаканъ перцовки: — вѣкъ не забуду вашихъ ласкъ и доброты!

Онъ медленно выпилъ стаканъ, отеръ рукавомъ усы и крыжвулъ.

— Это напитокъ боговъ! Исполненіе желаній вашихъ, господа, и дорогихъ вашему сердцу! — сказалъ онъ, уходя: — хотя послѣднія теперь, очевидно, далеко.

Капитанъ, уныло сторбившись, молчалъ.

— Дорогія нашему сердцу! — произнесъ онъ, отгоняя тяжелыя мысли: — моя семья далеко; ваша же, собратъ по музамъ? вы женаты?.. гдѣ ваша семья?

— Ничего не знаю, — отвѣтилъ Тронининъ: — я женатъ, но моя жена бѣжала отсюда, за два дня до моего плѣна... и что съ нею, жива ли она, убита ли, Господь вѣдаетъ...

— Бѣжала и она! но зачѣмъ же? — искренно удивился капитанъ.

— А эти ваши списки? — произнесъ Илья, указывая на принесенныя писцомъ бумаги: — что, если бы она попала въ эти красиво переписанныя бумаги, да еще въ первый разрядъ? вѣдь вашъ грозный маршалъ, сами вы говорите, не любятъ шутить: а онъ и женщину могъ бы счесть за опасную...

Капитанъ покраснѣлъ до ушей.

— Что за мысль! полноте!—возразить онъ:—мы не индѣйцы и не жители Огненной земли; можете быть спокойны, женщины у насъ неприкосновенны. И ни одной, ручаюсь въ томъ, вы не найдете въ этихъ спискахъ. Да, мое поприще—искусство, пластика. Даже самъ я и мои формы, не правда ли, пластичны?—произнесъ капитанъ, вставая и передъ зеркаломъ протягивая свои руки и выпячивая грудь и плечи:—это не мускулы, мраморъ, не правда ли, и сталь? Итакъ, завтра я вамъ дамъ письмо къ Ламиралю, и вы украсите вашею кистью нашъ театр. Артистовъ у насъ, повторяю, довольно. Кромѣ найденныхъ здѣсь, прелестной Луизы Фюзи, Бюрсе и замѣчательнаго комика Санвѣ, явились и другіе охотники. Сверхъ того, какъ, вѣроятно, и вы уже знаете, захваченъ цѣлый балетъ танцовщицъ одного вашего графа... comte Cheremète... А теперь, полагаю, и на покой!.. Вотъ вамъ кровать, я улягусь на этомъ сундукѣ.

— Очень вамъ благодаренъ, — отвѣтилъ Илья: — но это уже чересчуръ, съ какой же стати?

— Безъ возраженій, коллега; мы оба—слуги музъ, и вы мой гость... Устраивайтесь, а мнѣ надо нести бумаги къ генералу, —но прежде я загляну въ канцелярію; знаете, народъ нынче ненадежный, особенно здѣсь, — чрезъ мѣру поживились военною добычею и не совсѣмъ исправно себя ведутъ.

XXVIII.

Офицеръ вышелъ. Илья прислушался у двери къ его шагамъ и бросился къ бумагамъ; лежавшимъ на окнѣ.—«Имѣю ли я право прочесть?—подумалъ онъ,—вѣдь это—вѣроломство, нарушеніе правъ гостепріимства. А они? а эта война?»—Тропининъ поднесъ бумаги къ свѣчѣ, пробѣжалъ заголовки и началъ наскоро просматривать списки. Были короткіе и длинныя. Одинъ изъ списковъ, набросанный нѣсколько дней назадъ, особенно занялъ его. Въ немъ было занесено много арестованныхъ, съ отмѣтками: «поджигатель», «грабитель», «инионтъ». Тропининъ просмотрѣлъ первую страницу, перевернулъ листъ, прочелъ еще столбецъ именъ и обмеръ. Протеревъ глаза, онъ снова заглянулъ въ прочитанное. Въ перечнѣ именъ «особенно-подозрительныхъ» («très suspects») онъ прочелъ явственно написанное: «Lieutenant Peroski». Рядомъ съ этимъ именемъ стояла отмѣтка:

«le déserteur de Smolensk», а сбоку, разом очеркивая нѣсколько именъ, было, очевидно, старческою рукою маршала Даву приписано: «разстрѣлять» («fusiller»).

Кровь бросилась въ голову Тропинина. Онъ выронилъ бумаги на окно и нѣсколько мгновений не могъ опомниться. Комната съ горѣвшею свѣчей, столъ съ неубранными тарелками, сундукъ и предложенная ему кровать капитана вертѣлись передъ нимъ, и самъ онъ едва стоялъ на ногахъ.—«Пердескій, очевидно—онъ, Базиль Перовскій!—въ ужасѣ думалъ Илья:—но какимъ образомъ онъ могъ быть схваченъ въ Смоленскѣ и стать дезертиромъ, когда писалъ намъ уже послѣ Вязьмы и ни единымъ словомъ не намекнулъ на подобный случай? очевидно, роковая, вопіющая ошибка!»—Илья ломалъ себѣ руки, не зная, на что рѣшиться и что предпринять. Сказать капитану, что онъ просматривалъ его секретныя бумаги? Но тогда тотъ справедливо можетъ обидѣться, а то и еще хуже—донсестъ на него.

Дрозъ возвратился.

— А вы еще не спите?—спросилъ онъ:—ложитесь, иначе вы меня обидите...

Не подозрѣвая особой причины смущенія Илья, онъ настоялъ, чтобы тотъ легъ на его кровать, а самъ, раздѣвшись и подмостивъ себѣ подъ голову шинель, улегся на сундукъ и погасилъ свѣчу.

Прошло съ полчаса. Приятный запахъ розовой помады разносился по комнатѣ.

— Скажите, капитанъ,—обратился къ нему Илья, видя, что офицеръ еще не спитъ:—случается ли, чтобы страшныя резолюціи маршала иногда отменялись или почему-либо не приводились въ исполненіе?

Капитанъ, медленно повернувшись къ стѣнѣ, тяжело вздохнулъ.

— Увы!—отвѣтилъ онъ, помолчавъ:—у герцога Экмюльскаго этого не можетъ быть; рѣшенія при допросахъ онъ пишетъ самъ, а кто ослушается его приказаній? Вы, хотя и русскій, я полагаю, знаете, да это и не тайна,—прибавилъ вполголоса Дрозъ:—Даву не человекъ, а, между нами сказать, тигръ...

— Но не всё же, наконецъ, рѣшенія вашего герцога-тигра исполняются мгновенно, безъ провѣрки и суда?—произпелъ Илья, хватаясь за тѣнь надежды:—рѣшено, поло-

жимъ, утромъ; неужели же не откладываютъ, для справокъ, хотя бы до вечера?

— Въ чемъ дѣло? не понимаю васъ, — спросилъ Дрозъ.

— Вотъ въ чемъ, — проговорилъ Илья: — здѣсь въ Москвѣ, какъ я узналъ, былъ схваченъ и заподозрѣнъ въ побѣгѣ одинъ мой соотечественникъ. Онъ, клянусь вамъ, невиновенъ въ томъ, въ чемъ его подозреваютъ.

— Когда онъ схваченъ и въ чемъ обвиняется?

Илья подумалъ.

— Времени его ареста не знаю, — отвѣтилъ онъ: — а по слухамъ, винятъ его въ томъ, будто онъ — дезертиръ... ну, какъ вамъ объяснить? что будучи взятъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ, оттуда бѣжалъ... Это — клевета. Я въ точности знаю, что онъ вплоть до Бородина нигдѣ не былъ въ плѣну. Ради Бога, молю васъ, это — мой товарищъ и другъ; если онъ живъ еще, попросите за него.

— Но кого просить?

— Герцога, самого императора.

— Мало же вы знаете герцога и нашего императора! — сказали, обернувшись отъ стѣны, капитанъ: — прибѣгать съ такою просьбою къ герцогу — все равно, что молить у гѣны пощады животному, которое она держитъ въ окровавленныхъ зубахъ... а императоръ... да знаете ли вы его? — прошепталъ капитанъ, даже привставъ впотьмахъ и сядя на сундукъ: — насъ тутъ не слышать, вы понимаете, и я, между нами, могу это сказать... Недавно онъ, при докладѣ Бертье о нуждахъ солдатъ, выразился: лучше, князь, вмѣсто солдатъ, поговоримъ о ихъ лошадяхъ! Станетъ онъ думать объ экзекуціяхъ Даву... У него на умѣ другое...

Капитанъ замолчалъ.

— А жалъ! — проговорилъ онъ черезъ минуту: — не ему ли было бы лучше остаться во Франціи, покровительствовать искусствамъ, литературѣ? Боязнь покоя, критики, вотъ что увлекаетъ его въ новыя и новыя предпріятія... Впрочемъ, не намъ, молчимъ, судить великаго человѣка. А пока онъ успокоится, мы сами, дорогой собратъ, не правда ли, займемся театромъ! Итакъ, до завтра! — заключилъ, опять ложась, капитанъ: — дадимъ великой арміи отдохнуть и вспомнить, хотя здѣсь, въ ванаей Скиоин, наши былия, лучшія, тихія времена.

— Но я бы васъ, все-таки, просилъ, — сказалъ Илья: —

если будетъ случай и это васъ не затруднить, справьтесь о моемъ другѣ, чѣмъ кончилась его судьба?

— Какъ его имя?

Тропининъ называлъ.

— Попытаюсь, мой дорогой, — произнесъ капитанъ: — только, знаете, въ эти смутные дни въ нашихъ штабахъ столько возни и хлопотъ. Не обо всемъ оставляютъ слѣдъ въ бумагахъ.

Сказавъ это, Дрозъ окончательно смолкъ. Въ комнатѣ раздался его сперва тихій, потомъ громкій и, повидимому, совершенно счастливый храпъ. Онъ видѣлъ во снѣ Францію, маленькій провинціальный театръ, гдѣ онъ игралъ на сценѣ и мечталъ о будущности Тальма, не подозревая, что, благодаря конскрипціи Наполеона, изъ актера онъ станетъ воиномъ, а затѣмъ попадетъ въ штабъ «завѣдывающаго секретными свѣдѣніями».

«Несчастный Базиль! — мыслилъ тѣмъ временемъ Тропининъ: — дѣло, очевидно, кончено! Вотъ чѣмъ отплатилъ тебѣ твой любимый идолъ, герой! Сынъ магната, министра... Погибнуть въ числѣ подозреваемыхъ въ поджогахъ и грабежахъ! И никто объ этомъ не знаетъ, никто не защититъ... Бѣдная Аврора... предчувствуетъ ли она, что постигло ея жениха?..»

Ильѣ вспомнилась его жена, недавній тихій семейный кругъ. Слезы подступали къ его горлу, и онъ ломалъ голову, какъ ему самому уйти изъ плѣна и избѣгнуть участи, постигшей его друга.

Проснувшись утромъ, онъ увидѣлъ, что капитанъ уже всталъ и что-то пишетъ.

— Вотъ вамъ письмо, — сказалъ озабоченно Дрозъ: — отнесите его къ Ламиралу, и желаю вамъ всякаго успѣха и благополучія. Меня же, къ сожалѣнію, сейчасъ вызываютъ къ генералу; онъ посылаетъ меня на слѣдствіе въ другое мѣсто. До свиданія.

— А узнали вы что-нибудь о моемъ товарищѣ Перовскомъ? — спросилъ Ильѣ.

— Справлялся, — отвѣтилъ сухо Дрозъ: — по бумагамъ ничего не видно, хотя я рылся немало; дѣлъ теперь столько, столько...

Капитанъ ушелъ; Тропининъ, при помощи его денщика, умылся, побрился и пошелъ на Никитскую, въ домъ Позднякова.

Бывшій навеселѣ съ утра, режиссеръ Ламираль не долго съ нимъ говорилъ. Онъ провель Илью за кулисы и безъ дальнихъ словъ предложилъ ему заняться изображеніемъ декораціи какой-то итальянской виллы. Краски въ горшкахъ и огромныя кисти были готовы. Илья надѣлъ фартукъ, растянулъ на полу холсты и принялся за работу. Онъ трудился, не разгибая спины, весь день. Вечеромъ его позвали обѣдать въ сосѣдній домъ, гдѣ помѣщались, изучали роли и продовольствовались набранные для театра актеры и актрисы. Такъ прошло нѣсколько дней. Илья пытался въ это время заговорить со своими новыми сожителями объ участи плѣнныхъ вообще и тѣхъ, которые попадали на Дѣвичье поле, къ маршалу Даву. Веселые и беззаботные артисты, при такихъ вопросахъ, вмѣгъ смолкали и, поднимая глаза къ небу, смущенно говорили:

— Ужасы! Разстрѣливаютъ и вѣшаютъ ежедневно, безъ суда.

Дрозъ раза два еще навѣщалъ работы Ильи и сильно его хвалилъ, потомъ окончательно исчезъ. Его надолго прикомандировали къ какой-то комиссіи, въ другой части города, у Сухаревой башни. Холсты для декорацій, между тѣмъ, были почти готовы. Ламираль готовилъ веселья и, какъ говорили, любимыя Наполеономъ пастушескія оперетки, съ переодѣваньями, въ которыхъ остановка была только за декораціями. То были пьесы: *Martin et Frontin*, *Les folies amoureuses* и *Guerre ouverte*. Онъ съ важностью объявилъ Ильѣ, что весьма доволенъ его работою. За опереткой Ламираль затѣялъ даже поставить нѣчто въ родѣ небольшого балета. Потребовались новыя декораціи, за которыми Илья просидѣлъ опять довольно долго. Подъ видомъ наблюденія за театромъ, сюда, полюбезничать съ плѣнными танцовщицами, заѣзжали разныя французскія власти, въ томъ числѣ и самъ король Мюратъ. Къ Ильѣ привыкли и ему довѣряли. Онъ рѣшилъ этимъ воспользоваться и однажды отпросился у режиссера—провѣдать Дроза. Ламираль къ послѣднему имѣлъ, кстати, одно неоконченное дѣло по театру. Онъ далъ Ильѣ къ нему письмо, а для свободнаго прохода къ Сухаревой башнѣ досталъ ему отъ коменданта охранный листъ. Это было вечеромъ, въ концѣ сентября. Въ этотъ день артистовъ слова навѣстилъ Мюратъ, и Илья былъ личнымъ свидѣтелемъ его ухаживанья за черноглазою, статною танцовщицей Лизой. На всѣ любезности вѣщан-

наго селадона неуступчивая плясунья, бѣшено сжимая кулаки и плача, отвѣчала:

— Сгинь ты, тѣфу, чортъ пучеглазый! пусти душецку па покаяніе!

Король, не понимая ся, милостиво улыбался.

Погода стояла прохладная. Тропининъ невдали отъ Сугаревой башни, на Садовой, обогналъ французскаго молодого рекрута изъ эльзасцевъ. Нѣмецъ-солдатикъ шелъ, съ сумкой и съ ружьемъ на плечѣ, устало посматривая по сторонамъ и какъ бы нища дороги. Илья заговорилъ съ нимъ и узналъ, что рекрутъ былъ посланъ изъ Кремля, съ бумагами въ Лефортово, гдѣ во дворцѣ былъ устроенъ главный французскій госпиталь.

— А вы куда? — спросилъ Илью румяный, съ ямочками за щекахъ, бѣлокурый эльзасецъ.

— И мнѣ туда же, — подумавъ, объявилъ Тропининъ.

— Отлично, господинъ, веселіе будетъ, идемъ... А я, какъ видите, сбился въ сторону и таки порядочно притомился... Не совсѣмъ ладно; лошади дохнуть, какъ мухи осенью, и теперь все приходится ишккомъ... Вы, не правдали, штабный?

— Да, разсылный, какъ и вы.

— Но у васъ сапоги будутъ поновѣе.

— Дали въ награду.

— Отлично, и мы заслужимъ, вмѣсто этого тряпья, — произнесъ солдатъ, поглядывая на свои худые, обвязанные веревочками, сапожонки.

Новые знакомцы, бесѣдуя, миновали Басмашную и, черезъ Нѣмецкую улицу, вышли за Лузу. Окончательно стемнѣло. Тропининъ въ сумракѣ указалъ спутнику на освѣщенныя окна лефортовскихъ зданій. За дворцовымъ садомъ и церковью Петра и Павла, у ручья Синички, какъ онъ зналъ, было загородное введенское кладбище. Илья помнилъ эти мѣста, такъ какъ, во время студенчества, не разъ навѣщалъ въ этихъ мѣстахъ одного товарища.

— Что, другъ, не зайдете ли и вы со мной въ госпиталь? — спросилъ, отирая лицо, солдатъ: — тамъ общали меня угостить бульономъ выздоравливающихъ и ихъ виномъ... говорятъ, прелесть, особенно уставши...

— Нѣтъ, лучше вы меня проводите вонъ до той церкви, — сказалъ, осматривался, Илья: — поздновато, я хоть и штаб-

пый, но безъ оружія; съ вами будетъ спокойнѣе!.. здѣсь, слышно, пошалаиваютъ мародѣры...

— Охотно. Но странно, — замѣтилъ солдатъ: — я уже однажды былъ здѣсь и даже вотъ у этой церкви; тамъ еще стояла на-дняхъ артиллерія. Теперь же кругомъ такъ тихо, точно иду здѣсь впервые; спасибо, что вы провели, я, знаете ли, близорукъ и плохо помню мѣста.

— Мнѣ къ командиру этой артиллеріи, — спокойно сказалъ Илья.

— Отлично, пойдѣмъ.

Солдатъ и Илья направились къ церкви Петра и Павла. Невдали отъ нея, ихъ окликнулъ часовой почной цѣпи. Путники отвѣтили, что идутъ по службѣ.

— Куда?

— Въ церковный домъ, — отвѣтилъ Илья.

— Кой чортъ, въ такую пору! — проворчалъ конный гренадеръ, наскакивая на нихъ впотъмахъ и приглядываясь къ нимъ съ сѣдла: — куда лѣзете? въ этой глуши шныряютъ казаки; еще отнимутъ ружье и ограбятъ васъ, если не будетъ и хуже, того.

— Будь спокоенъ, другъ, насъ двое! — смѣло проговорилъ Илья, шлепая далѣе по липкому и скользкому переулку, у сада: — не на такихъ панадутъ.

— Помните, тамъ уже конецъ ведѣтовъ.

XXIX.

Миновавъ госпиталь и часть поля, путники дошли до церковной ограды. Кругомъ было мертвенно-пустышно. Вѣтеръ шумѣлъ въ вершинахъ березъ, окружавшихъ ограду.

— Ну, дорогой мой, идите обратно, я васъ догоню или найду въ госпиталѣ, — сказалъ Илья солдату, между тѣмъ мысли: — «Не вырвать ли у него ружье и не приколотъ ли его здѣсь, наединѣ, чтобъ убѣжать успѣшнѣе?»

— Да къ кому же это вы? — спросилъ Илью солдатъ, съ удивленіемъ убѣдившись, что ни возлѣ церкви, ни за нею не было признаковъ артиллеріи, стоявшей здѣсь на-дняхъ: — или, — засмѣялся онъ: — ваше порученіе къ покойникамъ?

«Приколотъ?.. — опять пробѣжало въ мысляхъ Ильи, — что какъ онъ догадался и дать знать часовымъ цѣпи?»

Солдатъ въ это время положилъ ружье и оправлялъ на ногахъ веревочки. Илья помедлилъ.

«Нѣтъ, — рѣшилъ онъ, — иди себѣ съ миромъ, добрый, бѣ-

локурый нѣмчикъ; ты противъ воли попалъ въ полчище этого злодѣя; Богъ съ тобой!»

— Неужели вы не видите? — спокойно сказалъ онъ: — вонъ домишко между деревьями; огни погашены; командиръ, очевидно, спитъ, не спятъ часовые; ихъ отсюда не видно... Я разбужу, кого мнѣ надо, отдамъ бумаги и васъ еще догоню.

— До свиданія; и то правда! я такъ близорукъ, что иной разъ думаю: пу, зачѣмъ взяли въ рекруты такую слѣпую курицу? Кстати, разузнайте у вашихъ артиллеристовъ, скоро ли, наконецъ, отпустятъ насъ съ вами домой? Можетъ-быть, они знаютъ; да берегитесь, не подстрѣлили бы васъ какой часовой.

— Спрошу непременно и буду беречься.

Солдатъ пошелъ обратно. Илья прислушался къ его шагамъ, бережно миновалъ церковь, прилежъ за оградой и снова сталъ слушать. Вѣтеръ то затихалъ, то опять шумѣлъ, качая верхи деревьевъ. Вправо и влѣво отсюда раздавались оклики сторожевой цѣпи, вилоть до берега Спички. Сзади, надъ городомъ, стояло зарево. Широкимъ пламенемъ загорѣлась мѣстность, къ сторонѣ Басманной, гдѣ онъ такъ недавно прошелъ.

«Неужели я проскользну за вражескую черту?— съ лихорадочною дрожью подумалъ Илья, — и въ самомъ ли дѣлѣ мнѣ удастся это затѣянное безумное бѣгство? Нѣтъ, солдата могутъ остановить и спросить, куда дѣлся его недавній спутникъ; часовые поймутъ, что ихъ обманули, и бросятся меня искать... Скорѣе, скорѣе далѣе...»

Тропинки въскочилъ на ноги. Онъ, нагнувшись, поползъ, потомъ побѣжалъ, самъ не зная, куда. Спотыкаясь впотьмахъ о рытвинны и попадая въ лужи, онъ опомнился, когда увязъ по колено въ какихъ-то кочкахъ. То былъ берегъ Спички. Илья заползъ въ высокую траву, выбралъ болѣе сухое мѣсто и рѣшился здѣсь ждать утра. Его нога опять разболѣлась.

«Да, не уйти мнѣ, — мыслилъ онъ, — напрасная мечта! ноймаютъ, захватятъ и отведутъ обратно; а тамъ, можетъ-быть, откроется и дѣло о колодѣ... Боже! дай силы, дай мнѣ жить, на счастье осиротѣлой семьи, въ прославленное Твое!»

Прошло болѣе часа. Ночь, въ отблескѣ дальнихъ пожарницъ, казалась еще мрачнѣе. Тропинки забылся въ ли-

хорадочной дремотѣ. Вправо за кустами какъ бы что-то побѣдло.

«Неужели разсвѣтъ?» — подумаль онъ, приподнимаясь въ травѣ.

Кругомъ было еще темно, только плесо ручья и часть ближней рощи были освѣщены вышедшимъ изъ-за облаковъ мѣсяцемъ. Илья зналъ, что къ рощѣ, за ручьемъ, примыкало введепское кладбище, а далѣ шли овраги, сплошной лѣсъ и поля.

«Пора, пора!» — сказалъ онъ себѣ, раздѣлся, придержививалъ надъ головой одежду и обувь, вошелъ въ воду и, медленно оцупывая ногами болотное дно, направился къ другому берегу. Онъ нѣсколько разъ скользилъ, оступался и чуть не выронилъ платя. На серединѣ ручья холодная, какъ ледъ, вода была ему по горло. Ручей сталъ мельче. Илья еще подался и, дрожа всею тѣлою, вышелъ на ту сторону. Обтершись кое-какъ травой, онъ одѣлся, обулся и ползкомъ направился къ кладбищу. Мѣсяцъ скрылся. Долго пробирался Илья; наконецъ, невдали онъ примѣтилъ деревья и кресты кладбища. Запыхавшись и согрѣвшись отъ движенія, онъ забрался между могилъ и сталъ обдумывать, что ему дѣлать далѣе? Такъ лежалъ онъ долго. Окликъ часовыхъ здѣсь уже не было слышно. Снова стало виднѣе.

— Нѣтъ, надо уйти до разсвѣта, — сказалъ себѣ Илья: — заберусь хоть въ ближній лѣсъ.

Онъ всталъ и бережно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Вправо, между могилъ послышался шорохъ. Илья вздрогнулъ и въ ужасѣ сталъ присматриваться.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, полуосвѣщенный мѣсяцемъ, образовался высокій, бородатый, въ истрепанномъ подрясникѣ, человекъ. Незнакомецъ былъ, очевидно, также смущенъ. При видѣ французской военной шинели и такой же фуражки Ильи, онъ долго не могъ выговорить ни слова.

— Врагъ ты, или другъ? (*Utrum hostis, an amicus es?*) — проговорилъ по-латыни густымъ, дрожащимъ басомъ незнакомецъ: — взгляни и пощади! (*respice et parce!*) — жалобно прибавилъ онъ, указывая на ребенка, лежавшаго у его ногъ, въ травѣ.

«Вѣроятно, кладбищенскій священникъ! — радостно подумаль Илья, — принимаетъ меня за француза».

— Успокойтесь, батюшка, я самъ русскій, — отвѣтилъ

Илья:—и такой же несчастный, какъ, очевидно, и вы! мое имя—Илья Тронининъ.

— Я же дьяконъ, Савва Скворцовъ, изъ Кудрина, а это мой племянникъ! — сказать незнакомецъ: — что испытать, страшно и передать. Грабители, охъ, Господи, сожгли домъ! — это бы еще ничего; отняли все имущество — и это преходящее дѣло; нагъ родился, нагъ и остался. Но они, въ мое отсутствіе, увели мою жену... Поля, Подличка, гдѣ ты?—тихо проговорилъ, всхлипывая, дьяконъ.

Онъ, ухватясь за голову, опустился на могильную плиту. Его плечи вздрагивали. Проснувшійся племянникъ испуганно глядѣлъ на дядю и стоявшаго передъ нимъ Илью.

— Какъ завидѣлъ васъ, — проговорилъ дьяконъ: — ну, думаю, поискъ, ихній патруль, опять въ ихъ рукахъ, конечно... а тутъ вы встали, да прямо на меня... Душа подчасъ, какъ видите, бrenна, хоть тѣломъ я и Самсонъ... и за всѣ ихъ злодѣйства, вотъ такъ бы, хоть и слуга алтаря, съ ножемъ пошелъ бы на нихъ.

Тронининъ разсказалъ о своемъ плѣнѣ.

— Не подобаетъ мнѣ клястись, ваше благородіе, — произнесъ дьяконъ Савва: — самъ вижу! только я поклялся... Искать я жену вездѣ въ ихъ вертенахъ, ходилъ, подавалъ просьбы ихъ начальству и маршаламъ, — еще и смѣются. Взялъ я тогда этого прещороченнаго мнѣ сироту, вышелъ сегодня огородами, думалъ на Андроніевъ монастырь, да заблудился, — пошелъ сюда. Дай Господи дотянуть до своихъ, сдать племянника. Попомнить, изверги, Савву.

— Вамъ, отецъ дьяконъ, куда?

— На Коломну.

— И мнѣ туда же, на Рязань; моя семья въ моршанскомъ уѣздѣ.

— Не будемъ же, сударь, терять времени, — сказалъ дьяконъ: — коли угодно, вмѣстѣ двинемся съ Богомъ въ путь; кажись, разсвѣтастъ.

Путники миновали поляну и вошли въ лѣсъ. Долго они пробирались чащей деревь и кустами. Утро ихъ застало у прогалины, на которой стояла пустая лѣсная сторожка. Они ее обошли и рѣшили отдохнуть у озера, въ гущинѣ лѣса. У дьякона оказалось нѣсколько сухарей. Они закусили, напились и, остерегаясь встрѣчи съ врагами, просидѣли здѣсь до заката солнца. Савва разсказалъ Ильѣ, что

опъ кончилъ ученіе въ семинаріи, былъ нѣсколько лѣтъ пѣвчимъ въ Чудовѣ, женился только весною и, въ ожиданіи священническаго мѣста, пока былъ поставленъ въ дьяконы. Его горю, при воспоминаніи о женѣ, не было границъ. Онъ твердилъ, что, едва сдасъ роднымъ племянника, готовъ взять оружіе и идти на враговъ; авось примутъ въ ополченіе. Вечеромъ путники двинулись снова въ дорогу, шли всю ночь и, утромъ слѣдующаго дня, радостно слышали собачій лай. Невдали передъ ними, за лѣсомъ, сталъ виденъ поселокъ. Кто въ немъ? Свои или чужіе? Они вышли на владимірскую дорогу.

XXX.

Стоя на грозномъ допросѣ передъ маршаломъ Даву, Перовскій, наконецъ, разобралъ и понялъ то важное и роковое, что о немъ говорилъ адъютантъ герцога, Оливье.

— Этотъ господинъ, — почтительно сказалъ Оливье: — я отчетливо и хорошо это помню, — моложе и ниже ростомъ того плѣннаго, о которомъ ваша свѣтлость спрашиваете.

Точно снопомъ солнечныхъ лучей блеснулъ въ глаза Перовскому; полное ужаса, гнетущее бремя скатилось съ его груди. Онъ съ усиленіемъ перевелъ дыханіе, стараясь не проронить ни слова изъ того, что далѣе говорилъ передъ нимъ его нежданннй защитникъ.

Лицо маршала, къ удивленію Базиля, также прояснѣло. Въ немъ явилось нѣчто, менѣе угрюмое и жесткое.

— Но вы опять мямлите, — сказалъ адъютанту герцогъ, будто не желая поддаться осѣнившему его доброму впечатлѣнію: — у васъ вѣчно, чортъ возьми, точно недоѣденная каша во рту...

— Тотъ плѣнный, ваша свѣтлость, — также почтительно и мягко проговорилъ Оливье: — былъ головою выше этого господина... я какъ теперь его вижу... Онъ былъ въ морщинахъ и съ родимымъ пятномъ на щекѣ... ходилъ переваливаясь. И если бы вамъ, — продолжалъ дрогнувшимъ голосомъ и поблѣднѣвъ Оливье: — не угодно было мнѣ повѣрить, я готовъ раздѣлить съ этимъ плѣннымъ ожидающую его судьбу.

— Довольно!.. — рѣзко перебилъ Даву: — въ вашемъ великодушіи не нуждаются; а вы, — обратился онъ къ Перовскому: — какъ видите, спасены по милости этого моего подчиненнаго... Можете теперь идти къ прочимъ вашимъ товарищамъ.

Перовскій неподвижно стоялъ нѣсколько мгновеній, вглядываясь въ Даву, который, очевидно, былъ доволенъ и своимъ рѣшешемъ и растерянностью своего илѣннаго. Не кланяясь и не произнося ни слова, Базиль обернулся и, пошатываясь, направился къ двери. Какъ его затѣмъ провели на крыльцо, указали ему калитку въ садъ и сдали на руки стражи, оберегавшей жилище илѣнныхъ, онъ едва сознавалъ.

Арестанты маршала помѣщались въ недостроенномъ деревянномъ флигелѣ, покрытомъ черепицей, но бывшемъ еще безъ половъ и печей.

Не доходя до этого зданія, Базиль услышалъ нѣнне и гулъ голосовъ тѣхъ, кто въ немъ помѣщался. Здѣсь были захваченные на улицахъ и при выходѣ изъ Москвы торговцы, господскіе слуги, подозрѣваемые въ грабежъ и въ поджогахъ чернорабочіе, два-три чиновника и нѣсколько военныхъ и духовныхъ лицъ. Между послѣдними Перовскій разглядѣлъ и толстяка, баталовскаго дворецкаго, Максима; тотъ, увидя его, заплакалъ. Люди изъ простонародья коротали свои досуги мелкими работами на французовъ и добываніемъ для себя харчей, а выпросивъ у французовъ водки и подвыпивъ, — зашныривали нѣснями. Дворянскій, духовный и купеческій отдѣлы флигеля были благообразнѣе и тише. Большинство здѣсь заключенныхъ сидѣли молча и мрачно, понурившись или вполголоса бесѣдуя о томъ, скоро ли конецъ войны и ихъ плѣна. Здѣсь Базиль узналъ, что Наполеонъ, съ цѣлю поднятія раскольниковъ, посѣтилъ преображенскій скитъ, а на-дняхъ призвалъ къ себѣ во дворецъ продавицу дамскихъ нарядовъ съ Дмитровки, Оберъ-Шальмё, и что эта «оберъ-шѣльма», какъ ее звали москвичи, толковала съ нимъ объ объявленіи воли крестьянамъ.

Перовскій увидѣлъ, что во флигелѣ, въ отведенномъ ему углу, ему приходилось спать на голой землѣ. Тутъ къ нему съ услугами обратился румяный, рослый и постоянно веселый мальш, котораго звали Сенька Кудынычъ. Съ рыжеватыми, кудрявыми волосами, сѣрыми, смѣющимися глазами, тотъ, какъ узналъ Базиль, лакей какой-то графини, обиталъ на половинѣ чернорабочихъ, гдѣ особенно голосисто заиѣвалъ хоровыя нѣсни. Онъ, добродушно поглядывая на Базилья, безъ его просьбы наносилъ ему изъ сада сухихъ

листьями, парвалъ травы и живо изъ этихъ припасовъ устроилъ ему постель. Скамы бѣлые, точно выточенные изъ слоновой кости, зубы и приговаривалъ: «вотъ такъ будовать! только шлафрока да туфельковъ иѣту; заснете, ваша милость, какъ на пуховичкѣ!»—онъ даже подмелъ вокругъ этой пестели и посыпалъ пескомъ. Разговаривая съ нимъ, Базиль узналъ, что у Кудиныча была вазноба, горничная его графини, Глаша, и, по его просьбѣ, написалъ ей, отъ его имени, письмо. — «Но какъ же ты ей приидешь письмо?» — спросилъ онъ его. Сенька отвѣтилъ: «не въкъ тутъ будемъ сидѣть; уловъ не уловъ, а обрыбиться надо!» — и спряталъ письмо за голенище.

Въ первые дни своего пребыванія въ садовомъ флигелѣ, Перовскій, какъ и прочіе плѣнные, ходилъ, въ сопровожденіи конвоя, въ окрестные огороды и сады, на Москвѣ-рѣкѣ, собирать картофель, капусту и другіе, тогда еще не расхищенные овоицы. Плѣнныхъ отпускали также въ мясное депо, т.-е. на бойню, устроенную невдале, въ переулкѣ, на Прѣснѣ, гдѣ они помогали французамъ въ убиваніи и свѣжеваніи приводимыхъ фуражирами великой арміи коровъ, быковъ и негодныхъ для службы лошадей, причемъ на долю плѣнныхъ доставались разные мясные отбросы и требуха. Кудинычъ въ такіа командировки особенно всѣхъ потѣшалъ своими иѣснями и шутовскими выходками. Вскорѣ, однако, эта фуражировка прекратилась. Припасы у французовъ сильно истончились. Плѣнныхъ стали кормить только сухарями и крупой.

Однажды,—это было недѣли черезъ двѣ послѣ водворенія въ садовомъ флигелѣ мялюковской фабрики,—Перовскій замѣтилъ особое оживленіе и суету у квартиры Даву. Онъ понялъ, что у французовъ готовилось иѣчто особенное. Изъ сада было видно, какъ у дома, занимаемаго маршаломъ, сновали адъютанты, по двору бѣгали ординарцы и куда-то скакали верховые. — «Походъ, походъ! — радостно говорили другъ другу арестованные:—насъ, очевидно, рѣшили размѣнять и отправить на аваниосты».

Было утро 17-го сентября. Русскихъ плѣнныхъ вывели изъ ихъ жилища, сдѣлали имъ перекличку и повели, по не въ Рогожскую или Серпуховскую заставу, а въ Дорогомиловскую. Здѣсь они увидѣли еще иѣсколько сотъ другихъ плѣнныхъ, содержавшихся до тѣхъ поръ въ иныхъ мѣстахъ Москвы. — «Васъ куда?» — спрашивали товарищей плѣнные

герцога Даву. — «Не знаемъ...» — Подъѣхалъ верхомъ толстый, озабоченный генералъ. Опъ бѣгло осматрѣлъ плѣнныхъ и далъ знакъ. Прогремѣлъ барабанъ, часть конвоя стала впереди отряда; другая—сзади его. Раздалась команда, и всѣ двинулись по пути къ старой смоленской дорогѣ. — «Да, вѣдь, это опять къ Можайску,—толковали плѣнные:—неужели французы отступаютъ?» — Одни радовались, другіе молча вздыхали.

Отрядъ прошелъ верстъ десять. Перовскій разглядывалъ пеструю, двигавшуюся рядомъ съ нимъ и впереди его толпу. Двое изъ плѣнныхъ русскихъ офицеровъ, въ этомъ отрядѣ, еще ѣхали въ собственной коляскѣ одного изъ нихъ, приглашая въ нее оставшихъ на пути товарищей. При этомъ нѣсколько переходовъ и Василию довелось проѣхаться съ ними. Опъ радовался и удивлялся этой льготѣ, видя, что и другіе плѣнные, слуги и торговцы, которыхъ по бородѣ считали за передѣтыхъ казаковъ, были также не лишены разныхъ снисхожденій отъ своихъ надсмотрщиковъ. У купцовъ оказалась запасная провизія и даже чайникъ для сбитня. Дворовые же разныхъ баръ, въ томъ числѣ баталовскій Максимъ и Сенька Кудиничъ, шли еще въ собственныхъ фракахъ, ливреяхъ, ботфортахъ и даже въ шляхахъ съ гадуномъ и плюмажами. Льготы вскорѣ, однако, прекратились. Передъ однимъ изъ приваловъ, высокій, рябой и плоскогрудый, съ женскою мантилей на плечахъ, начальникъ конвоя, подойдя къ офицерамъ, ѣхавшимъ въ коляскѣ, молча взялъ одного изъ нихъ за руку, вывелъ его въ дверцы, потомъ другого и, спокойно помѣстившись со своимъ помощникомъ въ экипажѣ, болѣе туда уже не допускалъ его хозяевъ.

Прошли еще нѣсколько верстъ. Къ ночи пошелъ дождь и подулъ рѣзкій, студеный вѣтеръ. На привалѣ всѣ сильно продрогли. Разбуженный на зарѣ, Базиль увидѣлъ, какъ медленно, въ туманномъ разсвѣтѣ, поднимался и строился къ дальнѣйшему походу отрядъ. Ливрей и шляпъ на плѣнныхъ лакеяхъ уже не было, и они, въ большинствѣ, поплелись по грязи полураздѣтые и босикомъ. Мелкій, холодный дождь не прекращался. Базиль прозлѣбъ, хотя надѣялся отъ движенія согрѣться. Но, едва отрядъ двинулся къ какому-то мосту, конвойный фельдфебель остановилъ Базилья у входа на этотъ мостъ и, предложивъ ему сѣсть у дороги, вѣжливо снялъ съ него крѣпкіе его сапоги и, похлопывая по нимъ

рукою и похваливая ихъ, бережно надѣлъ на себя, а ему дать свои опорки. Базиль, опасаясь болѣе наглыхъ пасилій, рѣшилъ до времени это снести. Онъ пошелъ далѣе, обернувъ полученные опорки какими-то тряпками. Баташовскій дворецкій, въ первый день плѣна такъ радушно угощавшій Базиля, шелъ также въ однихъ портянкахъ.

— И съ тебя сняли сапоги?—спросилъ его Перовскій.

— Сняли,—безучастно отвѣтилъ Максимъ.

— А скажи, такъ, откровенно, между нами: ты тогда, помнишь, какъ стоялъ Мюратъ, поджѣгъ вашъ дворъ?

Дворецкій оглянулся и подумать.

— Я,—отвѣтилъ онъ, вздохнувъ.

— Кто же тебя надоумилъ?

Максимъ поднялъ руку.

— Вотъ кто,—сказалъ онъ, указывая на небо:—да графъ Осдоръ Васильевичъ Растопчинъ; онъ призывалъ кое-кого изъ насъ и по тайности сказалъ: какъ войдутъ злодѣи, понимаете, ребята? начинайте съ моего собственнаго дома на Лубянкѣ. Мы и жгли...

Дождь вскорѣ смѣнился морозомъ. Дорога покрылась глыбами оледенѣлой грязи. Изнеможенные, голодные, съ израпленными, босыми ногами, плѣнные стали отставать и падать по дорогѣ. Ихъ поднимали прикладами. Привалы замедлились. Конвойные офицеры выходили изъ себя. Тогда начались извѣстные безобразныя сцены молчаливаго пристрѣливанія французами большихъ и отсталыхъ русскихъ. Это, какъ замѣтилъ Перовскій, начали совершать, большею частью, при подъемѣ отряда съ ночлега, впотѣмахъ. Впервые слышавшій, одиночные выстрѣлы сзади поднятаго и снова двигавшагося отряда, Перовскій спросилъ одного изъ шедшихъ близъ него конвойныхъ, что это такое? Солдатъ, мрачно хмурился и пожимая плечами, отвѣтилъ: «Ночная похлебка вашихъ собратій!» («Soupe de minuit de vos confrères»).

Содрогаясь при повтореніи этихъ звуковъ, Перовскій со страхомъ сталъ поглядывать на свои босыя, обернутыя тряпьемъ ступни.—«Боже!—усталъ онъ,—долго ли разболѣться и мучить бѣднымъ, усталымъ ногамъ? эта участь, эта ночная похлебка ждетъ и меня!»—Онъ, въ такія мгновенія, вынималъ съ груди образокъ, давнѣй А вѣрой, и горячо на него молился.

На одномъ изъ приваловъ Базиль, идѣвъ вспыхнувшіе

въ темнотѣ одиночные огни и услышавъ эти знакомые, роковые выстрѣлы, не утерпѣвъ и съ укоризной обратился къ начальнику конвоя.

— Какъ можете вы, капитанъ, допускать такое безчеловѣчье?—сказалъ онъ:—у моихъ товарищей отняли эквипажъ, у меня сняли сапоги; это еще понятно, — право сильнаго... но неужели вамъ предписаны эти убійства?

— Воля императора, — сурово отвѣтилъ конвойный офицеръ.

— Но чѣмъ можетъ быть оправдано такое звѣрство? и чѣмъ, извините, это лучше возмездія индѣйскихъ каннибаловъ, съѣдающихъ своихъ незащитныхъ плѣнныхъ?

Офицеръ, оправляя на себѣ воротникъ, жавшій ему щеки, покосился на жалкую обувь Черовскаго.

— Послушайте! вы непозволительно рѣзко выражаетесь, — строго отвѣтилъ онъ:— берегитесь! тѣмъ болѣе, что всякъ изъ васъ, въ томъ числѣ и ты, можете подвергнуться тому же.

Онъ помолчалъ.

— Вы насъ укоряете, наконецъ, въ насиліяхъ, — заключилъ онъ:— но сами же вы во всемъ виноваты; вы безразсудно сожгли соборенныя села и города; госпиталей и аптекъ у васъ нѣтъ. Куда же, скажите, дѣвать намъ вашихъ же немощныхъ и больныхъ? сдавать вашимъ партизанамъ? слуга покорный! Вы отлично поймете, что отсталые и больные оправятся, а оправясь, нанесутъ намъ неисчислимый вредъ. Необходимость каждой войны... а вы—ся зачинщики...

Лежа въ бурю и стужу на мерзлой землѣ и чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще слыша ужасные, каждый день повторявшіеся выстрѣлы, Черовскій съ ужасомъ увидѣлъ, что его ноги разболѣлись и стали пухнуть. Онъ опасался заснуть, чтобы во спѣ не отморозить ногъ. Забываясь краткою, тревожною дремотой, онъ вскакивалъ въ испугъ и начиналъ ходить, стараясь себя размять и отогрѣть.

Отрядъ съ плѣнными миновалъ Можайскъ и подошелъ къ Бородину. Здѣсь, пятьдесятъ два дня назадъ, въ присутствіи Черовскаго, гремѣло столько орудій и пало столько мертвыхъ и раненыхъ. Неудали же отсюда, изъ Новословки, три съ половиною мѣсяца назадъ, Базиль уѣзжалъ въ армію, такой счастливый и съ такими свѣтлыми надеждами. Стало таять.

Былъ вѣтренный, холодный вечеръ. Начиналъ опять накрапывать дождь. Окоченѣлые отъ стужи плѣнные и ихъ

проводятыя обрадовались привалу, прилегли въ обгорѣлыхъ остаткахъ какой-то деревушки, невдали отъ обширнаго холма, по бокамъ и у подошвы котораго во множествѣ еще валялись неубранныя тѣла людей и лошадей. — «Боже мой! — сказалъ плѣнный русскій офицеръ, у котораго отняли коляску:—смотрите, я узналъ... вѣдь это—курганная батарея Раевского!»—Базиль вспомнилъ Наполеона, скакавшаго сюда со свитой на бѣломъ конѣ.

Едва плѣнные прилегли, между ними неожиданно раздалась захватская плясовая пѣсня. Иные встрѣтили ее дружнымъ хохотомъ. Пѣлъ веселый верзило Сенька Кудиничъ. Онъ, вскидывая руки вверхъ и глядя на свои ноги, плясалъ и приговаривалъ:

Сидитъ сова на печи,
Крылышками треплючи;
Ноженьками топъ, топъ,
Оченьками лопъ, лопъ.

Сенька, очевидно, продѣлывалъ ногами и глазами то, о чемъ пѣлъ, такъ какъ смѣхъ слушателей не прекращался.

Перовскій съ содроганіемъ слушалъ это лакейское шутовство. Онъ размоталъ тряпки на своихъ ступняхъ, приподнял ихъ и увидѣлъ, что его ноги, отъ колѣнъ до подошвъ, были покрыты ссадинами, а кое-гдѣ даже и ранами. Въ тотъ день онъ былъ очень голоденъ и сильно обрадовался полугнилой луковицѣ, найденной въ сору деревушки, гдѣ остановили плѣнныхъ.—«Погибъ я, погибъ!»—думалъ онъ, безучастно глядя на французскихъ солдатъ, которые, тѣмъ временемъ, пустились рыться въ пепелъ и соръ деревушки, также отыскивая тамъ жалкіе остатки съѣдомаго. Рослый фельдфебель, снявшій съ Базиля сапоги и въ послѣднее время ходившій въ заячьей женской душегрѣйкѣ и въ бѣлой, гдѣ-то добытой шелковой муфтѣ, взялъ часть конвойныхъ и съ торжествомъ повелъ ихъ къ редуту.

Въ сумеркахъ вечера оттуда послышались странные звуки, точно тамъ, на безлѣсномъ холмѣ, рубили дрова.

— Рубятъ ноги мертвецамъ! — усмѣхнулся, подсаживаясь къ Перовскому, Кудиничъ:—сапоги сымаютъ.

— Ну, такъ что же,—отвѣтилъ, заплетая себѣ ноги, Базиль:—мертвому все равно...

— А какъ ѣсть еще живъ?

— Кто?—удивился Базиль.

Кудинычъ опять оскалилъ зубы.

— Да мертвецъ-то,—сказалъ онъ.

— Полно, Семень, почти два мѣсяца прошли.

— Не вѣрите, баринъ? Давеча Прошка, Архаровыхъ буфетчикъ, набрелъ въ партіи, у Татаринова, что ли, на одного такого же убитаго, ткнулъ его, этакъ-то на ходу, ступней, а ёнъ и охнулъ... живъ! Мы къ нему: чѣмъ ты, сердечный, жиль столько дѣнь? Я, говорить, ребятушки, лазилъ ночью, вынималъ изъ сумокъ у настоящихъ мертвыхъ сухари и фль.

— Куда же вы его?—спросилъ Базиль.

— Кого?

— Да этого-то живого?

— А куда же!—отвѣтилъ Кудинычъ:—ёнъ все просилъ,—прекратите вы меня, ради Христа; выходитъ,—добейте; ну, куда? не всѣ наши разбѣжались, авось его найдутъ и сберегутъ.

XXXI.

Отрядъ плѣнныхъ достигъ Краснаго. Невдали отъ него, Перовскій убѣдился, что силы окончательно ему измѣняются. Онъ уже едва тащился, не помня и не сознавая, какъ и гдѣ онъ шель. То онъ видѣлъ себя впереди отряда, то чуть не сзади всѣхъ. Его била лихорадка, попеременно бросая его въ холодъ и жаръ. Онъ пришелъ къ ясному и безповоротному убѣжденію, что его конецъ близокъ. Въ тотъ день французы пристрѣлили еще нѣсколько отсталыхъ. Смеркалось.

Перовскій, въ бреду, въ полузабытѣ, шагаль изъ послѣднихъ силъ. Онъ, замирая, вглядывался въ придорожныя, безлистья вербы, къ которымъ приблизился отрядъ, и съ болѣзненнымъ трепетомъ соображалъ, у какой же именно изъ этихъ вербъ онъ окончательно пристанеть, упадетъ, и его безжалостно пристрѣлятъ?

— Баринъ, — раздался возлѣ него знакомый голосъ Кудиныча.

Перовскій испуганно обернулся.

— Чтò тебѣ?—спросилъ онъ.

— Тише, баринъ,—проговорилъ вполголоса Кудинычъ:—вижу, вы измаялись; моченьки нѣту и моей... замыслилъ я, сударь, бѣжать; такъ мнѣ все теперь равно, возьмите мои лапти.

— Какъ лапти? а тебѣ?—возразилъ, не останавливаясь, Перовскій: —опомнись, гдѣ тутъ думать о побѣгѣ? поймаютъ, убьютъ...

— Одна, ваше благородіе, смерть!—отвѣтилъ Кудінычъ:— впередъ ея наживайся, — придетъ, не посторонись; сподобить Господь, уйду и въ подвѣрткахъ! а это — снаружи только лапти, а снутри валенки... оченно удобно! Вотъ и приваль...

Отрядъ въ это время подошелъ къ опушкѣ лѣса и остановился. Кудінычъ проворно сѣлъ на землю и снялъ съ себя валенки.

— Извольте принять Сенькину память,—сказалъ онъ.

— Одумайся, Семень,—отвѣтилъ Базиль:—у тебя, павѣрное, есть мать, отецъ; когда-нибудь да увидѣлся бы съ ними, а такъ...

— Голякъ я, сударь, и сирота, какъ есть... а чтѣ за тѣялъ—исполню.

— Одумайся, говорю тебѣ, слѣдять за нами въ столько глазъ; поймають...

— Оно точно, налетаетъ топоръ и на сукъ; только увидите,—отвѣтилъ, загадочно куда-то посматривая, Кудінычъ:— валенки же, сударь, мнѣ Глаша про запасъ къ осени поднесла, какъ уѣзжала изъ Москвы съ господами; сапоги отняли французы, а въ этихъ дошелъ,—дойдете и вы.

Перовскій не возражалъ. Сенька помогъ ему переобуться. Ощущая невыразимую отраду отъ надѣтыхъ, просторныхъ, теплыхъ и оплетенныхъ сверху лыками валенокъ, Базиль даже не пошелъ къ общему котлу, а прилежъ въ затишѣ оврага, куда отъ вѣтра попрятались болѣе изморенные плѣнные, и крѣпко заснулъ.—«И у Сеньки своя зазноба!»—думалъ, засыпая, Базиль. Хмурый вечеръ, редутъ съ мертвыми тѣлами, конвойные и оврагъ — все исчезло. Передъ нимъ снова было лѣтнее небо, а на небѣ ни тучки. Базилю представилось, что онъ съ Авророй шелъ по какой-то зеленой, чудно-пахучей полянѣ. Голубые и розовые цвѣты сплошь застилали травяной коверъ. Съ небесной синевы неслись пѣсни жаворонковъ. Надъ поляной порхали бабочки, роились мухи и жучки.—«А молишься ли ты Покрову Божьей Матери?» — спросила Перовскаго Аврора. Онъ разстегнулъ мундиръ, сталъ искать иконку, которою, какъ онъ помнилъ, она благословила его на прощаньѣ, и не находилъ. Его пальцы судорожно бѣгали по груди, опускались въ карманы жилета и истрепанной, порванной его шинели. Онъ, смѣшавшись и не глядя на Аврору, думалъ: «Боже мой! да

гдѣ же образокъ? неужели я его потерялъ?.. и гдѣ, гдѣ?»— Аврора, пристально глядя на него, ожидала.

Кто-то сильно толкнулъ Перовскаго. Надъ его ухомъ раздался громкій, суровый окликъ. Онъ открылъ глаза. Надъ нимъ стоялъ, въ женской мѣховой кофтѣ и съ бѣлою шелковою муфтой на перевязи, фельдфебель. Начинаясь разсвѣтъ. Кругомъ опять моросилъ дождь.

— Въ дорогу, пора! экой соня! — твердилъ, теребя Перовскаго, фельдфебель.

Базиль быстро всталъ, оглянулся. Отрядъ уже былъ выстроенъ надъ окраинной оврага и готовился выступить. Но едва передовая часть плѣнныхъ двинулась и, волнуясь, вошла въ опушку лѣса, раздался выстрѣлъ, потомъ еще нѣсколько. Базиль вздрогнулъ, удивляясь, что знакомые ему выстрѣлы необычно послышались впереди, а не сзади отряда. Въ блѣдныхъ сумеркахъ утра, передъ опушкой лѣса, что-то суетилось. Базиль, пройдя еще нѣсколько шаговъ, разглядѣлъ, что часть конвоя, отдѣляясь отъ отряда, гналась за кѣмъ-то по лѣсу. Другіе осматривали что-то неподвижное и темное, лежавшее навзничъ у дорожной канавы. Раздавались тревожные крики. Отрядъ скупился, остановился. Пошли толки. Всѣ спрашивали, и никто не могъ дать точнаго отвѣта.

Вскорѣ оказалось, что одинъ изъ плѣнныхъ, — именно Кудиничъ, — при входѣ въ лѣсъ, нежданно выхватилъ у ближайшаго конвойнаго ружье и, отмахиваясь его прикладомъ, бросился въ кусты. Будившій Перовскаго длинный фельдфебель, въ кофтѣ и съ бѣлою муфтой, первый опомнился и командовалъ стрѣлять по бѣглецу, достигшему уже чащи деревъ. Выстрѣлы затрещали. Сенька обернулся, прицѣлился изъ-за вѣтвистаго дерева и уложилъ фельдфебеля на мѣстѣ. Пока остальные спохватились и, со штыками на перевѣсь, по вязкой, желтой грязи, погнались за нимъ, — этотъ сильный, рослый человекъ, мелькая обернутыми въ трипки ногами, какъ легкій степной заяцъ перемахнулъ черезъ ближніе кусты и поляну, бросился въ гущину, достигъ небольшого ручья, кинулся въ воду, переплылъ на другой берегъ и скрылся въ темной чащѣ безъ слѣда. Погоня снова стрѣляла по немъ, уже наугадъ, потомъ оставила его, рѣшивъ, что однимъ изъ выстрѣловъ бѣглець, перебѣгая поляну, былъ раненъ и, по всей вѣроятности, опасно. Это было передъ Визьмой.

Все уменьшаясь въ количествѣ, отрядъ плѣнныхъ дошелъ до Смоленска и направился къ Витебску. Выпалъ снѣгъ. Путь становился непроходимъ. Вынося тяжкія, нечеловѣческія страданія, первые отряды плѣнныхъ миновали русскую границу въ страшную метель и при двадцати-градусномъ морозѣ.

Перовскій, благодаря валенкамъ Сеньки, болѣе терпѣливо перенесъ тягости пути.—«Кудиничъ, Кудиничъ! — мыслилъ онъ, вспоминая его,—ты спасъ меня, добрая, русская душа; но живъ ли, уцѣлѣлъ ли ты самъ? И если дѣйствительно, какъ увѣряютъ, ты раненъ погоней, спаси тебя Богъ и вознагради за то, что ты мнѣ, молодому, жаждущему жизни, далъ средство еще пожить, далъ возможность бороться, страдать и надѣяться. Не вѣчно же надъ нами будетъ длиться эта пытка цивилизованныхъ палачей. Рано ли, поздно ли, авось возвратится го, что было мнѣ такъ близко и что я, повидимому, навсегда потерялъ».

Въ Польшѣ плѣнныхъ взяли на подводы. Пруссію они миновали, хотя сильно голодая, въ крытыхъ экипажахъ. Перовскій въ Пруссіи заболѣлъ; лихорадка смѣнилась горячкой, и онъ пролежалъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ госпиталѣ. Здоровье Базиля возвратилось съ весной. Сердобольная жена и дочь лѣчившаго его врача, когда онъ сталъ оправляться, принесли ему букетъ весеннихъ цвѣтовъ. Увидѣвъ цвѣты, онъ разрыдался.—«Аврора, Аврора! — мысленно повторялъ онъ, глядя на солнце и цвѣты, — гдѣ ты? увидимся ли съ тобой?»

XXXII.

Княгиня Анна Аркадьевна Шелешпанская, оставивъ Москву за два дня до вступленія туда французовъ, изнемогла дорогою отъ огорченій и суеты и, съ остановками, то разбивая палатку у дороги, то заѣзжая на постоянные дворы, успѣла добраться только до своего коломенскаго помѣстья, сельца Ярцева, черезъ которое обыкновенно лежалъ ея дальнѣйшій путь въ ея тамбовскую вотчину, село Панино. При малѣйшемъ оврагѣ или холмѣ, княгиня кричала: — «стой, стой, не могу!» — и выходила изъ экипажа. Въ Панинѣ издавна была болѣе устроенная усадьба, и теперь, съ начала августа, тамъ, въ ожиданіи бабки и сестры, проживала съ сыномъ Ксенія Валерьяновна Тропинина. Ярцево было въ сторонѣ отъ большой дороги, верстахъ въ девяносто отъ Москвы и около двадцати верстъ не доѣзжая Коломны.

На второй день пути, поздно вечеромъ, уже въ виду Ярцева, странники примѣтили за собою сильное зарево.

— Ахъ, бабушка, вѣдь это горитъ Москва! — первая вскрикнула ѣхавшая въ каретѣ съ бабкой Аврора.

Экипажъ остановился. Кучеръ и слуги, разглядывая зарево, дѣлали разныя предположенія. Сомнѣнія не было: французы заняли и зажгли Москву. Отъ такой новости княгиня еще болѣе смутилась и расхворалась. Съ трудомъ доѣхавъ до Ярцева, она объявила, что далѣе двинуться не въ силахъ и должна нѣкоторое время перебыть здѣсь. Кстати въ Ярцевѣ она застала свой московскій обозъ, съ Маремьяшей, новоселовскою Ефимовной и прочею прислугою.

— Французы воротились отъ Бронницъ, — говорила княгиня: — я теперь покойна; до нихъ отсюда далеко, да ихъ и сторожить Кутузовъ.

Съ помощью Авроры и Маремьяши, ярцевскій домъ былъ наскоро приведенъ въ порядокъ, и все въ обиходѣ княгини, по возможности, было налажено. Въ полупустѣлой Коломенѣ закупили провизіи, нашли и договорили врача, — навѣщать больную, — а въ запущенномъ флигелѣ и дворовыхъ избахъ кое-какъ размѣстили прибывшую съ княгиней и при обозѣ ея многочисленную московскую дворню, слугъ, буфетчиковъ, поваровъ, парикмахеровъ и горничныхъ. Разобравъ сундуки и ящики, Аврора нашла даже кровать княгини на стеклянныхъ ножкахъ, съ шелковыми подушками и одѣяломъ, и, въ видахъ спасенія отъ грозы, какъ въ Москвѣ, снабдила ими спальню бабки. Княгиня, завидѣвъ при этомъ шелковый портретъ Наполеона, вышла изъ себя и велѣла приписать его въ залѣ, съ надписью: «Assassin et scélérat» — («убійца и злодѣй»).

Въ Ярцевѣ кое-какъ устроилась жизнь, похожая на ту, которую Анна Аркадьевна обыкновенно вела въ Москвѣ. Утро проходило въ одѣваньи княгини и въ ея жалобахъ на здоровье и въ кормленіи собачекъ Лимки, Тимки и Туттика; потомъ Аврора, въ ея спальнѣ или въ гостиной, если туда выходила княгиня, читала ей что-нибудь вслухъ. Княгиню обрадовала урожай плодовъ въ ярцевскомъ саду; ей на блюдѣ были принесены ея любимыя яблоки — звонокъ и мѣрдочка. Вечеромъ, у чайнаго стола, либо опять было чтеніе, либо Маремьяша и Ефимовна поочередно, съ чулками въ рукахъ, рассказывали о томъ, что слышали въ тотъ

день отъ старосты и дворовыхъ о мѣстныхъ и иныхъ новостяхъ, а княгиня подъ ихъ толки раскладывала пасьянсъ. Лакеи играли въ передней въ носки. Горничныя хоромъ въ дѣвичьей пѣли пѣсни, причемъ имъ подтягивали густымъ басомъ Власть и нѣжнымъ баритономъ аралченокъ Варлашка. Ложились спать послѣ ранняго ужина.

Въ этомъ селѣ и въ его окрестностяхъ было, впрочемъ, полное отсутствіе новостей съ недалекаго театра войны. И если бы не уѣздный врачъ и коломенскій предводитель дворянства, изрѣдка заѣзжавшіе къ княгинѣ съ отсталыми газетными и словесными слухами о русской арміи, оставившей Москву, можно было бы, глядя на эти мирныя поля и обычно-копошившихся по нимъ крестьянъ, предполагать, что грозная, упавшая на Россію война происходила гдѣ-либо, не въ восьмидесяти верстахъ оттуда, а за тридевять земель и въ иномъ, тридесятомъ государствѣ. Это возмущало и выводило изъ себя Аврору столько же, какъ и балетъ, и опера, шедшіе въ Москвѣ чуть не въ самый день вступленія туда французовъ.

Погода съ половины и до конца сентября стояла теплая, свѣтлая и сухая. Листья на деревьяхъ, въ саду и въ околныхъ березовыхъ лѣсахъ еще были свѣжи и почти не осыпались. Ихъ зелень только кое-гдѣ была живописно тронута золотомъ, лиловыми и красными тѣнями. Сельскія работы шли своимъ чередомъ. Ярцевскіе и сосѣдніе мужики, посѣявъ рожь, пахали, двоили пахоть подъ яровые хлѣба, убирали огороды, чинили свои избы и дворы и ѣздили на ярмарки и въ лѣса. Старики и бабы, по вечерамъ и въ праздники, являлись къ давно невиданной ими княгинѣ, поднося ей куръ, яйца и грибы и обращаясь къ ней съ разными нуждами и просьбами.

Свои и чужіе мужики просили старую барыню о дозволеніи нарубить хворосту въ заповѣдной господской рошѣ, занять въ барскомъ амбарѣ овсеца или крупъ, либо предлагали княгинѣ купить у нихъ собственнаго издѣлія суконъ и холста. Были и такіе, что просили Анну Аркадьевну разобрать ссору, изъ-за гусей или поросенка, какой-нибудь бабушки Малаши съ падчерицей, либо тетки Устиньи съ деверемъ. Аврора смотрѣла на эту муравьиною копотню, слушала просьбы, приносимыя княгинѣ, и удивлялась, какъ могутъ кого-либо теперь занимать такіе пустяки? Мучимая

сомнѣніями объ исходѣ войны и объ участи жениха, Аврора искала отдыха въ уединеніи. Она была рада, что въ Ярцево, съ обозомъ, привели ея верхового коня. Садясь на Барса, она вечеромъ уѣзжала въ окрестные поля и лѣса и носилась тамъ до поздней ночи.

Вѣсти о дѣйствіяхъ русской арміи, о Бородинѣ, о ранѣ и смерти Багратіона и о другихъ тяжкихъ событіяхъ, къ изумленію Авроры, не производили особаго смущенія въ Ярцевѣ и ближнихъ деревняхъ. Газетныя вѣсти опаздывали невѣроятно. «Московскія Вѣдомости» прекратились 31 августа и снова начали выходить уже гораздо позже, — только 23 ноября. Прибавленія къ «С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ» и къ «Сѣверной Почтѣ», помѣщавшія донесенія Кутузова черезъ двѣ и три недѣли по ихъ отправленіи, получались въ зарайскомъ уѣздѣ черезъ недѣлю и болѣе по ихъ выходѣ въ Петербургѣ.

Одно, что непрестанно напоминало о войнѣ, было страшное, не потухавшее зарево день и ночь горѣвшей Москвы. Аврора, съ содроганіемъ, проводя ночи безъ сна, разглядывала изъ своей комнаты это зарево, думая о томъ, что выражало оно и сколько страданій, сколько гибели скрывалось за нимъ. Но и ужасающія подробности пожара и гибели Москвы, донесаясь сюда съ послѣдними московскими бѣглецами, не особенно и не надолго заняли досуги мѣстныхъ жителей. Ихъ вскорѣ смѣнили толки о другихъ событіяхъ.

Ярцевскій староста сперва Маремьяшичъ, потомъ Аврорѣ сообщилъ, что крестьяне околныхъ и болѣе дальнихъ деревень, прослышавъ о какихъ-то французскихъ печатныхъ листахъ, стали сперва втихомолку, потомъ громко увѣрять, будто скоро всѣмъ откуда-то объявится полная воля, что государя Александра Павловича ждуть во Владиміръ, а за тѣмъ почему-то и въ самую Коломну, и что однихъ изъ господъ государь ушлетъ куда-то на Кавказъ, другихъ, по русскимъ городамъ—«писать бумаги», — а господскія земли, лѣса, усадьбы и прочія угоды раздастъ крестьянамъ. Мужики, вслѣдствіе этихъ слуховъ, начали грубить приказчикамъ и старостамъ и отказываться отъ обычныхъ работъ на барщинѣ, а иные, и вовсе, наконецъ, выйдя изъ повиновенія властямъ, стали грабить имущество владѣльцевъ и уходить за Волгу и въ сосѣдніе лѣса. Кое-гдѣ начались и

поджоги помѣщичьихъ усадебъ. — «Я поговорю съ крестьянами, зови ихъ, — смѣло объявила Аврора: — они не понижаютъ, ихъ, очевидно, мутятъ злые люди». — «Что вы, что вы, барышня, — отвѣтилъ староста: — наши покойны; еще наведете ихъ на какое баловство и грѣхъ; оставьте ихъ, набрешутся и перестанутъ».

Аврора нашла нужнымъ предупредить о томъ бабу. Недомогавшая княгиня еще болѣе разстроилась и, уже навѣ- было оправляться, вовсе слегла въ постель. Аврора послала нарочнаго гонца въ Паншино къ сестрѣ. — «Навѣрно, и Илья Борисовичъ уже тамъ, — мыслила она, — онъ прійдетъ и всему дастъ настоящій толкъ и ладъ». — Но изъ Паншина пріѣхала одна Ксенія съ ребенкомъ. Она была не похожа на себя и, вмѣсто утѣшенія, привезла въ Ярцево новое горе: о ея мужѣ также не было никакихъ извѣстій. Онъ, очевидно, не успѣлъ выѣхать изъ Москвы и попалъ въ плѣнъ. Сестры обмѣнялись мыслями, наплакались и общими силами рѣшили успокоить бабу. Княгиня была безутѣшна.

— Боже, и за что я такая несчастная! — говорила она, вздыхая: — только бремя для себя и всѣхъ васъ! Вонъ опять и кашель, и такія все мысли... Скорѣе бы въ Паншино, подалѣе отъ этихъ мѣстъ...

— И не думайте, бабушка, — возражала Ксенія: — да вы и понятія не имѣете... тамъ еще хуже; я измучилась... Здѣсь хоть поблизости городъ, докторá, все-таки кое-что къ намъ доходитъ и о недалекой Москвѣ... Тамъ же дичь и глушь и также волнуются мужики; но какая разница? здѣсь невдали войско, цѣлая армія, а тамъ кто защититъ? солдатъ вывели, и во всемъ уѣздѣ одинъ съ инвалидами исправникъ!

Аврора поддержала сестру. Княгиня покорила ихъ совѣту. Терпѣливо раскладывая пасьянсъ, она думала: «Не можетъ же дѣло долго длиться; на-дняхъ, безъ сомнѣнія, будетъ новое генеральное сраженіе, — кто кого побьетъ, неизвѣстно, — но затѣмъ, разумѣется, вскорѣ объявится миръ, и мы вернемся въ Москву. Ну, кое-что тамъ и ограбили, да мы все почти главное вывезли, а домъ, навѣрное, цѣлъ». Такъ прошло нѣсколько дней. Но какъ-то вечеромъ Аврору вызвали на крыльцо. Тамъ стояла въ слезахъ Ефимовна. Она, всхлиывая, объявила, что пришелъ новоселовскій староста Климъ.

— Откуда онъ? — спросила Аврора, вспомнивъ, что Новоселовка сгорѣла.

— Его и другихъ панихъ мужиковъ, — отвѣтила Арина: — французы гоняли въ Москву возить своихъ раненыхъ; онъ только-что оттуда убѣжалъ.

— Зови, няня, зови его! — сказала Аврора.

— Да вотъ онъ, — отвѣтила Арина, указывая съ крыльца. Изъ темноты выдвинулся оборванный, босой и съ подвязанною головой, староста. За нимъ стояла, тоже плачущая, Маремьяша.

— Долго ты былъ въ Москвѣ? — спросила Аврора.

— Все это время, барышня, почитай, мѣсяцъ! запрягли пашь, проды, въ работу; мы на себѣ таскали имъ всякую всячину, рубили дрова, копали картошку, носили воду и мололи ручными жерновами муку.

— Бонапартовы зато подданные стали! — замѣтила, злобно плюнувъ, Ефимовна.

— А про Василя Алексѣевича... Перовскаго... что-нибудь слышалъ? — спросила Аврора.

— Гдѣ, матушка-барышня, было слышать! Надругался надъ нами врагъ, истомилъ, истиранилъ, а кого и прямо за ослушаніе извелъ. Мнѣ привелось уйти...

— Былъ же ты, Климушка, на Патріаршихъ прудахъ? — спросила Аврора: — видѣлъ нашъ домъ?

— Посылали насъ злодѣи въ Разумовское и на Прѣсню, проходили мы и въ тѣхъ мѣстахъ; только ни Бронной, ни возлѣ прудовъ, ни Микитской и Арбата, какъ есть, уже не нашли... все погорѣло, — все Господь прибралъ.

Аврора взглянула на Маремьяшу; та утирала слезы.

— А бабушкинъ домъ? — спросила Аврора.

— Все стало пусто, одинъ пепель, — отвѣтилъ Климъ: — тутъ мы съ ребятами и рѣшили на утекъ.

— Ушли благополучно?

— Какое! спалили насъ на Орловомъ лугу эти пузы, — отвѣтилъ Климъ: — и стали уже держать взаперти; посылали на работу не иначе, какъ съ конвоемъ. Да и тутъ намъ помочь Господь. Пошли мы разъ, съ заступами и ведрами, къ графскому чьему-то колодцу; вода тамъ претличная. Велѣно было набрать воды и окопать колодець. Ужъ больно тамъ намѣсили грязи, не подойти. Конвойныхъ было четверо, а насъ, плѣнныхъ, съ десятокъ, и всѣ-то мы

хворые, голоднешеньки, едва ноги волочимъ. Солнце сѣло, мѣсто было глухое, а французы такіе веселые, передъ тѣмъ гдѣ-то, видно, выпили. Мы и сговорились, — первый надоумилъ Корюшника, что терпѣть? — переглянулись у колодца, кинулись разомъ, да всѣхъ, какъ есть, французовъ, съ ихъ ружьями, и побросали въ глубь; засыпали ихъ тутъ же землей и ушли огородами въ лѣсъ, а ночью и далѣе.

— Живыхъ засыпали? — съ ужасомъ спросила Аврора.

— А то какъ же? — отвѣтилъ Климмъ: — они талалакали, талалакали по-своему, пока ребята заступами кидали на нихъ землю, а тамъ и стихли. Господь ихъ простилъ! — заключилъ Климмъ, взглянувъ на небо и набожно крестясь: — и такіе всѣ были красивые... а одинъ унтеръ, должно-быть, изъ дворянъ, парядный да бѣлолицый такой, въ сторонкѣ держался, да все весело что-то напѣвалъ.

XXXIII.

Сестры не рѣшились сообщить бабкѣ тяжелую вѣсть о сожженіи ея московскаго дома. Онѣ отправили Клима въ Паншино. — «Пусть бабушка надѣется, что ея домъ уцѣлѣлъ! — думали онѣ, — а тѣмъ временемъ какъ-нибудь ее подготовимъ». — Онѣ день и ночь горячо молились, прося у Бога — одна мужу, другая жениху — здоровья и силъ, для перенесенія тяжкихъ испытаній, посланныхъ имъ Провидѣніемъ. Но живы ли они? объ этомъ онѣ страшились и думать. Разъ только Аврора, какъ бы нечаянно, сказала: «А если Базилъ нѣтъ болѣе на свѣтѣ»... Она хотѣла продолжать и не могла. — «О, если это такъ, — съ ужасомъ сказала она себѣ: — тогда все кончено... я знаю, что мнѣ тогда останется предпринять.

Однажды, въ праздникъ, Аврора съ Ксеніей поѣхали въ сосѣднее село Иванчиныхъ-Писаревыхъ, Челыгино, въ церковь, и во время обѣдни выслушали полученное здѣсь, запоздавшее воззваніе Св. Синода о защитѣ отечества и православнои вѣры отъ нашествія новаго Малекіила, Боллпарта. Старикъ священникъ съ чувствомъ прочелъ это воззваніе. Въ немъ русскій народъ побуждался къ непримиримой борьбѣ съ галлами, причемъ Россія уподоблялась богобоязненному и смиренному Давиду, а Наполеонъ — дерзкому и безбожному Голиаѳу.

«Гдѣ же, въ сущности, этотъ избавитель Давидъ? — спрашивала себя въ слезахъ Аврора, поглядывая въ церкви на

понурившихся и молча вздыхавшихъ крестьянъ, которые на ея глазахъ такъ мало принимали къ сердцу общее всѣмъ горе войны, а напротивъ, какъ она узнала, толковали объ этой войнѣ, какъ о чемъ-то, чтѣ, по ихъ мнѣнію, должно было имъ принести новое и невиданное счастье на землѣ.— «Давидъ и пастухомъ былъ въ душѣ поэтъ, — мыслила Аврора: — только возвышенной, одаренной благами просвѣщенія, природѣ доступны высокіе, сознательные порывы любви къ родинѣ и отмщенія за ея честь. Базиль въ плѣну, быть-можетъ, погибъ, какъ гибнуть тысячи другихъ, истинныхъ героевъ. Кто же за нихъ призоветъ утѣснителя къ суду? Кто отомститъ за ихъ страданія, ихъ гибель и смерть?»

Священникъ, прочтя воззваніе, сказалъ простую и трогательную проповѣдь, на слова пророка Исаи: «И прииде на ти пагуба, и не увѣси» — а послѣ службы, за отсутствіемъ помѣщиковъ своего села, подойдя въ церкви къ плакавшимъ Аврорѣ и Ксеніи, пригласилъ ихъ къ себѣ на чай. Съ его женой, навѣщавшей княгиню, онѣ познакомились ранѣе и охотно пошли въ его домъ. За чаемъ разговорились. Священникъ старался успокоить сестеръ. Онѣ имъ передалъ слухъ, что Бонапартъ, по всей вѣроятности, вскорѣ попроситъ мира, а при этомъ несомнѣнно произойдетъ и разбѣгъ плѣнныхъ.

— Гдѣ же теперь Бонапартъ?—спросила Ксенія.

— Пагуба придетъ равно и на него,—отвѣтилъ священникъ:—онъ это чувствуетъ и, аки левъ, ходитъ взадъ и впередъ по своей клѣткѣ. Не дождались грабители выгодъ. Наше войско цѣло и у себя дома, а ихъ армія, аки воскъ предъ лицомъ огня, таетъ и убываетъ съ каждымъ днемъ.

Сестры съ жадностью слушали эти радостныя слова.

— А сколько горя и убытковъ! — сказала старуха попадья: — одни Разумовскіе, да графъ Бутурлинъ, слышно, отъ пожара понесли убытку по милліону. Плѣнныхъ мучать работами, истязаютъ...

— Ну, не всѣхъ обижаютъ и тѣснятъ, — перебилъ священникъ, знаками останавливая жену: — многіе спаслись. Зарайскій мельникъ намеренъ передавалъ, что князь Дмитрій Голицынъ, можно сказать, на собственныхъ рукахъ вынесъ ночью изъ Москвы больного Соковнина, когда въ городъ уже вступили французы. Негдѣ было достать лошадей; спасшіеся сначала шли пѣшкомъ, а у заставы князь прямо

поднялъ себѣ на плечи друга, истомленнаго хворобой и ходьбой, да и пронесъ его пустыремъ къ нашему аррьергарду. Много было истинно-славныхъ подвиговъ. Растопчинъ лично поджегъ въ Вороновѣ свой домъ и на его воротахъ прибилъ бумагу: «Жгу, чтобъ ни единый французъ не переступилъ моего порога».

— Вѣдь это — сосѣдъ нашего дяди Петра, — обратилась Ксенія къ сестрѣ.

— Такъ у васъ есть дядюшка? — спросилъ священникъ.

— Петръ Андреевичъ Крамалинъ, мы по отцу Крамалины.

— Что же вамъ пишетъ дядюшка? Отъ Серпухова вѣдь вблизи вся наша армія.

— Онъ часто хвораетъ, — отвѣтила Ксенія: — и рѣдко пишетъ. Последнее письмо писалъ намъ въ Паншино.

«Да, — разсуждала Аврора, слушая этотъ разговоръ: — изъ Москвы могли спастись тѣ, кто туда дошелъ или захваченъ тамъ... а Базиль? Остался ли онъ живъ послѣ Бородина? И найдется ли для него, какъ для Соковнина, спаситель-другъ?»

Въ душѣ Авроры, несмотря на ея сомнѣнія, теплилась какая-то смутная, ей самой непонятная надежда касательно судьбы жениха. — «Онъ спасенъ, — думала она, — и я его когда-нибудь, можетъ-быть, даже скоро увижу! Не можетъ погибнуть такая молодая жизнь!»

Простясь съ священникомъ, сестры собрались обратно домой. Ксенія, любясь погодой и желая развлечь опять загрустившую Аврору, предложила ей пройтись нѣсколько пѣшкомъ. Попадья проводила ихъ за околицу Чеплыгина. Отсюда до Ярцева было версты четыре, не болѣе. Дорога шла, вперемежку, холмами, лѣсомъ и полями. Сестры, распустивъ зонтики, пошли кратчайшимъ проселкомъ. Сперва ихъ сопровождала коляска. Но, чтобъ остаться вполнѣ наединѣ, онѣ, простясь съ попадьею и пройдя версты двѣ, велѣли кучеру ѣхать впередъ, а сами пошли еще прямѣе, боковою межей.

День былъ превосходный. Въ прозрачной и свѣтлой синевѣ неба кучились кудрявые баранки легкихъ, бѣлыхъ облаковъ. Вороны и галки, лѣниво каркая, перелетали съ одной лѣсной заросли на другую. Аврора и Ксенія, спустясь въ лощину и опять поднявшись на косогоръ, зеленѣвшій всходами молодой ржи, толковали о посланномъ въ Коломну за покупками нарочномъ, который къ ночи долженъ былъ

привести давно ожидаемую, новую почту. Кругомъ была полная тишина. Въ безвѣтренномъ, тепломъ и пахучемъ отъ сосѣдняго лѣса воздухѣ тянулись нити бродячей паутины.

Уже виднѣлась старая ярцевская роща и слышался лай собакъ скрытой за рощею деревни. Аврора увидѣла, что изъ рощи показалась какая-то дѣвочка, бѣжавшая въ кустахъ, вдоль опушки.

— Смотри,—сказала она, хватая за руку сестру.

— Ну, что жъ, — отвѣтила Ксенія, сама вспыхнувъ отъ непонятной тревоги: — дѣвочка... рвала въ рощѣ ягоды или грибы, увидѣла лѣсника и прячется въ кусты...

— Нѣтъ, нѣтъ, Ксаня! да смотри же, вонъ! — продолжала, остановившись, Аврора: — она полетъ, сюда... прямо къ намъ... неужели не видишь?

— Какая ты, право, смѣшная, — отвѣтила Ксенія, продолжая идти и усиливаясь казаться спокойною: — во всемъ ты видишь необычное.

— Стой! она машетъ! — проговорила Аврора.

Ксенія также остановилась. Дѣвочка, маша руками, дѣйствительно бѣжала отъ рощи къ косогору, по которому шли сестры. Спустясь въ ложбинку, гдѣ, среди коноплянниковъ, былъ мостикъ черезъ ручей, она снова показалась на пригоркѣ. Скоро на межникѣ, между ближнихъ зеленей, послышался бѣгъ проворныхъ, босыхъ ножекъ дѣвочки.

— Да это Оеня, племянница Ефимовны! — радостно сказала Ксенія: — навѣрное что-нибудь важное.

Аврора, блѣдная, какъ мѣлъ, молча впивалась глазами въ подбѣгавшую дѣвочку.

— Это ко мнѣ! — не вытерпѣвъ, вскрикнула она и, пугаясь ногами въ платье, бѣгомъ бросилась навстрѣчу Оенѣ.

«Но почему же именно къ ней? — съ завистью подумала, идя поспѣшно за нею, Ксенія: — неужели ей, счастливицѣ, удастся ранѣе меня? Нѣтъ, какая же я завистница! Богъ съ ней...»

— Дьяконъ, дьяконъ! — радостно крикнула Аврора подхлывшей и растерянно на нее смотрѣвшей сестрѣ.

— Какой дьяконъ! — спросила, зашыхавшись, Ксенія.

— Изъ Москвы бѣжалъ!.. вдводемъ, вдводемъ! — какъ безумная, кричала Аврора, то обнимая сестру, то тормаша и цѣлуя растрепанную, покраснѣвшую отъ бѣга Оеню.

— Гдѣ дьяконъ и съ кѣмъ бѣжалъ? — спросила, едва помня себя, Ксенія?

— У насъ въ Ярцевѣ!—отвѣтила, ломая руки, смѣясь п плача, Аврора:—его подвезли съ поля мужики; Ефимовна первая догадалась къ намъ Осню... а тотъ еще въ городѣ...

— Да кто въ городѣ, кто?—обратилась Ксенія къ дѣвочкѣ.

— Баринъ.

— Какой?

— Не знаю...

XXXIV.

Сестры безъ памяти бросились домой, миновали рощу, деревню и, едва переводя дыханіе, прошли чернымъ ходомъ въ домъ.

— Гдѣ онъ? гдѣ дьяконъ?—спросила Ксенія, бурей пробѣгая черезъ дѣвичью.

— Тамотко,—отвѣтила сіяющая Ефимовна, указывая на спальню княгини.

Ксенія, ухватясь за сердце, остановилась у двери, сзади Авроры. Силы ея измѣняли, кровь стыла въ жилахъ. Она была готова упасть.

«Кто же этотъ дьяконъ?—мыслила Аврора, съ тревогой берясь за скобку двери:—ужели, и впрямь, Господь помогъ, и съ дьякономъ возвратился Базиль?»

Дверь отворилась. Аврора вошла и остолбенѣла. У кровати княгини рядомъ съ человѣкомъ въ рясѣ, сидѣлъ кто-то, обросшій бородою, въ дубленкѣ и высокихъ сапогахъ. Аврора сперва не узнала его. Въ комнатѣ, гдѣ такъ скоро еще не ждали сестеръ, вдругъ какъ-то странно стихло.—«Что же они всѣ молчатъ и смотрятъ на меня?—подумала, цѣпенѣя, Ксенія:—очевидно, привезена страшная вѣсть, и они собираются меня къ ней приготовить... Ильюша убить, его нѣтъ болѣе на свѣтѣ!»—Мгновенно вспомнилось ей тайное рѣшеніе, принятое ею на-дняхъ: если ея мужъ убить, броситься въ омутъ за садомъ. Ея мыслямъ представилась знакомая дорожка въ саду, крутизна и подъ нею рѣка, съ шумомъ бѣгущая къ мельницѣ.—«И что же иное мнѣ остается безъ него?»—рѣшительно подумала она.

Вдругъ кто-то тронулъ Ксенію за плечо. Она вздрогнула, подняла голову и замерла.

Передъ нею, съ ребенкомъ на рукахъ, стояла кормилица. Только-что проснувшійся Коля, въ чепчикѣ, сбившемся съ лысой головы на румяное заспанное лицо, съ миловидною ро-

динкой, протягиваль къ ней сжатые, пухлые кулачки. Но всѣ смотрять не на Колю. За нимъ виднѣлось чье-то другое, полузнакомое и какъ бы гдѣ-то Ксеніей видѣнное лицо, съ добрыми и счастливо улыбавшимися глазами.—«Да что же это, что?»—подумала Ксенія, радостно и безпомощно протирая передъ собою руки.

— Онъ!.. Ильюша! — въ безумномъ восторгѣ вскрикнула она, бросаясь въ объятія мужа и цѣлуя его блѣдное, бородатое лицо.

Всѣ радостно плакали.

— Ахъ, Ксанечка, Ксаня! — твердила, отирая слезы, Аврора:—счастливица ты и достойна своего счастья.

Тропининъ, какъ показалось Аврорѣ, съ грустью смотрѣлъ на нее.—«Опъ что-то знаетъ тяжелое, роковое!—подумала она,—и очевидно тантъ отъ меня, не рѣшается сказать».

Общая бесѣда въ спальнѣ княгини, съ безконечными разспросами, воспоминаніями и предположеніями, длилась до поздней ночи. Здѣсь странниковъ накормили обѣдомъ, здѣсь они пили чай. Княгиня вспомнила о банѣ и велѣла ее готовить гостямъ. Илья въ баню ушелъ съ Власомъ. Дьяконъ отказался.

— Гдѣ думать о скудельной плоти,—сказаль онъ:—когда душа ноетъ и разрывается.

Опъ, по желанію княгини, подробнѣе передалъ о своемъ горѣ и о бѣгствѣ изъ Москвы.

Странники пѣшкомъ и на ямскихъ добрались въ Паншино и, узнавъ отъ Клима, что семья княгини въ Ярцевѣ, направились сюда. Тарантасъ, въ которомъ они ѣхали, обломался въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ярцева, и они сюда были подвезены сосѣдними мужиками. Аврора подѣла къ дьякону.

— Гдѣ же спасенный вами, вашъ племянникъ? — спросила она.

— Оставиль въ Коломнѣ; тамъ въ пѣвчихъ его крѣстный.

— Вы тоже оттуда родомъ?

— Нѣтъ, я изъ Серпухова; отецъ и мать давно померли; по тамъ, въ подгородномъ селѣ, братъ моей жены держитъ постоялый, и я до времени ѣду къ нему. Это—не доѣзжая Серпухова, за Каширой.

— Ну, пора странникамъ и на покой,—сказала княгиня, когда возвратился Илья.

Всѣ стали расходиться. Аврора, выйдя въ залу, обратилась къ свояку.

— А Базиль? что же вы ничего не говорите о немъ? — спросила она:—быть не можетъ, вы что-нибудь знаете.

— Гдѣ же, сестра, мнѣ знать?—отвѣтилъ Илья:—я былъ схваченъ въ самомъ началѣ, а плѣнныхъ держатъ не въ одномъ мѣстѣ. Успокойтесь; я убѣжденъ, что Базиль спасенъ и что вы его скоро увидите.

XXXV.

«Нѣтъ, онъ навѣрное что-нибудь знаетъ и держитъ въ тайнѣ отъ меня и отъ всѣхъ!»—шептала Аврорѣ внутренній голосъ:—сестрѣ возвращенъ любимый человѣкъ, а ихъ ребенку отецъ. Они вмѣстѣ, и я не смѣю имъ завидовать. Но я-то, я? что будетъ со мной?»—Сонъ бѣжалъ отъ Авроры. Мысли одна мрачнѣе другой роились въ ея головѣ. Простая со всѣми, она вошла въ свою комнату, сѣла къ окну и задумалась. Въ домѣ, послѣ необычной суеты, все наконецъ затихло. Въ окно глядѣла теплая, безлунная, но свѣтлая ночь. Звѣзды ярко мерцали на небѣ.

Аврора набросила на голову платокъ и вышла въ садъ. Ее мучило сознаніе, что она точно лишняя на свѣтѣ, что все идетъ мимо ея и что она ни въ чемъ, что совершается вокругъ, не принимаетъ и не можетъ принять близкаго участія. Три обстоятельства, бывшія особенно для нея важными въ жизни, пришли ей въ голову: смерть матери, разлука съ отцовскимъ домомъ и отъѣздъ жениха въ армию. И противъ всего этого, упавшаго на нее такъ неожиданно и негаданно, она казалась безпомощною.—«Да иначе и быть не могло! — разсуждала Аврора, бродя по саду: — я, нѣтъ сомнѣнія, обречена на одни страданія; такъ мнѣ опредѣлено скупой и злою судьбой!»—Ей вспомнился ея дѣтскій ужасъ и слезы у гроба матери, ея крики:—«мама, встань, оживи!» Она представляла себѣ отца, когда онъ везъ ее и Ксенію въ институтъ, и она, какъ теперь помнила, почему-то тогда предчувствовала, что разстанется съ нимъ навсегда. Ей вспоминалась до мелочей минувшая весна, знакомство съ Перовскимъ, ея помолвка, послѣднія съ нимъ свиданія и его отъѣздъ изъ Москвы. — «Сколько съ тѣхъ поръ событий! сколько новаго горя!—сказала она себѣ, глядя съ верхней, садовой поляны за рѣку, надъ которою все еще свѣтился отблескъ московскаго зарева: — онъ тогда, на прогулкѣ, —

мыслила она:—сравнилъ вечерній видъ Москвы съ моремъ огня, а церкви и колокольни съ мачтами пылающихъ кораблей... Его сравненіе пророчески сбылось...»

Аврора спустилась въ нижній садъ. Нагибалась въ темнотѣ отъ нависшихъ, знакомыхъ вѣтвей, она шла береговою дорожкой. Вверху послышалось ржаніе лошади.—«Барсъ!—подумала Аврора,—это отзывается опъ: я сегодня въ суетѣ не покормила его, и онъ окликаетъ меня».—Ей вспомнился дядя Петръ, его деревенька, верховой копь Кокѣ и поѣздки съ дядей на охоту. О, какъ бы она теперь желала видѣть дядю! Снизу, сквозь деревья, проглянулъ на пригоркѣ очеркъ дома. Въ одномъ изъ его оконъ мерцалъ слабый свѣтъ.—«Лампадка въ дѣтской, надъ изголовьемъ Коли.—сказала себѣ Аврора:—все спять, пора и мнѣ». Но ей не хотѣлось еще уходить. Ночь была такъ обаятельно тиха. За рѣкою паслось «въ ночномъ» крестьянское стадо. Оттуда, при всякомъ шорохѣ на дугу, доносилось бляеніе овецъ и лай собакъ. Вспомнивъ о скамьѣ подъ липами, у рѣки, гдѣ въ послѣднее время она такъ часто сидѣла, глядя къ сторонѣ Москвы, Аврора направилась туда.—«Посижу, еще притомлюсь,—рѣшила она:—сонъ придетъ скорѣе...»

Аврора подошла къ липамъ. За ними она услышала голоса.—«Кто бы это?»—подумала она, замедливъ шаги.

За деревьями разговаривали двое. Аврора узнала ихъ. То были Ксенія и ея мужъ.

— Вотъ безуміе,—говорилъ Тропининъ:—и неужели ты, такая христіанка и нѣжная, любящая мать, рѣшилась бы?

— Это мнѣ пришло въ голову вдругъ и неожиданно для меня самой,—отвѣтила Ксенія:—и если бы ты не возвратился, если бы тебя не стало на свѣтѣ, клянусь, я бросилась бы съ этой крутизны и новымъ покойникомъ въ нашей семьѣ было бы болѣе...

Лай за рѣкой заглушилъ слова Ксеніи.—«Новый покойникъ въ семьѣ!—вздогнувъ, подумала Аврора,—умеръ Митя Усовъ; теперь же это о комъ?»

Она, напрягая слухъ, стояла неподвижно, чувствуя, какъ холодъ бѣжалъ по ней, охватывая ея члены.

— Опъ не былъ еще женатъ,—проговорилъ Тропининъ:—но какая роковая, потрясающая драма, я всегда говорилъ...

Дружное бляеніе испугавшихся чего-то овецъ помѣшало Аврорѣ слышать далѣе.

— И это ты навѣрное знаешь?—донеслись до нея опять слова Ксеніи.

— Видѣлъ списки, а чѣмъ завершилось—не могъ узнать. Конецъ, впрочемъ, обычный...

— Но неужели этотъ маршалъ... безъ справокъ, безъ суда?

Даже, хотя все стихло за рѣкой, Аврора ничего не слышала. Ухватясь за сердце, она медленно отошла, поднялась въ верхній садъ и безъ памяти бросилась къ дому. Пройдя оцунью въ свою комнату, она упала лицомъ въ подушку, и долго въ темной комнатѣ раздавались ея заглушенные, отчаянные рыданія.—«И что я? куда теперь?—мыслила она:—ужели обычная колея,—трауръ? явится новый женихъ, добрый, обыкновенный человѣкъ, и я, кисейная, скромная барышня, выйду за него?.. Прощайте, несбыточные грезы и чувства, прощай, мой завѣтный, дорогой!»

Давно разсвѣло. Настало утро. Домъ пробудился. Готовили чай. Комната Авроры не растворялась. Горничная Стена въ щелку двери видѣла, что барышня еще не встаетъ, и полагая, что она съ ночи, по обычаю, долго читала, перѣшлась ее будить.

— Пусть ее поспитъ,—сказала Ксенія, выйдя съ мужемъ къ чаю:—тяжело ей, бѣдной...

Къ чаю въ залу вышла и княгиня. — «Ильюша возвратился, возвратится и женихъ Авроры»,—мыслила она и была въ духѣ. Тропининъ прочелъ вслухъ изъ полученныхъ съ почты писемъ и газетъ послѣднія извѣстія объ арміи. Аврора явилась въ концѣ чтенія. Ея лицо было блѣднѣе обыкновеннаго, губы сжаты, глаза свѣтились рѣшимостью. Это былъ уже другой человѣкъ. Она слушала, спрашивала, говорила; но ея глаза были устремлены куда-то вдаль, и она точно не видѣла и не слышала окружающихъ ее.

Дьяконъ разсказалъ княгинѣ, что Троице - Сергіевскую лавру отстоялъ Господь. Французы трижды туда подходили, съ цѣлью ограбить святыню, и трижды ее заслонялъ густой туманъ.

— Наши охраняютъ путь къ Калугѣ?—спросила Аврора Илью, когда онъ, послѣ разсказа дьякона, прочелъ вслухъ какое-то письмо.

— Да,—отвѣтилъ Тропининъ:—Наполеонъ изъ Москвы посылалъ къ свѣтлѣйшему,—съ переговорами о мирѣ; князь,

сказываютъ, прикинулся дряхлымъ, немощнымъ, плакалъ и говорилъ: «видите мои слезы? вся надежда моя на Наполеона!»—а въ концѣ прибавилъ: «впрочемъ, нечего думать о мирѣ, война только начинается».

Аврора заботливо помогла сестрѣ убрать чашки. Когда же Ксенія съ мужемъ удалилась на свою половину, а дьяконъ пошелъ готовиться въ дальнѣйшій путь, она предложила княгинѣ дочитать вслухъ начатый романъ *Адель и Теодоръ* и до вечера, какъ и весь слѣдующій день, казалась совершенно спокойною.

— Удивительная Аврора!—сказала Ксенія мужу:—сколько въ ней нравственной силы, какъ переносить горе! Но что, если бы она все узнала?

Утромъ слѣдующаго дня дьяконъ Савва пришелъ поблагодарить княгиню за гостепріимство. Его щедро снабдили деньгами и провизіей и дали ему лошадей до Каширы. Оттуда въ Серпуховъ онъ рассчитывалъ добраться съ какимъ-либо попутчикомъ. Когда его кибитка уже стояла у крыльца, Аврора, черезъ Ефимовну, позвала его въ свою комнату.

— Вы, отецъ дьякопъ, будете въ Каширѣ?—спросила она.

— Какъ же, сударыня,—не миновать.

— Сдайте тамъ на почту эти два письма.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Савва, просматривая надписи на пакетахъ:—одно вашему дядюнкѣ, а это... министру? вотъ къ какой особѣ!

— Мой женихъ, Перовскій, — сказала Аврора: — интонецъ этого министра; Илья Борисовичъ вамъ, безъ сомнѣнія, о немъ говорить. Графъ, пожалуй, не знаетъ о его судьбѣ, а могъ бы оказать помощь своимъ вліяніемъ и связями... притомъ жэ...

Хлынувшія слезы помѣшали Аврорѣ договорить.

— Успокойтесь, сударыня, — произнесъ Савва: — я бережно сдамъ на почту оба письма.

— Не все, не все еще, — проговорила Аврора, отирая слезы:—какъ честный человѣкъ, скажете ли мнѣ истину на мой вопросъ?

— По всей моей совѣсти.

— Вы обо многомъ говорили по пути съ моимъ зятемъ; скажите, живъ ли Перовскій?

Савва смущенно молчалъ.

— Я вамъ облегчу вопросъ, — произнесла Аврора: — Пе-

ровскій попалъ въ плѣнь и ввнесенъ въ списокъ приговоренныхъ къ смерти. Все это я знаю... Отвѣйте одно: живъ ли онъ, или погибъ?

— Если вамъ, сударыня, все извѣстно, — отвѣтилъ дьяконъ: — что же я, малый, скудоумный, могу прибавить къ тому? Богомъ Вседержителемъ клянусь, ничего болѣе не знаю.

Аврора сидѣла неподвижно. Слезы бѣжали по ея лицу.

— Погибъ, погибъ! — сказала она, поднявъ глаза на образъ: — все кончено... остается одно... Дядя не вдали отъ Сернухова, заѣзжайте къ нему, вручите письмо лично.

— Будьте спокойны.

— Да отвѣтъ... попросите дядю скорѣе отвѣтить.

Прошло около недѣли. Былъ конецъ сентября. Клягипа оправилась и однажды утромъ, кликнувъ Маремьяну, объявила ей, что теперь, когда возвратился Илья Борисовичъ и пока еще стоитъ такая хорошая погода, ничто болѣе не удержитъ ее отъ отъѣзда въ Паншино. Аврорѣ и Ксеніи она прибавила, что французы, двинувшись отъ Москвы, могутъ, пожалуй, снова направиться въ эту сторону, а потому медлить было нечего. Сестры не возражали, тѣмъ болѣе, что рѣшенія княгини обыкновенно были безповоротны. Начались сборы въ путь. Ксенія съ прислугой принялась за уборку и укладку вещей. Аврора также усердно помогала всѣмъ въ общихъ хлопотахъ, возилась съ ящиками, узлами и чемоданами и была, повидимому, совершенно покойна.

Она зашла какъ-то въ комнату сестры. Былъ вечеръ. Ксенія, въ кофтѣ и юбкѣ, засучивъ рукава, мыла на лезанкѣ, въ корытцѣ Колю. Аврора, присѣвъ возлѣ, съ любовью смотрѣла, какъ раскрасившаяся, счастливая сестра мылила и терла мочалкой розовую спинку и смѣющуюся личико Коли. Обнаженная, пѣкшая шея сестры, съ золотистыми завитками волосъ у подобранной на гребень густой косы, точно дымилась отъ пара, поднимавшагося съ корытца, гдѣ весело плескался ея ребенокъ.

— Вотъ удивительно, — сказала Ксенія: — мужъ говоритъ, что Коля болѣе похожъ на тебя, чѣмъ на меня: такой же черноглазый, красавчикъ и ласковый. Теперь чередъ за тобой...

Аврора подняла на сестру глаза.

— Не понимаешь? — улыбнулась Ксенія: — надо, чтобъ твой будущій сынъ походилъ не на тебя, а на меня.

— Ахъ, Ксапя! за что такая жестокость?

— По почему же, почему?

Аврора встала, закрыла рукой глаза и молча вышла из комнаты сестры.

Въ тотъ же вечеръ она встрѣгилась съ сестрой въ полутемномъ коридорѣ. Ксенія несла связку какихъ-то вещей.

— Послушай, Ксеня,—сказала, остановивъ ее, Аврора:— странные вы люди; скрываете, а я все знаю...

— Что же ты знаешь? — смущенно спросила Ксенія.

— Ну, да ужъ Богъ съ вами!

Сказавъ это, Аврора пошла далѣе въ гостиную.

— Дьякошъ проговорился! — рѣшилъ Тропининъ, когда ему, послѣ ужина, объ этомъ сказала жена: — вотъ я его!

— Нѣтъ, Ильюша,—отвѣтила Ксенія:—сегодня съ почты привезли Аврорѣ какое-то письмо, и она долго надъ нимъ у себя сидѣла.

XXXVI.

Наканунѣ отъѣзда княгини, Тропининъ навѣстилъ со-сѣда—предводителя. Онъ ѣздилъ къ нему съ цѣлюю поблагодарить его за вниманіе къ княгинѣ и просить о защитѣ покидаемаго ею имѣнія. Аврора также выразила желаніе проститься съ женою чеплыгинскаго священника. Чтобы не томить упряжныхъ лошадей, она поѣхала верхомъ на Барсѣ. Наступилъ вечеръ. За чаемъ сказали, что Аврора обратно прислала коня и передала черезъ его провожатаго, что къ попадѣ пріѣхали коломенскіе знакомые и она осталась, чтобъ дослушать привезенные ими рассказы, а возвратится позднѣе, на лошадихъ священника. День кончился въ суетѣ послѣдней укладки. Истомленная прислуга едва двигалась. Подали ужинъ. Аврора не возвращалась.

— Экая темень! тучи папили, не быть бы завтра дождю! — замѣтила Ксенія, глянувъ въ окно:—Аврору, вѣрно, не пустили, оставили тамъ переночевать.

— И хорошо сидѣли, — сказала княгиня: — послать бы къ ней Маремьяну или Ефимовну.

— Арина Ефимовна тоже тамъ-съ,—объявилъ Власъ, все время въ Ярцевѣ бывшій какъ-то въ тѣни, а теперь, въ ожиданіи новой дороги, опять принявшій важный и внушительный видъ.

— Затѣмъ Арина въ Чеплыгинѣ?

— Барышня Аврора Валерьяновна приказали нарядку теплую доставить, а тамъ всенощная, завтра канунъ По-

крова Богородицы, и Арину Ефимовну наши ярцевскіе мужики туда подвезли.

Настало утро. Главныя дорожныя венцы были окончательно укупорены и уложены въ экипажи. Дормезь, коляска и двѣ троечныя кибитки стояли запряженныя у конюшни. Но туда, то и дѣло, еще носили разныя ящики, корзины и узлы. Не видя Авроры, Тропининъ позвалъ Власа и велѣлъ ему ѣхать за нею въ коляскѣ. Тѣмъ временемъ, въ залѣ готовили дорожный завтракъ. Отдавая послѣднія приказанія наблюдавшему за сборами приказчику, Илья вышелъ на крыльцо и увидѣлъ, наконецъ, коляску, въѣзжавшую въ ворота. Она внутри была пуста.

— А барышня?—спросилъ Илья Власа, когда тотъ подѣхалъ къ крыльцу и, мрачно насупивъ сѣдыя брови, слѣзъ съ козелъ.

Власъ вынулъ изъ-за пазухи письмо и молча подалъ его Тропинину.

— Отъ кого это?

— Отъ барышни Авроры Валерьяновны.

— Да гдѣ же она? что все это значитъ?

— Барышня съ вечера написали и приказали вамъ это передать, когда опять за ними прищлють.

Тропининъ вскрылъ пакетъ.

«Не ищите меня, — писала зятю Аврора: — и не старайтесь догнать меня и остановить. Я, по долгомъ обсужденіи, окончательно рѣшилась и ѣду къ дядѣ Петру Андреевичу. Онъ нездоровъ и на мою просьбу прислалъ за мною экипажъ и лошадей. Въ Каширѣ пробуду не болѣе двухъ-трехъ часовъ. Навѣщу дядю и, при его содѣйствіи и совѣтахъ, проберусь далѣе въ штабъ арміи. Не пугайтесь, квартира Кутузова недалеко отъ Серпухова. Я располагаю явиться лично къ свѣтлѣйшему и просить его о справкахъ. Силъ моихъ нѣтъ, я истомилась. Авось что-либо вѣрное узнаю о судьбѣ Базилія. Прошу дорогую бабушку меня простить за этотъ самовольный отѣздъ и не беспокоиться; я ѣду съ Ефимовной, а всѣхъ, и тебя, милая Ксаня, прошу — не поминайте меня лихомъ. Мое предпріятіе, можетъ-быть, неосуществимо, безумно; но я не отступлю. Вскорѣ узнаете все. Постараюсь подробнѣе написать изъ Серпухова, и изъ другихъ мѣстъ, куда меня занесетъ судьба. Прощайте, дорогіе, до свиданія, если буду жива. Но если намъ, въ это страшное время, не

суждено болѣ видѣться, помолитесь, прогну, за всѣхъ тѣхъ истинныхъ патріотовъ, кто искренно любитъ и чтитъ нашу, поруганную теперь, родину, за которую столько пролито крови. Другого выхода нѣтъ, я не въ силахъ долѣ бороться съ собой. Ваиа—Аврора».

Тропининъ прочелъ это письмо, еще разъ пробѣжалъ его и разспросилъ Власа, когда, какъ и въ чемъ уѣхала барышня. Власть отвѣтилъ, что была прислана бричка отъ Петра Андреевича Крамалиша, что священникъ и Ефимовна останавливали барышню, но та отвѣтила, что отлучится не надолго, догонитъ бабушку, и уѣхала. Тропининъ бросился къ женѣ.—«Вотъ онѣ, женщины! — думалъ онъ, — средины нѣтъ; либо кроткій ангелъ, либо демонъ скрытыхъ и сильныхъ страстей».

Илья и Ксенія долго не рѣшались передать этой вѣсти княгинѣ; наконецъ, кое-какъ, при помощи Маремьяши, они приготовили Анну Аркадьевну и все ей сообщили. Княгиня сперва всполошилась, крикнула приказчика, людей и велѣла скакать въ погону за Авророй. Илья ее остановилъ. Время было упущено и Аврора, уѣхавшая въ ночь на тройкѣ дяди, въ Каширѣ могла взять свѣжихъ ямскихъ и теперь, по всей вѣроятности, уже подъѣзжала къ дядѣ, который, безъ сомнѣнія, ей дастъ совѣтъ—скорѣе возвратиться домой.

Княгиня раскрыла ридикюль, выпула и попохала спирту и спросила, который часть? Тропининъ отвѣтилъ что скоро полдень.

— Прикажи, Ильюша, подавать завтракъ, и ѣдемъ,— сказала Анна Аркадьевна:—коляску же, мой хорошій, оставь, и едва Аврора возвратится, вели приказчику лично проводить ее въ Паншино... Такова непосѣда была и ея мать: все дѣлала по-своему и не спросясь... Впрочемъ, Арина—баба разумная, бережетъ ее... А этому старому сумасброду, Петру Андреевичу, я, какъ пріѣдемъ, сама напину. Вѣкъ чужарился и насъ обходилъ, пренаныщенный. И гдѣ ему давать совѣты о штабѣ? Это не гонянье съ борзыми! Оба они, съ покойнымъ братомъ, только умѣли заглядывать въ чужіе цвѣтники, а теперь, видно застрялъ въ своей трущобѣ и труситъ выглянуть, какъ мышь.

Аврора съ Ефимовной благополучно прибыли въ Дѣдиново, имѣніе дяди. Старикъ Петръ Андреевичъ, разбитый параличемъ, былъ неузнаваемъ. Онъ, сильно обрадовавшись

Аврорѣ, плакаль, какъ дитя, осыпаль ее ласками, разспрашиваль о ней и о ея горѣ, жаловался, что крестьяне его не слушаютъ и почти бросили. Безпомощный, сѣдой и худалый, онъ теперь особенно напоминаль Аврорѣ ея покойнаго отца.—«Тѣ же добрые, внимательные глаза и тотъ же ласковыи голосъ»,—думала она, глядя на него.

— Эхъ, не будь я прикованъ, да будь помоложе! — сказаль старикъ:—сѣлъ бы на чубараго и тебѣ нашель бы скакуна, и полетѣли бы съ тобою въ штабъ свѣтлѣйшаго—искать твоего сокола-молодца!

Пробывъ съ дядей дня три, Аврора, съ его денежною помощью и благословеніемъ, отправилась въ Серпуховъ.

По мѣрѣ удаленія отъ Дѣдинова и съ приближеніемъ къ Серпухову, странницы встрѣчали болѣе и болѣе общей растерянности и суеты. Нѣкоторыя селенія на пути были уже совершенно безлюдны, такъ что на Арину наналь сильный страхъ и она все охала. Покормить лошадей было пегдѣ, и Аврора всю дорогу ѣхала на притомленной тройкѣ дяди, не кормя. Въ Серпуховъ она пріѣхала днемъ. Онъ поразиль ее своею пустынностью. Половина его жителей, особенно позажиточнѣе, давно бѣжала въ Тулу, Орель и Черниговъ. По городу видѣлись только военные, двигались полковыя фуры, пушки и обозы съ продовольствіемъ для арміи. Аврора остановилась въ лучшемъ заѣзжемъ трактирѣ и послала отыскивать дьякона.

— Па что онъ тебѣ?—спросила Ефимовна:—что еще заѣхала? и гдѣ его тутъ найти?

— Нуженъ онъ мнѣ, знаетъ эти мѣста; его родичъ здѣсь: съ городомъ держить постоялый.

— Ну, справляйся, матушка, въ своихъ дѣлахъ, да и домой!.. Эка въ какую даль заѣхали; все военные да пушки... Ужь достанется намъ отъ бабушки!

— Она добрая, простить,—отвѣтила Аврора:—а я поговорю съ дьякономъ, завтра повпдаюсь съ городничимъ и съ военнымъ начальствомъ и—даю тебѣ слово—немедленно домой.

Отца Савву разыскали. Крайне удивленный появленіемъ Авроры, онъ радостно поспѣшилъ къ ней. Она ему сообщила, что намѣрена ѣхать въ Леташевку, гдѣ была квартира главнокомандующаго, и просила его разыскать для нея лошадей и подводу, чтобъ пробраться туда. Дьяконъ ушелъ

и возвратился только вечеромъ. Онъ былъ сильно не въ духѣ. Оставшіеся въ городѣ вольные ямщики заломили непомѣрную цѣну: сто рублей за два перегона.

— Давайте имъ, что потребуютъ,—сказала Аврора.

— Но какъ же вы поѣдете туда? Ужели однѣ?

— Возьму няню, хотя не желала бы подвергать ее опасностямъ.

Дьяконъ задумался. Онъ, повидавшись съ шуриномъ, въ тайнѣ рѣшилъ: снять рясу и поступить въ ополченіе.— «Отплатчу прагамъ за жену,—мыслилъ онъ,—не одного злодѣя положу за нее!»—Теперь былъ случай и ему ѣхать до Леташѣвки, и онъ думалъ предложить себя въ провожатые Аврорѣ, но не рѣшался.

Ефимовна внесла самоваръ и стала готовить чай. Изъ общей залы трактира давно несся шумъ голосовъ и звонъ посуды. Тамъ пировали какіе-то военные.— «Экіе озорники!—подумалъ Савва, —такъ поздно; не сообразить, что здѣсь дѣвица!»—Онъ вышелъ, поговорилъ съ половымъ и навѣдался въ залу; веселые крики въ послѣдней нѣсколько стихли.

— Кто тамъ?—спросила Аврора, когда онъ возвратился.

— Проѣзжіе гусары и между ними партизанъ, подполковникъ Сеславинъ,—отвѣтилъ дьяконъ:—лихой, да ласковый такой, меня угостилъ ромомъ.

— Что это за партизаны?—спросила Аврора, наливая дьякону чай.

— Охотники проявились за эти дни. Они составляютъ добротные отряды, слѣдятъ за врагомъ и бросаются кучей и въ одиночку въ самыя опасныя мѣста. Ихъ немало теперь,—Сеславинъ, князь Кудашевъ, и о нихъ много говорятъ.

— Чтò же о нихъ говорятъ?

— Не только офицеры, мужики съ дрекольемъ идутъ на злодѣевъ, стерегутъ ихъ, поднимаютъ на вилы, топятъ въ колодцахъ и прудахъ. Пронка Зернинъ подѣ Вязьмой, сотскій Ключкинъ... а старостиха Василиса въ Сычевкахъ? Чѣмъ не героиня? Суцая, можно сказать, Марѳа Пасадница, а по храбрости—амазонка, или даже, по своему подвигу, библейская Юдифь...

— Какой подвигъ?—съ жаднымъ любопытствомъ спросила Аврора, кутая въ мантію дрожавшія отъ волненія плечи.

— А какъ-же-съ. Эта старостиха собрала сычѣвскихъ мужиковъ съ косами, топорами и съ чѣмъ попало, свѣла верхомъ на лошади и во главѣ ихъ пошла...

— Баба-то? — не стерпѣвъ, отозвалась отъ двери Ефимовна: — и охота тебѣ, отче дьяконъ, молотъ такое несуръзное.

— Право слово, бабушка, вотъ-те Христось.

— Куда же она пошла?—спросила Аврора.

— На французовъ... наскочила на нихъ врасплохъ, убила косою по головѣ ихъ офицера, а мужики уложили съ десятокъ солдатъ, и вся ихъ партія была разбита и бѣжала. Потомъ, слышно, Васплиса пошла лѣсомъ къ ихъ лагерю.

— Боже Господи!—воскликнула, крестясь, Ефимовна:—и страха на нихъ нѣтъ! Зачѣмъ же къ лагерю-то?.. Вѣдь тамъ, чай, ихъ стража, часовые, туда не проберешься.

— Вездѣ, бабушка, коли захочешь, пройдешь.

— Да зачѣмъ же такъ-то прямо, на смерть?

— Сказываютъ, видѣла сонъ въ ноці и рѣшила, подкравшись изъ-за дерева, убить какого-нибудь важнаго генерала, не то и повыше. И какъ не идти? злодѣи насильничаютъ надъ всѣми; у помѣщика Волкова подъ Смоленскомъ двухъ красавицъ дочекъ силою увезли. Я сама недоумѣваю, охъ, не идти ли въ охотники?

Разказъ дьякона о партизанахъ поразилъ Аврору. Она молча соображала то, что онъ ей говорилъ. Савва стала прощаться.

— Такъ постарайтесь же, отецъ дьяконъ, — сказала Аврора:—что ни потребуютъ, давайте, лишь бы завтра, съ утра, я могла уѣхать.

Дьяконъ ушелъ. Утромъ Аврора написала нѣсколько писемъ и вынула съ груди ладонку, въ которой былъ вложенъ пукъ крупныхъ ассигнацій. То былъ подарокъ, полученный ею на разставаніи отъ дяди. Она отложила и подала Ефимовнѣ одну изъ ассигнацій.

— Вотъ, няня, — сказала она: — пока я схожу здѣсь по дѣламъ, ты все уложи и приготовься.

— Да зачѣмъ же мнѣ деньги-то?—удивилась Арина.

— Сама же ты говорила, что мелкихъ нѣту: размѣнай, понадобятся; купи провизію намъ и для кучера дяди, также овса лошадямъ. Возвращусь, сейчасъ уѣдемъ.

Едва Ефимовна ушла, Аврора упала на колѣни передъ

образомъ, помолилась, пріодѣлась и, позвавъ трактирнаго слугу, послала его къ подполковнику Сославиному — спросить его, не навѣститъ ли онъ, по нужному дѣлу, постоянцу, дѣвицу Крамаллину? Къ ней, черезъ четверть часа, охораниваясь, вошелъ невысокій, черноволосый и курчавый партизанъ Сославинъ.

Когда Ефимовна съ узломъ провизіи, запыхавшись, возвратилась въ трактиръ, ее встрѣтилъ смущенный Савва.

— Я добылъ, матушка, крытую кибитку и добрыхъ коней, — сказалъ онъ: — по нашей барышнѣ, о Господи, и слѣдъ простыль.

— Гдѣ же она? — спросила, всплеснувъ руками, Ефимовна.

— Оставила вотъ эти письма роднымъ, а сама укатила съ гусарами.

Арина остолбенѣла. Она, не помня себя, бросилась въ комнату Авроры. Комната была пуста.

XXXVII.

Въ началѣ октября, незадолго до битвы подъ Тарутинымъ, главныя русскія силы, при которыхъ находилса Кутузовъ, стояли въ окрестностяхъ села Леташёвки.

Съ утра шелъ мелкій, непрерывный дождь. По небу пелись клочковатая, мутно-сѣрая облака. Къ вечеру дождь, разогнанный палетѣвшимъ вѣтромъ, на нѣкоторое время прекратился. Грязь по улицамъ Леташёвки стояла невылазная. Квартира свѣтлѣйшаго находилась вблизи Тарутина, на окраинѣ села Леташёвки, у церкви, въ болѣе чистой и помѣстительной избѣ священника. Начальникъ главнаго штаба, генералъ Ермоловъ, съ адъютантами, квартировалъ на другомъ концѣ деревни, въ служительской избѣ брошенной помѣщицъей мызы.

Быль одиннадцатый часъ ночи. Ермоловъ, кончивъ обычный вечерній докладъ свѣтлѣйшему, возвратился домой пѣшкомъ, чуть не по колѣни увязая въ жидкой и скользкой грязи, сопровождаемый вѣстовымъ, который несъ передъ нимъ фонарь. Въ непроглядной тьмѣ, отъ надвигавшагоси свѣта фонаря, направо и налево по улицѣ выдѣлялись то полусломанные плетни и сарайчики дворовъ, то почернѣлыя отъ дождя соломенные крыши избъ, съ которыхъ еще струилась вода.

Сердитый, въ намокшей шинели и въ сплюснутой фуражкѣ, едва прикрывавшей концу отросшихъ за войну, ку-

дрявыхъ и взъерошенныхъ волосъ, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ сильнымъ взмахомъ ноги ступилъ на мокрое крыльцо и оттуда въ сѣни своей избы. У дверей передъ нимъ, въ темнотѣ, посторонился ожидавшій его адъютантъ, бывшій съ кѣмъ-то другимъ, какъ бы постороннимъ.

— Кто это еще съ вами?—недовольно спросилъ Ермоловъ, войдя въ освѣщенную комнату, куда денщикъ уже вносилъ приготовленный для генерала ужинъ.

— Не говоритъ своего имени; въ простомъ, мѣщанскомъ нарядѣ, но повидимому свѣтскій и образованный человѣкъ.

— Что же ему?

— Имѣть весьма срѣшное и важное дѣло къ свѣтлѣйшему.

— Какъ? къ князю? и въ эту пору?—изумился Ермоловъ, сердито вытряхивая объ полъ мокрую фуражку.

— Говорить, что дѣло первой государственной важности и безъ отлагательства.

— Ну, у нихъ все государственныя дѣла, — съ досадою произнесъ Ермоловъ, искоса глянувъ на столъ, отъ котораго уже доносился пріятный запахъ чего-то, жаренаго въ маслѣ съ лукомъ, и гдѣ стояла бутылка шабли, присланная въ тотъ день Алексѣю Петровичу въ презентъ отъ штабнаго маркитанта, общаго любимца и мага по добыванію тонкихъ напитковъ.

Надо было опять возиться съ неожиданнымъ дѣломъ. Хрипъ невольной досады послышался изъ широкой, богатырской груди Ермолова.

— Гдѣ этотъ непрошенный гость? зовите его! — сказалъ онъ адъютанту, садясь на скамью.

Изъ сѣней вошелъ мѣшковатый, высокаго роста, человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, круглолицый, съ приплюснутымъ носомъ и большими, на выкатъ, сѣрыми глазами. Въ его лицѣ было что-то бабье; рыжеватые волосы спадали на лобъ и на уши, какъ у чухонцевъ, прямыми космами; широко-разошедшіяся брови и крупныя, сжатыя губы придавали этому лицу выраженіе недовольства и какъ бы испуга.— «Баба!» подумалъ бы всякій, впервые взглянувъ на него, если бы не жиденькіе бакенбарды, шедшіе по этому лицу отъ ушей до подбородка. Незнакомецъ былъ одѣтъ въ бараніи, крытый сѣрымъ сукномъ, тулупчикъ и въ высокіе мѣщанскіе сапоги; въ рукахъ онъ держалъ мѣховой, съ козырькомъ, картузь.

— Кто вы?—спросил Ермоловъ.

Вошедшій молча оглянулся на адъютанта. Тотъ, по знаку Ермолова, вышелъ.

— Имя ваше, званіе?—спросил Ермоловъ.

— Отставной штабсъ-капитанъ артиллеріи, Александръ Самойловъ Фигнеръ,—негромко произнесъ незнакомецъ.

— Что же вамъ нужно?—спросил Алексѣй Петровичъ, досадливо сопя носомъ и своими соколыми карими глазами вглядываясь въ сѣрые, вяло на него смотрѣвшіе глаза гостя, ими котораго онъ уже встрѣчалъ въ реляціяхъ.

— Могу увѣрить, иначе бы не посмѣлъ, — дѣло первой важности и экстренное! — не торопись и старательно выговаривая слова, отвѣтилъ Фигнеръ: — и обратите вниманіе, генераль, — то, что нынѣ еще возможно и доступно, при медленности можетъ стать недоступнымъ и невозможнымъ. Кромѣ вашего превосходительства, да свѣтлѣйшаго, объ этомъ пока никто не долженъ знать.

— Безъ предисловія, излагайте скорѣе, — произнесъ Ермоловъ, сѣвъ на скамью и, съ понуренной головой, приготовясь слушать: — мы здѣсь одни, — въ чемъ ваше дѣло?

— Я служилъ въ третьей легкой ротѣ одиннадцатой артиллерійской бригады, а въ послѣднее время состоялъ въ тамбовской губерніи городничимъ, — началъ Фигнеръ: — движимый чувствомъ патріотизма и удручаемый всѣмъ, что случилось, я бросилъ службу и семью, обращался въ августъ къ графу Раstopчину и къ другимъ, а этими днями слова проникалъ, переряженный, въ Москву...

— Вы были въ Москвѣ?—спросил Ермоловъ.

— Такъ точно-съ... блуждалъ, то въ мундирѣ французскаго или итальянскаго офицера, то въ крестьянской одеждѣ, по пожарищу, пробирался и въ дома, занятые врагами, все высмотрѣлъ и напелъ, что легко и возможно разомъ положить человѣческій предѣлъ не только занятію первопрестольной, но можно сказать, и самой войнѣ, всѣмъ бѣдствіямъ Россіи и человѣчества.

— Вотъ какъ!—сказалъ Ермоловъ:—кончить войну?

— Да-съ, войну—отвѣтилъ Фигнеръ:—и это моя тайна...

«Что онъ, этотъ чухонецъ или жидъ, нелегкая побрала бы его, сумасшедшій? или нахаль и себѣ на умъ; дерзкій хвастунъ?—подумалъ Ермоловъ, гнѣвно глядя на стоявшаго передъ нимъ незнакомца, — ужъ не новый ли воздушный

царь Лепиха придумалъ, или что-нибудь въ родѣ этой галиматы? возись еще съ этимъ штафиркою!»

— Вы произнесли такія слова, — сказалъ онъ: — легкое ли дѣло, разомъ кончить громадную войну? Тутъ ухищренія стратегіи, великихъ, сложныхъ силъ... а у васъ... Впрочемъ, въ чемъ же эта ваша, столь заманчивая, великая напача?

Молча слушавшій насмѣшливыя возраженія Ермолова, Фигнеръ ступилъ ближе къ нему.

— Рѣшаясь на самоотверженное и, смѣю выразиться, — проговорилъ онъ: — безпримѣрное по отвагѣ дѣло, я все обдумалъ строго и со всѣхъ сторонъ... Но мой планъ, какъ и всякое человѣческое предпріятіе, можетъ не удался... Могу ли, поэтому, знать напередъ, смѣю ли питать надежду, что въ случаѣ неудачи этого плана, а вслѣдствіе того и неизбежной моей гибели, царь и отечество не оставятъ безъ призрѣнія моей осиротѣлой семьи? Я человѣкъ недостаточный... мнѣ довольно одного вашего слова...

— Что же вамъ нужно, прежде всего, для исполненія вашего предпріятія?—спросилъ нетеплѣрливо Ермоловъ.

— Мой тѣзка, Александръ Никитичъ Сеславинъ, предложилъ мнѣ вступить въ его отрядъ; онъ ждетъ отвѣта; но я надумалъ другое. На основаніи общаго устава о партизанскихъ отрядахъ, я попросилъ бы дозволить мнѣ дѣйствовать самостоятельно, а именно, предоставить въ мое распоряженіе и по моему личному выбору хотя бы человѣкъ семь-восемь казаковъ.

— Ваша семья будетъ обезпечена, — сказалъ, подумавъ, Ермоловъ: — теперь говорите, для чего вамъ казаки и въ чемъ вашъ планъ?

Сѣрые, круглые глаза Фигнера заглялись страннымъ блескомъ, и онъ самъ оживленно вытянулся и точно выросъ. Его лицо поблѣднѣло, нижняя челюсть слегка застрялась.

— Мой планъ очень простъ и несложенъ, — произнесъ онъ, судорожно подергивая рукой: — вотъ этотъ планъ... Я — кровный врагъ идеологовъ. О, сколько они нанесли вреда! ихъ глава и вождь...

Онъ остановился, пристально глядя на Ермолова, и, казалось, не находилъ нужныхъ словъ.

— Я задумалъ, — проговорилъ онъ, помолчавъ: — и моя мысль безповоротна... я рѣшился истребить главную и един-

ственную причину всего, что дѣлается... а именно убить Наполеона...

— Что вы сказали?—спросилъ, привставъ, Ермоловъ.

— Убить вождя французовъ...

«Да, онъ не въ здоровомъ умѣ! — подумалъ, разглядывая Фигнера, Ермоловъ, — а впрочемъ, почему же не въ здоровомъ? Не отчаянный ли скорѣе фанатикъ, гонимый непреодолимой душевною потребностью? Да и не онъ одинъ. Луницъ тоже предлагалъ отправить его парламентаремъ къ Наполеону и вызывался, подавая ему бумагу, заколотъ его кинжаломъ».

Ермоловъ поднялся со скамьи.

— Такъ вы, дѣйствительно, на это рѣшились?—спросилъ онъ, все еще недоумывая, что за человѣкъ стоялъ передъ нимъ въ эту минуту.

— Рѣшился и не отступлю,—отвѣтилъ Фигнеръ.

— Какъ же вы полагаете исполнить ваше намѣреніе? Одно дѣло—задумать, а другое—исполнить задуманное.

— Что Богъ дастъ: либо выручить, либо выучить! Я снова переодѣнусь, смотря по надобности, нищимъ или мужикомъ, проберусь въ Кремль, или въ другое мѣсто, гдѣ будетъ злодѣй, и глазъ-на-глазъ лично напесу ему ударъ. Пособники мнѣ будутъ нужны только для предварительныхъ развѣдокъ и приготовленій.

— Вы говорите, у васъ семья?—спросилъ Ермоловъ.

— Жена и пятеро дѣтей, малъ-мала меньше.

— Гдѣ они?

— Рѣшась проникнуть въ Москву, оставилъ ихъ въ Моршанскѣ.

— Какъ вы проникли въ Москву?

— Съ французскимъ паспортомъ; они сами мнѣ его дали, назвавъ меня, cultivateur, помѣщикомъ.

— Что вы дѣлали тамъ?

— Слѣдилъ за выходомъ оттуда непріятельскихъ фуражировъ, разбивалъ ихъ подъ Москвой, съ охотниками, и отнималъ ихъ подводы... въ дѣлахъ штаба должны быть обо мнѣ упоминанія.

— Да, о васъ доносили. И вы готовы на такой шагъ, не боитесь?

— На всякую бѣду страха не напасешься—Богъ не выдать, боровъ не съѣсть!—отвѣтилъ Фигнеръ:—Врутъ убили

своего друга Цезаря, мнѣ же корсиканскій кровопійца не другъ... Я день и ночь молился, клялся.

«Рисуется нѣмчурá, — подумаль Ермоловъ, — а впрочемъ, посмотримъ».

— Что же вы желаете получить, въ случаѣ удачи? — спросилъ онъ:—говорите прямо.

Фигнеръ слегка покраснѣлъ. Его глаза глядѣли холодно и спокойно.

— Ничего, — отвѣчалъ онъ:—я приношу себя въ жертву отечеству. Россія вскормила меня; душою я русскій.

— А родомъ?

— Остзеецъ.

— Есть съ вами бумаги?

— Вотъ онѣ...

XXXVIII.

«Чудеса! —раздумываль, просмотрѣвъ бумаги, Ермоловъ, — ферфлюхтеръ, а говоритъ съ пафосомъ и русскими по-словницами, даже слова какъ-то особенно старательно отчеканивасть».

Онъ задалъ еще нѣсколько вопросовъ Фигнеру. Тотъ на все отвѣчалъ здраво и обдуманно. — «Какъ быть? —терялся въ догадкахъ Ермоловъ, —умолчать объ этомъ гусѣ передъ свѣтлѣйшимъ невозможно... Чтò бы ни вышло, впоследствіи, отвѣтственность падаетъ на меня перваго... ну, да его съ этою затѣей, вѣроятно, безъ уваженія славить самъ князь».

Ермоловъ кликнулъ адъютанта, сдалъ ему на руки Фигнера и, снова надѣвъ мокрую фуражку, пошелъ по лужамъ и скользкой грязи къ главнокомандующему. Адъютантъ было предложилъ осѣдлатъ для него коня; Ермоловъ, съ досадою махнувъ рукой, отправился опять нѣшкомъ.

У воротъ квартиры Кутузова провожатый вѣстовой наткнулся на княжескаго денщика, шедшаго притворять ставни.

— Всѣ спятъ-съ! — сказалъ денщикъ, разглядѣвъ при свѣтѣ фонаря фигуру Ермолова, вынырнушаго изъ темноты.

— А самъ свѣтлѣйшій? —спросилъ Ермоловъ.

— Тоже въ постели, хотя свѣчи у нихъ еще горять.

— Доложи.

Денщикъ черезъ сѣни вошелъ въ темную пріемную, оттуда въ спальню Кутузова. Ермоловъ былъ приглашенъ въ комнату, изъ которой вышелъ всего полчаса назадъ.

Кутузовъ, въ одной рубахѣ, сидѣлъ на постели, спустивъ

на коврикъ босыя ноги, прикрытыя бухарскимъ халатомъ. Передъ нимъ на кругломъ столикѣ лежала карта Россіи, утыканная булавками, съ головками изъ краснаго и чернаго сургуча, изображавшими русскія и французскія войска. Онъ передъ приходомъ Ермолова разсматривалъ эту карту. Комната, по обычаю стараго князя, любившаго теплоту, была жарко топлена.

— Что, голубчикъ?—спросилъ онъ, устремивъ навстрѣчу входившему Ермолову не совсѣмъ довольный, утомленный взглядъ:—все ли у васъ благополучно?

— Слава Богу, ничего новаго; но вотъ что случилось...

Ермоловъ неторопливо и въ подробностяхъ передалъ свѣтлѣйшему о прибытіи и предложеніи Фигнера.

— Я счелъ священнымъ долгомъ, — заключилъ онъ: — не мѣшкай, обо всемъ доложить... Что прикажете? Фигнеръ у меня, ждетъ рѣшенія.

— Такъ вотъ что, — произнесъ Кутузовъ, натягивая себѣ на плечи сползавшій съ него халатъ: — штука казусная... все ли ты терпѣливо выслушалъ и разспросилъ?

— До точности, ваша свѣтлость.

— А какъ полагаешь, онъ не насчетъ пернѣтуумъ-мобиле, не изъ желтаго дома? примѣтилъ ты, въ порядкѣ ли его мозги?

— Мнѣ этотъ вопросъ прежде всего пришелъ въ голову, — отвѣтилъ Ермоловъ: — я его такъ и этакъ, на всѣ стороны допрашивалъ; говорить толково, въ глазахъ змѣйки не бѣгаютъ, нѣтъ ничего подозрительнаго... Осуществимо ли его предпріятіе, — дѣло другое. Отваженъ же онъ и смѣлъ, кажется, дѣйствительно безъ мѣры, и его рѣшимость, повидимому, искренняя и прямая.

Старчески-обрюзглое лицо Кутузова поникло. Онъ задумался. На гладко-выбритомъ, жирномъ и бѣломъ его подбородкѣ, отъ тепла комнаты или отъ душевнаго волненія, выступила испарина. Онъ нервнымъ движеніемъ пухлой руки тронулъ себя за подбородокъ и, задумавшись, устремилъ свой единственный зрячій глазъ куда-то въ сторону, мимо этой комнаты и Ермолова, мимо этой ночи и всего того, что ей предшествовало и такъ донынѣ подавляло дрихлаго тѣломъ, но бодрого духомъ, стараго вождя.

— Вѣдь, вотъ шельма придумалъ! — разведя руками и опять хватаясь за увлаженное лицо, сказалъ князь: — а дѣло,

надо признаться, изъ ряда вонъ и, во всякомъ случаѣ, необычное. Но на чемъ основаться?

Князь медленно повернулся на подостланной подъ него перинѣ.

— Разумѣется, бывали примѣры въ древности, и именно въ Римѣ, во время войны Пирра и Фабриція,—продолжалъ онъ: — только тамъ, сколько припомню, разыгралось все иначе. Ну, какъ это было? пришли и говорятъ Фабрицію, что нѣкій врачъ изъ грековъ, — это въ Римѣ было то же, что въ Россіи наши нѣмцы,—съ цѣлью разомъ прекратить войну, вызвался, безъ колебанія, отравить Пирра. Ну, Фабрицій, какъ поминишь, выслушалъ, какъ и ты, этого нѣмца, да и отослалъ врага-предателя въ распоряженіе самого Пирра. Остроумнаго дѣкаришку Пирръ, разумѣется, вздернулъ на первую осину, или тамъ, по-ихнему, смоковницу, что ли... тѣмъ дѣло и кончилось... Ты что на это скажешь?

Ермоловъ, пахмурясь, молчалъ. Догоравшія свѣчи уныло мигали на столѣ. Кутузовъ взглянулъ въ ближайшее къ кровати окно, изъ котораго въ эту ночь опять виднѣлось зарево надъ Москвою.

— Мое мнѣніе, — произнесъ онъ: — убей этотъ чухонецъ, и въ самомъ дѣлѣ, Бонапарта, всѣ скажутъ, не онъ, а я, да ты, Алексѣй Петровичъ, предательски его ухлопали. Вѣдь правда?

— Положимъ, ваша свѣтлость, то было давно и въ Римѣ,—отвѣтилъ Ермоловъ, еще не угадывавшій, куда клонилъ князь: — и прошлое не всегда урокъ для настоящаго. Но я позволю себѣ, однако, только спросить, чѣмъ этотъ новый, вторгшійся къ намъ Атилла лучше какого-нибудь Степани Разина или Пугачова? Тѣ изверги шли изъ-за Волги, этотъ изъ Парижа, — въ томъ вся и разница; сходства же въ разрушителяхъ много... Владѣть отуманенною ими, раболѣпною толпой, двигать, при всяческихъ обманахъ, полчищами жадныхъ до жизни, одичалыхъ бандитовъ, вторгаться, для удовлетворенія собственнаго самолюбія, въ мирную страну, предавая въ ней все грабежу, огню и мечю... Чѣмъ же это не отверженецъ людскаго общества, чѣмъ не Разинъ или не Пугачовъ?

Кутузовъ отодвинулъ столъ, напелъ босыми ногами и надѣлъ туфли, медленно поднялся съ постели и, оставя халатъ,

въ одномъ бѣльѣ началъ, заложивъ руки за спину, въ перепалку, прохаживаясь по комнатѣ.

— Именно, отверженецъ новаго сорта! — сказалъ онъ, помолчавъ: — ты выразился вѣрно!.. Но какъ разрѣшить вопросъ? подумай... Если бы я и ты, лично напавъ на Наполеона, начали съ нимъ драться явно, одинъ на одинъ... дѣло другое... А тутъ выходитъ, точно камнемъ изъ-за угла.

— Какъ угодно вашей свѣтлости, — почтительно-сухо проговорилъ Ермоловъ, какъ бы собираясь уйти.

— Да нѣтъ, погоди! — остановилъ его Кутузовъ: — мы съ тобою — полководцы девятнадцатаго вѣка, — вотъ что я хочу сказать. А наши противники достойны ли этого имени? Я предсказывалъ, что они будутъ ѣсть конину — ѣдятъ... говорилъ, что Москва для ихъ идола и ихъ армій станетъ могилой, — стала... ихъ силы съ каждымъ днемъ таютъ... — Князь опять прошелся по комнатѣ. — Прогонимъ ихъ, увидишь, — сказалъ онъ: — я не доживу, ты дождешься... Тѣ же французы свергнутъ своего кумира и такъ же бѣшено и легкомысленно проклянутъ его и весь его родъ, какъ свергли, казнили и проклинали своего истиннаго короля... Жалкая нація...

Кутузовъ, опершись руками о подоконникъ, глядѣлъ на небо, окрашенное заревомъ.

— Опять огонь... догораетъ, страдальца! Вспомнятъ они этотъ пожаръ, — сказалъ онъ: — не платится за эту сожженную Москву!

— Такъ что же прикажете, ваша свѣтлость, относительно предложенія Фигнера? — спросилъ Ермоловъ: — всякіе шатаются теперь, и чистые, и темные люди.

Кутузовъ обернулся къ нему и развелъ руками.

— Дѣло, не подходящее ни подъ какіе артикулы, — сказалъ онъ: — а впрочемъ, Христосъ съ нимъ! Знаешь поговорку: смѣлаго нищъ въ тюрьмѣ, труса въ полахъ... Дай ему, голубчикъ, по положенію о партизанахъ, восемь казаковъ, Богъ съ нимъ. Гласъ народа — гласъ Божій; пусть творить, что хочетъ, если на то воля свыше, а приказа убивать... я ему не даю!

Партизаны Сеславинъ и Фигнеръ, по условію, стѣхались у деревни князя Вяземскаго, Астафьева. Фигнеръ объявилъ, что ему на время разрѣшено дѣйствовать самостоятельно,

и просилъ наставленій и совѣтовъ у болѣе опытнаго товарища. Сеславникъ уступилъ ему изъ своего отряда двухъ кавалеристовъ, въ томъ числѣ молоденькаго юнкера, который особенно просился къ Фигнеру. Невысокій, черноволосый и сухощавый, этотъ юнкеръ, въ казачьей одеждѣ, казался робкимъ мальчикомъ, но лихо ѣздилъ верхомъ. Купленный имъ у казаковъ донской конь Зорька былъ сильно худъ, но не зналъ усталости. Фигнеръ въ ту же ночь съ этимъ юнкеромъ ускакалъ по направленію къ Москвѣ.

XXXIX.

Французы окончательно покинули Москву 11 октября. Извѣстіе объ этомъ, напечатанное лишь черезъ девять дней въ Петербургѣ, въ «Сѣверной Почтѣ», отъ 19 октября, достигло Панища, гдѣ въ это время проживала съ семьей княгиня, лишь въ концѣ октября. Газетныя реляціи, впрочемъ, были уже предупреждены словесною молвой. Всѣ терялись въ догадкахъ, куда скрылась Аврора. Извѣстій отъ нея, послѣ письма изъ Серпухова, не приходило. Княгиня была въ неопisanномъ горѣ. Ксенія и ея мужъ не знали, какъ ее утѣшить.

Прогрѣбли сраженія подъ Тарутиннымъ, гдѣ былъ убитъ ядромъ Багговутъ, подъ Малоарославцемъ и Краснымъ, гдѣ французы потеряли почти всѣхъ своихъ, шедшихъ съ ними, пѣльняныхъ. Недопущенный русскими въ Калугу, Наполеонъ по неволѣ бросился на опустошенную имъ самими дорогу къ Смоленску.

Французская армія, гонимая отдохнувшими и окрѣпшими русскими войсками, шедшими за нею по пятамъ, вдвинулась въ пространство между верховьями Днѣпра и Двины. Озлобленный псуздачами, Наполеонъ повелъ эту армію къ Березинѣ, теряя отъ трехъ, открытыхъ имъ въ Россіи, стихійныхъ силъ—невылазпой грязи, страшнаго мороза и казаковъ — тысячи солдатъ и лошадей. Не менѣе того, на этомъ пути вредили непріятелю и отважные партизаны.

Пронеслись вѣсти о подвигахъ полковника-поэта Давыдова, Орлова-Денисова, князей Кудашева и Вадбольскаго, Сеславина, Фигнера и другихъ отчаянныхъ смѣльчаковъ. Называли и другія, менѣе извѣстныя имена, въ томъ числѣ дьякона Савву Скворцова, мстившаго за похищенную у него жену. Онъ въ какой-то вылазкѣ, подкравшись изъ лѣса, разможилъ дубиною голову французскому артиллеристу, гото-

вившемуся вышлать картечь въ русскій отрядъ, и небольшая французская батарея стала добычею русскихъ безъ боя. О партизанахъ рассказывали цѣлыя легенды. Фигнеръ, по слухамъ, не заставъ Наполеона въ Москвѣ, усилилъ свой отрядъ новыми охотниками и бросился по Можайской дорогѣ. Здѣсь онъ отбилъ обширный непріятельскій обозъ, захватилъ болѣе сотни плѣнныхъ и, на глазахъ французскаго арріергарда, взорвалъ цѣлый вражескій артиллерійскій паркъ. Въ толкахъ о партизанахъ стали упоминаться и женскія имена. Въ обществѣ говорили объ отвагѣ и храбрости дѣвочки Дуровой, принявшей имя кавалериста Александрова, и о другихъ двухъ героиняхъ, не оставившихъ потомству своихъ именъ.

Предводительствуя небольшими летучими отрядами изъ гусаровъ, казаковъ и добрыхъ разночинцевъ, смѣлые партизаны неожиданно появлялись то здѣсь, то тамъ, и день, и ночь тревожили остатки великой французской арміи, отбивая у нея подводы съ припасами и московскою добычею, артиллерію и цѣлые транспорты больныхъ и отсталыхъ. При обозахъ отбивали и отряды плѣнныхъ, которыхъ враги гнали съ собою въ качествѣ носильщиковъ и прислуги.

Побѣды русскихъ подъ Краснымъ окончательно разстроили французскую армію. Въ этихъ сраженіяхъ, съ 3 по 6 ноября, французы потеряли болѣе двадцати-шести тысячъ плѣнными, въ томъ числѣ семь генераловъ, триста офицеровъ и болѣе двухъ сотъ орудій. Началось сплошное бѣгство разбитыхъ и изнуренныхъ бездорожьемъ, голодомъ и болѣзнями остатковъ Наполеоновскихъ полчищъ.

Поля давно покрылись снѣгомъ. Начались сильные морозы, сопровождаемые вѣтромъ и метелями. Но вдругъ снова потеплѣло. Стужа смѣнилась туманами. Начало таять. По дорогамъ образовались выбоины и невылазная грязь. Кутузовъ, сопровождая свои ободренные побѣдой отряды, ѣхалъ то въ крытыхъ саняхъ, то въ коляскѣ и даже, смотря по пути, на дрожкахъ.

На дневкѣ, шестого ноября, князь, осматривая верхомъ биваки, часу въ пятомъ дня, приблизился къ лагерю гвардейскаго семеновскаго полка. Его сопровождали нѣсколько генераловъ и адъютантовъ. Все были въ духѣ, оживленно и весело толковали объ окончательномъ пораженіи корпуса

Нея, приче́мъ въ одно́мъ изъ захва́ченныхъ русскими обо-зовъ былъ даже взятъ маршалскій жезлъ грознаго герцога Даву.

Вече́рѣло. Густой туманъ съ утра плавалъ надъ полями; среди него кое-гдѣ, какъ острова, виднѣлись опу́стѣлыя дере́веньки и чернѣли вершины лѣса. Свѣтлѣйшій поды́халъ къ палаткѣ ко́мандира гвардейцевъ, генера́ла Лаврова, не-вдали отъ которой молоде́цкій офице́ръ, въ артилле́рійской формѣ, снималъ карандашомъ портре́тъ съ тяжело-рана́наго, тутъ же сидѣвшаго своего товарища. Князь и его свита сошли съ лошадей. Князю у палатки поставили скамью, на которую онъ, крехтя и разминая усталые члены, опустился съ удовольствіемъ, поглядывая на смѣшавшагося рисо-вальщика.

— Какъ ваша фамилія?—спросилъ Кутузовъ, подозревая его къ себѣ.

— Квашинъ, ваша свѣтлость,—отвѣтилъ, краснѣя, офице́ръ:—я это такъ-съ, карандашомъ для его отца.

— Что же, и отлично. Я васъ гдѣ-то видѣлъ?

— Послѣ моего плѣна въ Москвѣ, и ваша свѣтлость еще тогда удивлялись, какъ я вынесъ,—заторопился, еще болѣе краснѣя, офице́ръ: — я былъ тогда ординарцемъ Михаила Андреича...

— А съ кого рисовали?

— Тюнтинъ, товарищъ... оба мы подъ Краснымъ...

Кутузовъ болѣе не слушалъ офице́ра. Сопровождавшіе князя гвардейскіе солдаты-кирасиры, сойдя въ это время съ лошадей, стали вокругъ него, съ отбитыми неприя́тельскими знаменами, составивъ изъ нихъ, для защиты отъ вѣтра, нѣчто въ родѣ шатра. Кутузовъ смотре́лъ на эти знамена. Туманъ вправо надъ полемъ разошелся, и заходящее солнце изъ-за холма ярко освѣтило ряды палатокъ, пушки, ружья въ козлахъ и оживленныя кучки солдатъ, бродившихъ по лагерю и сидѣвшихъ у разведенныхъ костровъ. Денщики полковаго ко́мандира разносили чай. Кто-то сталъ читать вслухъ надписи надъ знаменами.

— Что тамъ?—спросилъ, опять глянувъ на эти знамена, Кутузовъ:—написано Австерлицъ? да, правда, жарко было подъ Австерлицомъ; но теперь мы отомщены. Укоряютъ, что я за Бородино выпросилъ гвардейскимъ капита́намъ брильянтовые кресты... какіе же навѣситъ теперь за Крас-

пое? Да осьшь я, не только офицеровъ, каждаго солдата алмазами, все будетъ мало.

Князь помолчалъ. Онъ улыбался. Всѣ въ тихомъ удовольствіи смотрѣли на стараго князя, который теперь былъ въ духѣ, а за послѣдніе дни даже будто помолодѣлъ.

— Помню я, господа, лучшую мою награду, — сказали Кутузовъ:—награду за Мачинъ; я получилъ тогда георгіевскую звѣзду. Въ то время эта звѣзда была въ особой чести; я же былъ помоложе и полонъ надеждъ... Есть ли еще здѣсь кто-нибудь, между вами, кто бы помнилъ тогдашняго молодого Кутузова? нѣтъ? еще бы... ну, да все равно... Вотъ и получилъ я звѣтную звѣзду. Матушка же царица, блаженной памяти Екатерина, потребовала меня въ Царское Село. Ёду я; прѣхаль. Вижу, приемъ заготовленъ парадный. Вхожу въ раззолоченныя залы, полныя пышными, раззолоченными сановниками и придворными. Всѣ съ уваженіемъ, какъ и подобало, смотрять на храбраго и статнаго измаильскаго героя, скажу даже красавца, да, именно красавца! потому что я тогда, въ сорокъ-шесть лѣтъ, еще не былъ, какъ теперь, старою вороной, я же... ни на кого! Иду и думаю объ одномъ,—у меня на груди преславная георгіевская звѣзда! Дошелъ до кабинета, смѣло отворяю дверь... Что же со мной и гдѣ я?—вдругъ спросилъ я себя.—Забылъ я, господа, и Георгія, и Измаиль, и то, что я Кутузовъ. И ничего, какъ есть, передъ собою не взвидѣлъ, кромѣ небесныхъ, голубыхъ глазъ, кромѣ величаваго, царскаго взора Екатерины... Да, вотъ была награда!

Кутузовъ съ трудомъ досталъ изъ кармана платокъ, отеръ имъ глаза и лицо и задумался. Всѣ почтительно молчали.

— А гдѣ-то онъ, собачій сынъ, сегодня ночуетъ?—вдругъ сказалъ князь, громко засмѣявшись: — гдѣ-то нашъ Бонапартъ? пошелъ по шерсть, самъ стриженный воротился! не везетъ ему, особенно на ночлегахъ. Сеславинъ сегодня объщаль не давать ему ни на волосъ передышки. А ужъ Александръ Никитичъ постоитъ за себя. Молодцы партизаны,—спасибо имъ!.. Бѣжить отъ насъ теперь пресловутый побѣдитель, какъ школьникъ отъ березовой каши.

Дружный хохотъ присутствовавшихъ покрылъ слова князя.

Всѣ заговорили о партизанахъ. Одни хвалили Сеславина и Вадбольскаго, другіе Давыдова, Чернозубова и Фигнера. Кто-то замѣтилъ, что въ партіи Сеславина снова отличилась

кавалеристъ-дѣвица Дурова. На это краснѣвнѣйшій при каждомъ словѣ Квашининъ замѣтилъ, что и въ отрядѣ Фигнера, какъ онъ навѣрное слышалъ, въ одеждѣ казака, скрывается другая таинственная героиня. Квашинина стали спрашивать, что это за особа.

Онъ, робко взглядывая то на князя, то на хмуря лица огромныхъ кирасирскихъ солдатъ, сталъ по-французски объяснять, что, по слухамъ, это—какая-то московская барышня, которой, впрочемъ, ему не удалось еще видѣть.

— Кто, кто?—спросилъ рассказчика свѣтлѣйшій, прихлебывая изъ подаяннаго ему стакана горячій чай:—еще амазонка?

— Такъ точно-съ, ваша свѣтлость! — отвѣтилъ совѣтъ ставшій багровымъ Квашининъ:—московская дѣвица Крамлинна. Она, какъ говорятъ, являлась еще въ Летаишѣвкѣ; ее привезъ изъ Серпухова Александръ Никитичъ Сеславинъ.

— Зачѣмъ прѣзжала?

— Кого-то разыскивала въ приказахъ и въ реляціяхъ... я тогда только-что вырвался изъ плѣна и не былъ еще...

— Ну, и что же она? нашла?—спросилъ князь, отдавая денщику стаканъ.

— Никакъ нѣтъ-съ; а не найдя, упросилась къ Фигнеру и съ той поры состоитъ неотлучно при немъ. Изумительная рѣшимость: служить, какъ простой солдатъ... вынослива, покорна... и подаетъ примѣръ... потому что...

Окончательно смѣшавшійся Квашининъ не договорилъ.

— Вчера, господа, этотъ Фигнеръ,—пересбилъ его, обращаясь къ офицерамъ, генералъ Лавровъ:—чуть не наѣздался на самого Наполеона; прямо было изъ-за холма налетѣлъ на его стоянку, но, къ сожалѣнію, спутали проводники... ужъ вотъ была бы штука... поймали бы краснаго звѣря...

— Да, именно красный, матерой!—приятно проговорилъ, разминаясь на скамьѣ, Кутузовъ:—сегодня, кстати, въ числѣ разныхъ и въ прозѣ и поэтическихъ, незаслуженныхъ мною посланій я получилъ изъ Петербурга отъ нашего уважаемаго писателя, Ивана Андревича Крылова, его новую, собственноручную басню: «Волкъ на псарнѣ». Вотъ такъ подарокъ.

Кутузовъ, заложивъ руку за спину, вынулъ изъ мундирнаго кармана скомканный листъ синеватой почтовой бумаги, расправилъ его и, будучи съ молодыхъ лѣтъ отличнымъ чтецомъ

и даже, какъ говорили о немъ, хорошимъ актеромъ, отчетливо и пѣсколько нараспѣвъ началъ:

Волкъ, ночью, думая попасть въ овчарню,
Попалъ на псарню...

Онъ съ одушевленіемъ, то понижая, то повышая голосъ, картинно прочелъ, какъ, «чужа сѣраго, псы залились въ хлѣвахъ, вся псарня стала адомъ», и какъ волкъ, забившись въ уголь, сталъ всѣхъ увѣрять, что онъ—«старинный свать и кумъ» и пришелъ не биться, а мириться, —словомъ, «установить общій ладъ»...

При словахъ басни:

Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
«Ты сѣрь, а я, пріятель, сѣдь!»

Кутузовъ приподнялъ бѣлую, съ краснымъ околышемъ, гвардейскую фуражку и, указавъ на свою сѣдую, съ рѣдкими, зачесанными назадъ волосами голову, громко и съ чувствомъ продекламировалъ заключительныя слова ловчаго:

«А потому обычай мой, —
Съ волками иначе не дѣлать мнѣ озой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой...»
И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю!

Окружавшіе князя восторженно крикнули ура, подхваченное всѣмъ лагеремъ.

— Ура, спасителю отечества! — крикнулъ, отирая слезы и съ восторгомъ смотря на князя, Кванинъ.

— Не мнѣ, русскому солдату—честь! — закричалъ Кутузовъ, взобравшись, при помощи подскочившихъ офицеровъ, на лавку и размахивая фуражкой:—онъ, онъ сломилъ и гонить теперь подстрѣленного на смерть, голоднаго звѣря...

XI.

Снова настала стужа, подулъ вѣтеръ и затрещалъ сильный морозъ.

Голодный, раненый звѣрь, роняя клочками вырываемую шерсть и истекая кровью, скакалъ, между тѣмъ, по снова замерзшей грязи, по сугробамъ и занесеннымъ вьюгою пустыннымъ равнинамъ и лѣсамъ. Онъ добѣжалъ до Березины, остановился, замеръ въ виду настигавшихъ его озлобленныхъ гонцовъ, готовыхъ добить его и растерзать, отчаяннымъ взмахомъ ослабѣвшихъ ногъ бросилъ по снѣгу, для отвода глазъ, двѣ-три хитрыхъ, слѣдовыхъ петли, сбивъ гонцовъ съ пути и, напрягая послѣднія усилія, переплылъ

за Березину. Чтò ему было до его гибнущихъ сподвижниковъ, которыхъ, догоняя, враги рубили и топили въ обледѣлой рѣкѣ? Онъ убѣжалъ самъ; ему было довольно и этого.

Французы, теряя свои послѣдніе обозы, перенравились по наскоро устроеннымъ, ломавшимся мостамъ черезъ Березину, у Студянки, 14 ноября. Озадаченные ихъ неожиданною переправою и уходомъ, русскіе вожди растерялись, и, взваливая другъ на друга вину этого промаха, съ новою силой бросились по пятамъ вражескихъ легионовъ, бѣжавшихъ обратно за русскую границу. Партизаны и казаки, обгоняя бѣглецовъ по литовскимъ болотамъ и лѣсамъ, преслѣдовали ихъ, по выраженію Наполеона, какъ орды новыхъ аравитянъ. Сеславинъ гнался за французами слѣва, Фигнеръ справа. Оба втайнѣ стремились исправить ошибку Березины, схватить въ плѣнъ самого Наполеона. Сеславину едва не удалось достигнуть этого у села Лядь. Онъ подкрался ночью, проникъ въ село и даже перерѣзалъ пикетъ, охранявшій путь императора. Но всыхнувшій пожаръ предупредилъ Наполеона, и онъ со свитой объѣхалъ Ляды сбоку. Фигнеръ съ своимъ отрядомъ бросился окольными лѣсами, въ перерѣзъ французамъ, на городокъ Опшяны. Туда же, съ другой стороны, направился и Сеславинъ. Каждый изъ нихъ составилъ свой собственный планъ и мечталъ о его успѣшномъ исполненіи.

Измученный и возмущенный рядомъ неудачъ, Наполеонъ въ мѣстечкѣ Сморгони неожиданно призвалъ Мюрата и другихъ, бывшихъ съ нимъ, маршаловъ и объявилъ имъ, что пожаръ Москвы, стужа и ошибки его подчиненныхъ заставляютъ его сдать войско Мюрату, и что онъ ѣдетъ обратно въ Парижъ—готовить къ веснѣ новую, трехсотъ-тысячную армію и новый походъ противъ Россіи.

Изъ Вильны, къ которой направлялся Наполеонъ, была заранѣе, съ фельдъегеремъ, тайно вытребована, для охраны его пути, цѣлая кавалерійская дивизія Луазона. Этотъ отрядъ, не зная цѣли новаго движенія, снѣшилъ навстрѣчу бѣгущему императору, занимая по пути занесенные снѣгомъ деревни, мызы и постоялые дворы. Слухъ о причинѣ похода изъ Вильны дошелъ, наконецъ, до передового полка этой дивизіи, на половину состоявшаго изъ итальянцевъ и саксенъ-веймарцевъ. Южные солдаты, невольные соратники великой

арміи, съ отмороженными лицами, руками и ногами, въ сырыхъ и дымныхъ литовскихъ лачугахъ, чуть не вслухъ роптали за скудною овсяною похлебкой, проклиная главнаго виновника ихъ бѣдствій.

— Онъ снова позорно бѣжитъ, предавая насъ гибели, какъ бѣжалъ изъ Египта! — толковали солдаты и офицеры этого отряда: — не достаетъ, чтобы казаки схватили и посадили его, какъ рѣдкаго звѣря, въ желѣзную клѣтку.

Было 23 ноября.

Послѣ двухдневной, непрерывной бури и метели, настала тихая, ясная погода. День стоялъ солнечный; морозъ былъ свыше двадцати градусовъ. По бѣлому, ярко-блестящему полю, столбовою, обставленною вербами дорогой, несся на полозьяхъ, съ обитыми потертымъ волчьимъ мѣхомъ стеклами, жидовско-пליхетскій возокъ, въ какомъ тогда ѣздили зажиточные поссессоры, арендаторы и помѣщики средней руки. За нимъ слѣдовала рогожаная кибитка, съ полостью, въ видѣ зонтика. Оба экипажа охраняло конное прикрытіе изъ нѣсколькихъ сотъ, смѣнявшихся по пути, польскихъ улановъ. Слѣгъ визжалъ подъ полозьями. Красивые султаны, мелькавшіе на шалкахъ прикрытія, издали казались цвѣтками мака на снѣжной равнинѣ.

Въ возкѣ, въ медвѣжьей шубѣ и въ такой же шапкѣ, сидѣлъ Наполеонъ. Съ нимъ рядомъ, въ лисьемъ тулупѣ, — Коленкуръ; напротивъ нихъ, въ буркѣ, — генераль Рапигъ. На козлахъ, въ мужичьихъ, бараньихъ шубахъ, обмотавъ, чѣмъ понало, головы, сидѣли мамелюкъ Рустанъ и, въ качествѣ переводчика, польскій шляхтичъ Вонсовичъ. Въ кибиткѣ слѣдовали оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генераль-адъютантъ Мутонъ. Наполеонъ ѣхалъ подъ именемъ «герцога Виченцскаго», то-есть Коленкура.

— Да гдѣ же ихъ проклятыя сѣла, города? — твердилъ Наполеонъ, то и дѣло высовывая изъ медвѣжьего мѣха иззябшій, покрасѣвшій носъ и съ нетерпѣніемъ приглядываясь въ оледенѣлое окно: — пустыня, снѣгъ и снѣгъ... ни человѣческой души! Скоро ли стоянка, перемѣна лошадей?

Рапигъ вынулъ изъ-подъ бурки серебряную луковичу часовъ и, едва держа ихъ въ окостенѣлой рукѣ, взглянулъ на нихъ.

— Перемѣна, ваше величество, скоро, — сказалъ онъ: — а стоянка, по росписанію, еще за Ошмянами, не ближе, какъ черезъ четыре часа.

— Есть съ нами провизія?—спросилъ Наполеонъ.

— Утромъ, ваше величество, за завтракомъ,—отозвался Коленкуръ:— вы все изволили кончить, фаршированную индѣйку и страсбургскій широгъ.

— А ветчина?

— Остались кости, вы велѣли отдать проводнику.

— Сыръ?

— Есть кусокъ стараго.

— Благодарю; горькій и сухой, какъ щетка. Ну, хоть бѣлый хлѣбъ?

— Ни куска; Рустанъ подалъ за десертомъ послѣдній ломоть.

Версть черезъ пять, путники на бѣлой полянѣ завидѣли новый, конный пикетъ, грѣвшійся у костра, близъ пустой, раскрытой корчмы, и новую ожидавшую ихъ смѣну лошадей. Наполеонъ, сердито поглядывая на перепряжку, не выходилъ изъ экипажа. Возокъ и кибитка помчались далѣе. Наполеонъ дремалъ, но на толчкахъ просыпался и заговаривалъ съ своими спутниками.

— Да, господа, — сказалъ онъ, какъ бы отвѣчая на занимавшій его мысли:—ко всѣмъ нашимъ бѣдствіямъ, здѣсь еще и явственная измѣна. Шварценбергъ, вопреки условію, отклонился отъ пути дѣйствій великой арміи; мы брошены на произволъ собственной участи... И какъ сражаться при такихъ условіяхъ?

Возокъ вѣхалъ на сугробъ и быстро съ него скатился.

— А стужа? а эти казаки, партизаны? — продолжалъ Наполеонъ:—они въ конецъ добиваютъ наши обезсиленные, разрозненные легіоны. Подумаешь, эта дикая, негодная конница, способная производить только нестройный шумъ и гамъ... она бессильна противъ горсти мѣткихъ стрѣлковъ,—а стала грозною въ этой непонятной, бессмысленной странѣ... Наша превосходная кавалерія истреблена безкормицей; пѣхоту интенданство оставило безъ шубъ и безъ сапогъ... всѣ, наконецъ, голодаютъ.

На лицѣ новаго цезаря его спутники въ эту минуту прочли, что голодь — дѣйствительно скверная вещь. Проѣхали еще съ десятокъ верстъ. Вечерѣло. Наполеонъ, чувствуя, какъ мучительно поютъ иззябшіе пальцы его ногъ, опять задремалъ.

— Нѣтъ, не въ силахъ, не могу! — рѣшительно сказалъ

опъ, хватаясь за кисть окна: — у перваго жилья мы остановимся. Пойдемъ же тамъ хоть кусокъ мяса или тарелку горячаго.

— Но, ваше величество, — сказалъ Ранпъ: — не безпокойтесь; до назначенной по маршруту стоянки не болѣе двухъ часовъ. Это замокъ богатаго и преданнаго вамъ здѣшняго помѣщика... Вонсовичъ ручается, что все у него найдемъ...

— Чортъ съ вашимъ маршрутомъ и замкомъ; я голоденъ, шутка ли, еще два часа! не могу...

— Но намъ до ночи надо проѣхать Ошмяны...

Наполеонъ не вытерпѣлъ. Онъ съ сердцемъ дернулъ кисть, опустилъ стекло и высунулся изъ окна. Верстахъ въ трехъ впереди, вправо отъ дороги, виднѣлось какое-то жилье.

— Мыза! — сказалъ императоръ: — очевидно, зажиточный домъ и церковь. Мы здѣсь остановимся.

— Простите, ваше величество, — произнесъ Коленкуръ: — это противъ росписанія, и васъ здѣсь не ожидаютъ...

— При этомъ, возможно и нападеніе, засада, — прибавилъ Ранпъ.

— Что вы толкуете! поселокъ среди открытой, ровной поляны, — сказалъ Наполеонъ: — ни лѣса, ни холма! а нашъ эскортъ? Велите, герцогъ, заѣхать.

Коленкуръ остановилъ повъздъ и для развѣдки послалъ впереди часть конвоя. Возвратившіеся уланы сообщили, что на мызѣ, повидимому, все спокойно и благополучно. Возокъ и кибитка направились въ сторону, къ небольшому, подъ черепицей, домику, рядомъ съ которымъ были конюшня, амбаръ и людская изба. За домомъ, въ занесенномъ снѣгомъ саду, виднѣлась деревянная церковь, за церковью — небольшой, пустой поселокъ.

Обогнувъ домъ, возокъ подкатилъ къ крыльцу. Во дворѣ и возлѣ него не было видно никого. Стоявшая на привязи, у амбара, лошадь въ санкахъ показывала, однако, что мыза не совсѣмъ пуста.

XII.

Въ сѣняхъ дома путниковъ встрѣтилъ толстый и лысый, невысокаго роста, ксендзь. За нимъ у стѣны жался какой-то подростокъ. Одежда, видъ и конвой путниковъ смутили ксендза. Онъ, блѣдный, растерянно послѣдовалъ за ними. Войдя въ комнату, Наполеонъ сбросилъ на поставленные руки Рустава и Вонсовича шубу и шапку и, оставшись

въ бархатной, на ватѣ, зеленой курткѣ, надѣтой сверхъ синяго егерскаго мундира, присѣлъ на стулъ и строго взглянулъ на Вонсовича.

— Кушать государю!—почтительно согнувшись, шепнулъ Вонсовичъ священнику.

Пораженный вѣстью, что передъ нимъ императоръ французовъ, ксендзъ въ молчаливомъ изумленіи глядѣлъ на Наполеона, съ котораго Рустанъ стягивалъ высокіе, на волчьемъ мѣху, сапоги.

— Чего-нибудь, — продолжалъ Вонсовичъ: — ну, супу, борщу, стаканъ грѣтаго молока. Только скорѣй...

— Нѣтъ ничего! — жалостно проговорилъ ксендзъ, сложивъ на груди крестомъ руки.

— Такъ бѣлаго хлѣба, сметаны, творогу.

— Ничего, ничего!—въ отчаяніи твердилъ помертвѣлыми губами священникъ:—гдѣ же я возьму? все ограбили сегодня прохожіе солдаты.

— Чтѣ оиъ говоритъ?—спросилъ Наполеонъ.

Вонсовичъ перевелъ слова священника.

— Они отбили кладовую, — продолжалъ ксендзъ: — угнали послѣднюю мою корову и порѣзали всѣхъ птицъ... я остался, какъ видите, въ одной рясѣ и самъ съ утра ничего не ѣлъ.

— Но можно послать на фольваркъ, — замѣтилъ Вонсовичъ.

— О, панъ капитанъ, всѣ крестьяне и мои домочадцы разбѣжались, и если бы не мой племянникъ, только-что подлѣхавшій за мной изъ мѣстечка, я, вѣроятно, погибъ бы съ голоду, хотя не рошчу... О, его цезарское величество, я въ томъ убѣжденъ, современемъ, все вознаградитъ...

Вонсовичъ перевелъ отвѣтъ и заключеніе ксендза. Наполеонъ при словахъ о грабежѣ и о томъ, что нечего ѣсть, нахмурился. Но онъ сообразилъ, что дѣлать нечего и что таковы слѣдствія войны для всѣхъ, въ томъ числѣ и для него, и рѣшилъ показать себя великодушнымъ и выше встрѣченныхъ невзгодъ. Милостиво потрепавъ ксендза по плечу, онъ сказалъ ему, черезъ переводчика, что радъ случаю видѣть его, такъ какъ въ жизни встрѣчаетъ перваго священника, который такъ покоренъ обстоятельствамъ и некорыстолюбивъ.

— Да, — вдругъ обратился онъ по-латыни непосредственно къ ксендзу: — у насъ есть общій намъ, родственный языкъ; будемъ говорить по-католически, по-римски.

Священникъ въ восхищеніи преклонился.

— Я никогда не разставался съ Салюстіемъ, — сказалъ Наполеонъ: — носилъ его въ карманѣ и съ удовольствіемъ прочитывалъ войну противъ Югорты. А Цезарь? его гальская война? мы тоже, святой отецъ, воюемъ съ новѣйшими дикими варварами, съ галлами востока... Но надо покоряться лишеніямъ.

Говоря это, Наполеонъ прохаживался по комнатѣ. Радостно-изумленный ксендзъ и свита благоговѣнно внимали бойкимъ, хотя и не вполне правильнымъ римскимъ цитатамъ новаго Цезаря. Въ уютной комнатѣ кстати было такъ тепло. Вечернее же солнце такъ домовито и весело освѣщало скромную мебель въ бѣлыхъ чехлахъ, гравюры по стѣнамъ и уцѣлѣвшіе отъ грабителей горшки цвѣтовъ на окнахъ, что всѣмъ было пріятно.

Наполеонъ еще что-то говорилъ. Вдругъ онъ, нагнувшись къ окну, остановился. Онъ увидѣлъ на дворѣ нѣчто, удивившее и обрадовавшее его. Въ слуховое окно конюшни выглянула пестрая, хохлатая курица. Уйдя днемъ отъ грабителей на сѣнникъ, она озадаченно теперь оттуда поглядывала на новыхъ, нахлынувшихъ посѣтителей и, очевидно, не рѣшалась, въ обычный часъ, обратиться въ разоренный птичникъ, на своей намести, какъ бы раздумывая: а что, какъ поймаютъ здѣсь и зарѣжутъ?

— Reverendissime, esse pulla! (почтеннѣйшій, вотъ курица!) — сказалъ Наполеонъ, обращаясь къ священнику.

Ксендзъ и прочіе бросились къ окну. Они, дѣйствительно, увидѣли курицу и выбѣжали во дворъ. Уланы справа и слева оцѣпили конюшню и полѣзли на сѣнникъ. Курица съ крикомъ вылетѣла оттуда черезъ ихъ головы въ садъ. Офицеры, мамелюкъ Рустанъ и Мутонъ пустились ее догонять. Имъ помогаль, командуя и разставляя пѣды пубы, даже важный и толстый Дюрокъ. Наполеонъ съ улыбкой слѣдилъ изъ окна за этою охотой. Курица была поймана и торжественно внесена въ домъ.

— Si item... если ты такой же умѣлый цоварь, — сказалъ Наполеонъ ксендзу: — какъ священникъ, сдѣлай мнѣ хорошую похлебку.

— Съ великимъ удовольствіемъ, государь! (Magna cum voluptate, Caesar!) — нерѣшительно отвѣтилъ ксендзъ: — боюсь только, можетъ не удастся.

Подростокъ-племянникъ священника растопилъ въ кухнѣ печь. Рустанъ иззябшими руками оципалъ и выпотрошилъ зарѣзанную хохлатку.

— Но, ваше величество, — замѣтилъ, взглянувъ на свою луковицу, Раппъ: — мы опоздаемъ; какую тревогу забьютъ въ замкъ того помѣщика, гдѣ ожидаютъ васъ, и въ Ошмянахъ!

— А вотъ, погоди, уже пахнетъ оттуда! — отвѣтилъ Наполеонъ, обращая носъ къ кухнѣ: — успѣемъ, еще свѣтло... разставлена ли цѣпь?

— Разставлена...

Похлебку приготовили. Къ дивану, на которомъ сидѣлъ Наполеонъ, придвинули столъ. Въ виду того, что вся посуда у ксендза была ограблена, кушанье принесли въ простомъ глиняномъ горшкѣ; у солдатъ достали походную деревянную ложку.

— Дивно, прелестъ! (Optime, superrime!) — твердилъ Наполеонъ, жадно глотая и смакуя жирный, душистый наваръ.

Мамелюкъ прислуживалъ. Онъ вынулъ куриное мясо, разрѣзалъ его на части своимъ складнымъ ножомъ и подаль на опрокинутой крышкѣ горшка часть грудинки, съ крыломъ. Наполеонъ потянулъ къ себѣ всю курицу, кончилъ ее и, весь въ поту отъ вкусной ѣды, оглянулся на руки Рустана, державшаго походную флягу, съ остаткомъ бордо.

— Да это, друзья мои, не бивачная закуска, а цѣлый пиръ! — восторженно сказалъ Наполеонъ, допивъ въ нѣсколько приемовъ флягу: — я такъ не ѣлъ и въ Тюльери.

— Пора, ваше величество, осмѣлюсь сказать, — произнесъ Коленкуръ: — смеркается, мы здѣсь цѣлый часъ.

Наполеонъ улыбнулся счастливою, блаженною улыбкой, протянулъ ноги на подставленный ему стулъ, безнадежно махнулъ рукой и, какъ сидѣлъ на диванѣ, оперся головой о стѣну, закрылъ глаза и, въ теплой, уютной, полуосвѣщенной комнатѣ, почти мгновенно заснулъ. Лица свиты вытянулись. Коленкуръ дѣлалъ нетерпѣливые знаки Раппу, Раппъ — Дюроку; но всѣ раболѣпно-почтительно замерли, и, не смѣя пикнуть, молча ожидали пробужденія усталого цезаря.

Въ тотъ же день, передъ вечеромъ, верстахъ въ пяти отъ большой виленской дороги, въ густомъ лѣсу, подходившемъ къ городку Ошмянамъ, показался отрядъ всадниковъ.

То была партія Фигнера. Усиленно проскакавъ сытошными трущобами и болотами, она стала бивакомъ въ лѣсной чащѣ и, не разводя огней, рѣшила до ночи собрать свѣдѣнія, кто и въ какомъ количествѣ занимаетъ Ошмяны.

Въ городѣ, въ крестьянскомъ зипунишкѣ и войлочной капелюхѣ, на дровняхъ лѣсника, прежде всѣхъ побывалъ самъ Фигнеръ. Онъ, къ изумленію, узналъ, что здѣсь стоитъ пришедшій наканунѣ изъ Вильны отрядъ французской кавалеріи. Ломая голову, зачѣмъ сюда пришли французы, онъ посилъшиль обратно къ бивуаку, гдѣ, посовѣтовавшись съ офицерами, раздѣлилъ свою партію на-двое и одну ея часть послалъ, также стороной и лѣсомъ, далѣе къ селенію Мѣдянкѣ, а другой велѣлъ остаться при себѣ на мѣстѣ. Въ Ошмяны же, для развѣдки, какъ великъ французскій отрядъ, онъ разрѣшилъ послать собственного ординарца Крама и стоявшаго долгое время въ Литвѣ, а потому знающаго мѣстный языкъ, стараго казацкаго урядника Мосенча.

Путники, уже въ сумерки, вслѣдъ за какимъ-то обозомъ, на тѣхъ же дровняхъ, въѣхали въ городъ. Улицы были почти пусты, лавки и кабаки закрыты. Изрѣдка только встрѣчались прохожіе и проѣзжіе. Окна свѣтились лишь въ немногихъ домахъ.

У крайняго, съ клѣтушами и длинными сараями, постоялаго двора, при въѣздѣ въ городъ, оказался большой конный французскій пикетъ. Солдаты, какъ бы отдыхая, полулежали у забора, держа подъ уздцы на-готовѣ лошадей. Они разговаривали и, очевидно, чего-то ожидали. Завидѣвъ ихъ еще издали и плетясь пѣшкомъ у санокъ, одѣтый дровосѣкомъ, урядникъ Мосенчъ шепнулъ ординарцу, лежавшему въ саняхъ на кучѣ дровъ:

— Ваше благородіе, видите, сколько, ихъ? не вернуться ли?

— Ступай, — отвѣтилъ также шопотомъ ординарецъ: — авось пропустятъ... зайду на постоянный дворъ, еще кое-что узнаемъ.

— Да мнѣ не велѣно васъ бросать.

— Ну, какъ знаешь, заѣзжай и самъ; только не разомъ, попозже.

Ординарецъ, миновавъ стражу, всталъ и направился на постоянный дворъ, къ смежной, съ чистыми свѣтлицами, рабочей избѣ. Урядникъ, для отвода глазъ, направился съ дровами окольными улицами, на базарную площадь, а оттуда

къ мосту и, вываливъ тамъ дрова, также потомъ завернулъ съ санями въ ворота постоялаго двора. Не распрягая лошади, онъ поставилъ ее къ яслямъ, подъ навѣсъ, взялъ у дворника сѣна и овса, всыпалъ овесъ въ торбу, а самъ прилежъ въ сани, прислушиваясь къ возгъ и говору на замолкавшемъ дворѣ. Окончательно стемнѣло.

XII.

Одѣтый мелкимъ хуторяниномъ, въ бешметѣ на заячьемъ мѣху и въ черной барашковой литовской шапкѣ, ординарецъ Фигнера былъ—Аврора Крамалина.

Сперва скитаніе въ оставленной французами Москвѣ потомъ почти четырехнедѣльное пребываніе въ партизанскомъ отрядѣ сильно измѣнили Аврору. Съ коротко-остриженными волосами и обвѣтреннымъ лицомъ, въ казацкомъ чекменѣ или въ артиллерійскомъ шпенцерѣ, съ пистолетомъ за поясомъ и въ высокихъ сапогахъ, она походила на молоденькаго, только что выпущеннаго въ армию кадета Фигнеръ, щадя и оберегая ввѣренную ему Сеславинымъ Аврору, тщательно скрывалъ ея, извѣстные ему, происхожденіе и полъ и, ссылаясь на молодость и слабыя силы принятаго имъ юнкера, почти не отпускалъ ее отъ себя. Офицеры сперва звали новобранца—Крамалинъ, а потомъ, со словъ казаковъ, просто—Крамъ. Иные изъ нихъ, въ началѣ знакомства, стали-было трунить надъ новымъ товарищемъ, говоря о немъ: «Какой это воннъ? красная дѣвочка!»—Но Фигнеръ, намекнувъ на высокое родство и связи новобранца, такъ осадилъ насмѣшниковъ, что всѣ ихъ остроты прекратились, и на юнкера никто уже не обращалъ особаго вниманія.

Состоя въ ординарцахъ у Фигнера, Аврора почти не сходила съ коня. Всѣ удивлялись ея неутомимому усердію въ службѣ. Голодная, иззябшая, являясь съ развѣдками и почти не отдохнувъ, она въ постоянномъ, непонятномъ ей самой, лихорадочномъ возбужденіи, всегда была готова скакать съ новымъ порученіемъ. Одно ее смущало: холодная, почти звѣрская жестокость ея командира съ попавшими ему въ руки плѣнными. Тихій съ виду и, казалось, добрый Фигнеръ, на ея глазахъ, любезно-мягко шутя и даже угощая голодныхъ, достававшихся ему въ добычу плѣнныхъ, внимательно разспрашивалъ ихъ о томъ, что ему было нужно, пересыпая шутками, записывалъ ихъ показанія и затѣмъ

безпощадно ихъ разстрѣливалъ. Однажды, — Аврора въ особенности не могла этого забыть, — онъ, собственноручно, послѣ такого допроса, пристрѣлилъ изъ пистолета одного за другимъ пятерыхъ молившихъ его о пощады плѣнныхъ.

— Зачѣмъ такая жестокость? — рѣшилась тогда, не стерпѣвъ, спросить своего командира Аврора.

— Слушайте, Крамъ, — отвѣтилъ онъ, ероша космы своихъ волосъ: — зачѣмъ же я буду ихъ оставлять? ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга! все равно перемерзли бы... не таскать же за собой...

Аврорѣ у ошмянскаго постоялаго двора, при видѣ жалобно жавшихся другъ къ другу, съ обернутыми тряпьемъ лицами и ногами, итальянскихъ солдатъ, вспомнилась другая сцена. За два дня передъ тѣмъ, Фигнеръ, съ частью своей партіи, также отлучился для особой развѣдки къ мѣстечку Сморгднн. Возвратясь къ остальнымъ, онъ рассказалъ, что и какъ имъ сдѣлано.

— Представь, — обратился онъ къ гусарскому ротмистру, бывшему въ его отрядѣ: — только-что мы выглянули изъ-за кустовъ, видимъ, у мельницы, французская подвода съ больными и ранеными, — очевидно, обламалась, отстала отъ своего обоза, и при ней такой солидный и важный, въ густыхъ эполетахъ, французскій штабъ-офицеръ. Мы вторые сутки брели лѣсомъ, безъ дорогъ, измучились, проголодались и вдругъ — что же увидѣли? — собачьи дѣти преспокойно развели костеръ и варятъ рисовую кашу. Ну, я ихъ, разумѣется, и потревожилъ; смялъ съ налета, всѣхъ перевязалъ и началъ укорять: такіе вы, сякіе, говорю, пришли къ намъ и еще хвалитесь просвѣщеніемъ, такъ такіе, молъ, у васъ писатели — Бомаршэ, Вольтеръ... а сами что надѣлали у насъ? Ихъ командиръ, въ эполетахъ, вмѣшался и такъ заносчиво и гордо сталъ возражать. Ну, я не вытерпѣлъ и былъ принужденъ, разложивъ на снѣгу попонку, предварительно предать его тѣлесному наказанію.

— Предварительно? — спросилъ ротмистръ: — а послѣ? что ты съ ними сдѣлалъ и куда ихъ сбывъ?

Фигнеръ на это молча сдѣлалъ рукою такой знакъ, что Аврора вздрогнула и тогда же рѣшила, при первомъ удобномъ случаѣ, опять проситься обратно къ Сеславиному. Какъ она ни была возбуждена и, вслѣдствіе того, постоянно точно

приподнята надъ всѣмъ, что видѣла и слышала, она не могла вынести жестокихъ выходовъ Фигнера.

Болѣе же всего Аврорѣ остался памятенъ одинъ случай въ окрестностяхъ Рославля. Фигнеру отъ начальства было приказано, въ виду начавшейся тогда оттепели, собрать и сжечь валявшіеся у этого города трупы лошадей и убитыхъ и замерзшихъ французовъ. Онъ, давъ отдыхъ своей командѣ, поручилъ это дѣло находившимся въ его отрядѣ калмыкамъ и киргизамъ. Тѣ стащили трупы въ кучи, переложили ихъ соломой и стали поджигать. Рядъ страшныхъ костровъ задымился и запылалъ по сторонамъ дороги. Въ это время изъ деревушки, близъ Рославля, ѣхала въ Смоленскъ провѣдать о своемъ томившемся тамъ въ плѣну мужѣ помещица Микѣшина. Ея возокъ поровнялся съ одною изъ приготовленныхъ кучъ. Калмыки уже поджигали солому. Путница видѣла, какъ огонь быстро побѣжалъ кверху по соломѣ. Вдругъ послышался голосъ кучера: «Матушка, Анна Дмитриевна! гляньте... жгутъ живыхъ людей!»—Микѣшина выглянула изъ возка и увидѣла, что солома наверху кучи приподнялась и сквозь ней сперва просунулась, судорожно двигаясь, живая рука, потомъ обезумѣвшее отъ ужаса, живое лицо. Подозвавъ калмыковъ, поджигавшихъ кучи, Микѣшина со слезами стала молить ихъ—спасти несчастнаго француза, и за червонецъ купила его у нихъ. Они вытащили несчастнаго изъ кучи и положили къ ней въ ноги. Возокъ поѣхалъ обратно, въ деревушку Микѣшиныхъ, Платоново. Фигнеръ узналъ о сердолобіи калмыковъ. Онъ позволялъ своего ординарца.

— Скачите, Крамъ, за возкомъ,—сказалъ онъ Аврорѣ:—остановите его и предложите этой почтенной госпожѣ возвратить спасеннаго ею мертвеца.

— Но, господинъ штабъ-ротмистръ,—отвѣтила Аврора:—этотъ мертвый ожилъ.

— Не разсуждайте юнкеры!—строго объявилъ Фигнеръ:—великодушіе хорошо, но не здѣсь; я вамъ приказываю.

Аврора видѣла, какимъ блескомъ сверкнули сѣрые глаза Фигнера, и болѣе не возражала. — «Я его брошу, брошу этого жестокосердаго», — думала она, догоняя возокъ. Настигнувъ его, она окликнула кучера. Возокъ остановился.

— Сударыня, — сказала Аврора, нагнувшись къ окну

возка:—начальникъ здѣшнихъ партизановъ, Фигнеръ, проситъ васъ возвратить взятаго вами плѣннаго.

Изъ-подъ полости, со дна возка, приподнялась страшно исхудалая, съ отмороженнымъ лицомъ, жалкая фигура. Мертвенно-тусклые, впалые глаза съ мольбой устремились на Аврору.

— О, господинъ, господинъ... во имя Бога, пощадите! — прохрипѣлъ французъ:—мнѣ не жить... но не мучьте, дайте мнѣ умереть спокойно, дайте молиться за русскихъ, моихъ спасителей.

Эти глаза и этотъ голосъ поразили Аврору. Она едва успѣла на конѣ. Плѣнный не узналъ ее. Она его узнала: то былъ ея недавній поклонникъ, взятый соотечественниками въ плѣнъ, эмигрантъ Жерамбъ. Аврора молча повернула коня, хлестнула его и поскакала обратно къ биваку.—«Ну, что же? гдѣ выкупленный мертвецъ?» — спросилъ ее, улыбаясь, Фигнеръ. — «Онъ вторично умеръ», — отвѣтила, не глядя на него, Аврора.

Объ этомъ Аврора вспомнила, пробираясь, подъ лай цѣпнаго пса, къ рабочей избѣ постоялаго двора. Она остановилась подъ сараемъ, въ глубинѣ двора. Здѣсь, впотьмахъ, она услышала разговоръ двухъ французскихъ офицеровъ кавалерійскаго пикета, наблюдавшихъ за своими солдатами, которые среди двора поили у колодца лошадей.

— Ну, страна, отверженная Богомъ,—сказалъ одинъ изъ нихъ:—не вѣрилось прежде; Россія—это нечеловѣчскій холодъ, бури и всякое горе... И несчастные зовутъ еще это отечествомъ!.. (Et les malheureux appellent cela une patrie!).

— Терпѣніе, терпѣніе, — отвѣтилъ другой, съ итальянскимъ акцентомъ.

Къ нимъ подошелъ третій французскій офицеръ. Солдаты въ это время повели лошадей за ворота. Свѣтъ фонаря отъ крыльца избы освѣтилъ лицо подошедшаго.

— Это вы, Лані?—спросилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Да, это я,—отвѣтилъ подошедшій.

То былъ статный, смуглый и рослый уроженецъ Марсели, майоръ Лані. Онъ, какъ о немъ впоследствии говорили, стоялъ во главѣ недовольныхъ сто-тринадцатаго полка и давно тайно предлагалъ расправиться съ обманувшимъ ихъ вождемъ французовъ.

— Что вы скажете? Вѣдь онъ дѣйствительно бросилъ

армію и скачеть... припоздалъ, по пути, въ замкѣ здѣшняго магната: ему тепло и сыто, а намъ...

— Я скажу, что теперь настало время!.. Мы бросимся, переколемъ прикрытіе...

Аврора далѣе не слышала. Сторожевой пѣсь, равнѣйшей съ цѣпи на Мосенча и другихъ двухъ путниковъ, которые въ это время вѣхали во дворъ, заглушилъ голосъ майора. Аврора, сказавъ нѣсколько словъ уряднику, пробралась въ черную избу. Полуосвѣщенныя почникомъ нары, лавки и печь были наполнены спящими рабочими и путниками. Снявъ шапку и въ недоумѣніи озираясь по избѣ, Аврора думала: «Отъ кого довѣдаться и кого разсирозить? неужели ждуть Наполеона? Боже! что я дала бы за часъ сна въ этомъ тихомъ, тепломъ углу!»

— Обогрѣться, паночку, соснуть? — отозвался выглянувшій съ печи бородастый, лѣтъ пятидесяти, но еще крѣпкій бѣлоруссъ-мужикъ.

— Да,—отвѣтила Аврора: — мнѣ бы до зари, пока разсвѣтѣтъ.

— Съ фольварка?

— Да...

— Мѣжа, за рыбкой, альбо—мучицы?

— За рыбой...

— Ложись тута... тѣсно, а мѣсто есть!—сказалъ, отодвигаясь отъ стѣны, мужикъ.

Онъ съ печи протянулъ Аврорѣ мозолистую, жесткую руку. Она влѣзла на нары, оттуда на верхнюю лежанку и протянулась рядомъ съ мужикомъ, отъ зипуна котораго пріятно пахло льняною куделью и сѣною трухой.

— Мы мельники, а тоже и куделью торгуемъ,—сказалъ, зѣвая мужикъ.

Примостивъ голову на свою барашковую шапку и прислушиваясь, всѣ ли остальные спятъ, Аврора молчала; смолкъ и, какъ ей показалось, тутъ же заснулъ и мужикъ. Въ избѣ настала полная тишина. Только внизу, подъ лавками, гдѣ-то звенѣлъ сверчокъ, да тараканы, тихо шурша, ползали вверхъ и внизъ по стѣнамъ и печкѣ. Долго такъ лежала Аврора, поджидая условнаго зова Мосенча, чтобы, до начала зари, выбраться изъ города. Она забылась и также задремала. Очнувшись отъ нервнаго сотрясенія, она долго не могла понять, что съ нею и гдѣ она? Понемногу

она разглядѣла на лавкѣ, у стола, худого и блѣднаго итальянскаго солдата, которому другой солдатъ перевязывалъ по-синѣвшую, отмороженную ногу. Они тихо разговаривали. Раненый, слушая товарища, злобно повторялъ: «diavolo... vienì». Въ дверь вошелъ рослый, бородатый рабочий. Онъ растолкалъ спавшихъ на нарахъ и на печи другихъ рабочихъ. Всѣ встали, крестясь и поглядывая на солдатъ, обнулись и вышли. Итальянцы также оставили избу. Изъ сѣней пахнуло свѣжимъ холодомъ. За окномъ заскрипѣлъ ночевавшій во дворѣ, съ какой-то кладью, обозъ.

— Усѣ имъ, поганцамъ, по наряду вязуць! — тихо проговорилъ, точно про себя, лежавшій возлѣ Авроры мужикъ.

— Откуда везуть?

— Зъ Вильны.

— Куда?

— На сустрѣчь ихъ войску. Кажуть, — продолжалъ, оглядываясь, мужикъ: — ихняго Бонапарта доканали, и онъ чуть пятки унесъ, увъ свои земли удравъ.

— Не убѣжалъ еще, — произнесла Аврора: — его слѣдятъ.

— Убѣжить! яны, ироды, усѣ струсили; якъ огня, боятся казаковъ, а особъ Сеславина, да есть еще такой Фигнеръ. Принесъ бы ихъ Господь!

— А ты, дѣдушка, за русскихъ?

— Мы, нанѣчку, изстари русскіе, православные тутъ; мельники, куделью торгуемъ.

Мужикъ опять замолчалъ. Еще какіе-то мужикъ и баба встали, крестясь, изъ угла и, подобравъ на спину котомки, вышли. Въ избѣ остались только Аврора, спавшее на печи чье-то дитя и мельникъ-мужикъ. Прошло болѣе часа.

Аврора не спала. Рой мыслей, одна тяжелѣе другой, преслѣдовалъ и томилъ ее. Она перебирала въ умѣ свой первый, неудачный шагъ въ партизанскомъ отрядѣ Фигнера, когда она поступила къ нему въ Астафьевъ и, въ крестьянской одеждѣ, проникла въ Москву. Фигнеръ былъ полонъ надеждою — пробратъся въ Кремль и убить Наполеона. Она надѣялась получить аудіенцію у Даву и, если Перовскій еще живъ, вымолить у грознаго маршала помилованіе ему, а себѣ дозволеніе — раздѣлить съ нимъ бѣдствія плѣна. Аврорѣ живо припомнилась ночь, когда она и Фигнеръ, съ телѣгою, какъ бы для продажи, нагруженною мукой, пробрались, черезъ Крымскій бродъ и Орловъ лугъ, въ Москву

и до утра скрывались въ ея развалинахъ. Съ разсвѣтомъ ихъ поразила мертвая пустынность сгорѣвшихъ улицъ. Они съ тѣлѣгой направились въ провіантское депо, къ Кремлю. На Каменномъ мосту, какъ она помнила, ихъ оглушилъ неожиданный, громовой взрывъ; за нимъ раздались другой и третій. Громадные столбы дыма и всякихъ осколковъ поднялись надъ кремлевскими стѣнами, осыпавъ мостъ пылью и пескомъ. По набережной, выплевывая изо рта мусоръ, въ ужасѣ бѣжали немногіе изъ обитателей удѣлѣвшихъ окрестныхъ домовъ. Отъ нихъ странники узнали, что Наполеонъ, съ главными французскими силами, въ то утро оставилъ Москву, уводя съ собою громадный обозъ и плѣнныхъ и приказавъ оставшемуся отряду взорвать Кремль.

XLIII.

Аврора посѣтила въ погорѣлой Бронной пепелище бабки, была и на Дѣвичьемъ полѣ. Монахини Поводѣвичьяго монастыря показали ей опустѣлую квартиру Даву и близъ огородовъ, — у берега Москвы-рѣки, — мѣсто его страшныхъ казней. Здѣсь-то, въ слезахъ и отчаяніи, Аврора поклялась — до послѣдней капли крови преслѣдовать изверговъ, отнявшихъ и убившихъ ея жениха. Она было оставила Фигнера и, пріютившись у знакомой, пощаженной французами, старушки — кастелянши Воспитательнаго дома, около двухъ недѣль оставалась въ Москвѣ, разыскивая Перовскаго между русскими и французскими больными и плѣнными. Не найдя его, она рѣшила, что онъ погибъ, опять пробралась въ отрядъ Фигнера, рыскавшаго въ то время у путей отступленія французовъ къ Смоленску, и уже не покидала его.

«Но, можетъ-быть, онъ живъ? — думалось иногда Аврорѣ о Перовскомъ, — что, если въ послѣднюю минуту его пощадил, и теперь, измученнаго, по этой стужѣ, голоднаго и безъ теплой одежды, ведутъ, какъ тысячи другихъ плѣнныхъ?» — Аврора на походѣ съ трепетомъ прислушивалась къ извѣстіямъ изъ другихъ отрядовъ, и едва до нея доносился слухъ объ отбитіи у неприятеля русскихъ плѣнныхъ, сцѣпила искать среди нихъ вѣстей о Перовскомъ. Никто изъ тѣхъ, кого она спрашивала, не слышалъ о немъ и не видѣлъ его, ни въ Москвѣ, ни на пути.

Исполняя порученія неутомимаго и почти не спавшаго Фигнера, Аврора часто не понимала, зачѣмъ именно она здѣсь, среди этихъ лишеній и въ этой обстановкѣ, если ея

жениха нѣтъ болѣе на свѣтѣ? Для чего, бросивъ теплый родной кровъ и любящихъ ее бабу и сестру и забывъ свой полъ и свое, не особенно сильное, здоровье, она сегодня весь день не сходитъ съ Зорьки, завтра мерзнуть въ ночной засадѣ, среди болотъ или въ лѣсной глуши? На походѣ, у переправъ черезъ рѣчки и ручьи, въ дождь и холодъ, у костра, и въ бессонныя ночи, гдѣ-нибудь въ овинѣ, или въ полуобгорѣлой, раскрытой избѣ, ее преслѣдовала одна завѣтная мечта—отплаты за любимаго человѣка... Въ минуты такого раздумья, тайкомъ отъ другихъ, Аврора вынимала съ груди крошечный медальонъ съ акварельнымъ, на слоновой кости, портретомъ Перовскаго и, покрывая его поцѣлуями, долго вглядывалась въ него. — «Милый, милый, гдѣ ты?—шептала она:—видишь ли ты свою, любящую тебя, Аврору?»—Въ эти мгновенія, ея облегченнымъ думамъ становилось понятно и ясно, зачѣмъ она здѣсь, въ лѣсу, или на распутьѣ замеченныхъ снѣгомъ дорогъ Литвы, а не у бабушки въ Ярцевѣ или въ Паншинѣ, и зачѣмъ на ней грубый казацкій чекмень, или бараний полунубокъ, а не шелковое, убранное кружевами и лентами, платье.

Картины недавняго, прошлаго счастья дразнили и мучили Аврору. Мысленно видя ихъ и наслаждалась ими, она не могла понять, что же именно ей, наконецъ, нужно и чего ей недостаетъ? Мучительнымъ сравненіямъ и сопоставленіямъ не было конца.—«Какъ мнѣ ни тяжело,—разсуждала она:—но все же у меня есть и защищающая меня отъ стужи одежда, и сносная пища, и свобода... А онъ, онъ, если и вправду живъ, ежечасно мучится... Боже! каждый мигъ ждатель гибели отъ разбитаго, озлобленнаго, бѣгущаго врага!..»

Аврора дремала на печи. Вдругъ ей показалось, что ее зовутъ. Она приподняла голову, стала слушать.

— Это я,—раздался у ея изголовья тихій голосъ мужика, лежавшаго на печи.

Въ избѣ нѣсколько какъ бы посвѣтлѣло. У плеча Авроры яснѣе обрисовалась широкая, окладистая борода бѣлорусса, его худое, благообразное лицо и добрые глаза, ласково смотрѣвшіе на нее. Постороннихъ, кромѣ ребенка, спавшаго на печи, не было въ избѣ.

— Панѣчку, а панѣчку!—обратился къ Аврорѣ, опершись на локоть, мужикъ:—а что я тебѣ скажу?

Аврора, присѣвъ, приготовилась его слушать.

— Отвѣть ты мнѣ,—спросилъ мужикъ:—грѣшно убивать?

— Кого?

— Человѣка... ёнъ вѣдь, хоть и врагъ, тоже чувствуетъ, съ душой.

— Во время войны, въ бою, не грѣшно,—отвѣтила Аврора, вспоминая церковную службу въ Чеплыгинѣ и воззваніе Св. Синода:—надо защищать родину, ея вѣру и честь.

— Убиваютъ же и не въ бою,—со вздохомъ проговорилъ мужикъ.

— Какъ?—спросила Аврора.

— А вотъ какъ. Мы изстари мельники,—произнесъ мужикъ:—перешли сюда изъ Сѣбежа,—землица тамъ скудна. Жили здѣсь тихо; только усѣ отняли эти ироды—хлѣбушко, усякую живность, свою и чужую муку; оставили, въ чемъ были. Одной кудели, оголтѣлые, не тронули, имъ на что? не слопаешь! И какъ прожили мы это, съ Успенья, не сказать... Отпустили они насъ маленько, а тутъ съ Кузьмы и Демьяна опять и пошли; видимо-невидимо, это якъ бросили Москву. Есть у насъ тоже мельникъ и мнѣ свать, Пѣтра. Добылъ онъ дѣтямъ у сосѣда-жидка дойную козу: пусть, молъ, хоть молочка попьютъ; и поѣхалъ это на-дняхъ сюда въ городъ, къ куму, за мучицей. Возвращается, полна хата гостей... Французы сидятъ округъ стола; въ печи огонь, а на столѣ горшки, зъ усякимъ варевомъ. Жена, сама не своя, мечется, служить имъ. Ну,—думаетъ Пѣтра,—порѣшили козу. А они завидѣли его, смѣются и его же давай угощать; сами, примѣчаетъ, пьянѣшеньки... Чтò же тутъ дѣлать? а у него никакого оружія.

Аврора при этомъ вспомнила о своемъ пистолетѣ и ощущала его на поясѣ подъ бешметомъ.

— Посидѣлъ онъ съ ними,—продолжалъ мужикъ:—и вызвалъ хозяйку въ сѣни. Спрашиваетъ, — коза? Она такъ и залилась слезами. А дѣти?—спрашиваетъ, и самъ плачетъ. Она указала на кудель въ сѣняхъ и говоритъ: я тута ихъ спрятала. Вытащилъ онъ ребятъ изъ-подъ кудели, посадилъ ихъ и жену въ санки, а самъ приперъ полѣномъ дверь, говоритъ хозяйкѣ—погоняй къ куму, да тутъ же запалилъ кудель и сталъ съ дубиной у окна. Полохнули сѣни, повалилъ дымъ. Французы загалдѣли, ломаются въ дверь, да не одолѣютъ, и полѣзли въ окна. Какой просунетъ голову,

Пётра его и долбанётъ... И недолго возились... Это вдругъ все затрещало, и сталь, о, Господи, одинъ, какъ есть, огненный столбъ... Это, скажи, грѣшно? накажутъ Пётру на томъ свѣтѣ?

— Богъ его, дѣдушка, видно, простить,—отвѣтила Аврора.

Опять настало молчаніе. Сверчокъ подъ лавкой также затихъ. Не было слышно ни собачьяго лая на дворѣ, ни шуршанья и возни таракановъ. Аврора прилегла и, закрывъ глаза, думала, скоро ли позоветъ Мосенчъ.

— Панѡчку, а панѡчку! — вдругъ опять послышался голосъ:—чтѡ я тебѣ скажу?

— Говори, дѣдушка.

— За насильниковъ Богъ, може, простить; а какъ ёнъ тебя не трогаль?

Аврора слушала.

— Было, охъ, и со мною,—продолжалъ мужикъ:—встрѣль я онѣ, идучи сюда, глазъ-на-глазъ, одного ихняго окаяника-солдата; шель онъ полемъ, пѣшь; вижу, отсталъ отъ своихъ, ну, и хромаль; мы пошли съ нимъ рядомъ. Онъ все что-то лощче по-своему и показывае на ротъ, голодный—моль; а при боку сабля и въ рукахъ мушкетъ. Думаю, сколько ты, скурвинъ сынъ, загубилъ душъ!

Мужикъ замолчалъ.

— Съли мы, — продолжалъ онъ: — я ему далъ сухарь, смотрю на него, а онъ ѣсть. И надумаль я, — вырваль у него, будто въ шутку, мушкетъ; вижу, помертвѣль, а самъ смѣтается... хочеть смѣхомъ разжалобить... Ну, думаю, Богъ тебѣ судья! показаль ему этакъ-то рукою въ поле, будто кто идетъ; онъ обернулся, а я ему тутъ, о, Господи! въ спину и стрѣльнулъ...

Мужикъ смолкъ. Молчала и Аврора.

— Грѣшно это?—спросилъ мужикъ.

Аврора не отвѣчала. Ей вспомнилось пепелище Москвы, Дѣвичье поле и мѣсто казней Даву. — «И чтѡ ему нужно отъ меня?—думала она,— не все ли равно? теперь все погбло и все кончено... пусть же погибнуть и они».—Въ избѣ стало еще свѣтлѣе; за окнами во дворѣ слышался говоръ и двигались люди.

— А я, панѡкъ, потому въ Ошмяны, — началъ-было, не слыша Авроры, мужикъ: — сюда, сказываютъ, идетъ генераль Платовъ съ казаками... и я...

Онъ не договорилъ. Дверь изъ сѣней отворилась. Въ избѣ вошелъ Мосейчъ. Осмотрѣвшись и разглядѣвъ Аврору, а возлѣ нея мужика, онъ остановился.

— Не бойся, это нашъ, — сказала Аврора, спустясь съ печи и идя за Мосейчемъ въ сѣни:—что новаго?

— Ъдемъ; они ждутъ своего Бонапарта.

— Гдѣ?

— Здѣсь.

— Ты почему знаешь?

— Все толкуютъ «анперёръ!» и указываютъ на дорогу...

— Вывози санки; еще успѣемъ доскакать къ нашимъ.

Мосейчъ пошелъ за лошадей. Аврора вышла за ворота. Блѣдное утро едва начиналось; улица у постоялаго двора была уже, однако, полна народа. Всѣ, въ нѣкоторомъ смущеніи, ждали Наполеона, опоздавашаго, по росписанію, болѣе, чѣмъ на три часа.

XLIV.

Бургомистръ и другіе, назначенные отъ французовъ, начальники города стояли впереди и, не спуская глазъ съ дороги на городскомъ выгонѣ, сдержанно разговаривали. Народъ, евреи и уличные мальчишки напирали сзади или, взобравшись на заборы и крыши сосѣднихъ дворовъ, глядѣли оттуда на выстроившійся конный отрядъ.

«Да, теперь уже несомнѣнно, ждутъ самого Наполеона, — подумала Аврора, — гонять его наши!»

Ей вспомнился этотъ Наполеонъ, на картинкѣ, убивающій оленя.

Она, пробравшись ближе къ конвою, узнала по голосу сидѣвшаго впереди другихъ, на сѣрой лошади, итальянскаго майора, котораго вечеромъ близъ нея называли Лані и который, какъ она убѣдилась изъ его словъ, быть готовъ посягнуть на жизнь Наполеона. Статный и смуглый, съ густыми черными бакенами, майоръ мрачно съ сѣдла смотрѣлъ въ ту сторону, куда были направлены взоры остальныхъ. Его глаза, какъ ей показалось, горѣли ненавистью и злобой; нижняя часть лица, стянутого перевязью каски, судорожно вздрагивала.

— Такъ это — герцогъ Виченцскій, а не императоръ?— спросилъ его стоявшій съ нимъ рядомъ другой французскій офицеръ.

— Терпѣніе! можетъ-быть, и онъ, — сухо отвѣтилъ Лані.

«О, если бы это былъ Наполеонъ! — подумала Аврора, отыскивая глазами Мосенча, — не струсъ этотъ офицеръ, бросься онъ въ это мгновеніе на ожидаемаго злодѣя, и общимъ бѣдствіямъ конецъ, міръ былъ бы спасенъ»...

Толпа, стоявшая у постоялаго двора, мѣшала Мосенчу выѣхать изъ воротъ. Онъ, показывая это знаками Аврорѣ, выжидалъ, пока народъ отодвинется. Аврора протиснулась еще далѣе и впереди кавалеристовъ увидѣла заготовленные для ожидаемыхъ путниковъ двѣ четверни лошадей, съ разриженными въ перья и въ ленты почтарями.

— Я узналъ, это не императоръ, а Коленкуръ, онъ ѣдетъ курьеромъ въ Парижъ! — сказала кто-то изъ конвоя вблизи Авроры: — стоило изъ-за того мерзнуть!

Вдругъ толпа заволновалась и двинулась впередъ. Тѣснимая напиравшими отъ забора, Аврора оглянулась на Мосенча. Того уже не было у воротъ. Съ мыслью: «гдѣ же онъ? надо ѣхать, дать знать нашимъ!» — Аврора взглянула вдоль улицы. Въ красноватомъ отблескѣ зари, на бѣлой, снѣговой полянѣ выгона показались двѣ черныя двигавшіяся точки. Ближе и ближе. Впереди скакалъ верховой. Сталь виденъ нырявшій по ухабамъ, круглый, со стеклами, возокъ, за нимъ — крытыя сани. Форейторы, прилегая къ шеямъ измучившихся, взмыленныхъ лошадей, махали бичами. Послышалась труба скакавшаго впереди вѣстового.

Тысячи мыслей съ неимовѣрною быстротою пролетали въ головѣ Авроры. Ей припомнились слова старосты Клима о французахъ, засыпанныхъ въ колодцѣ, признанія мужика-бѣлорусса о подоженной избѣ и убитомъ голодномъ французскомъ солдатѣ. Аврорѣ казалось, что она сама, въ эти мгновенія, вынуждена и должна что-то сдѣлать, немедленно и безповоротно предпринять, а что именно — она не могла дать себѣ отчета. — «Насильникъ, насильникъ, — шептала она: — надругался надъ всѣмъ, чтò дорого и свято намъ... отвѣтишь!» — Чувствуя непонятную, ужасающую торжественность минуты, она видѣла, какъ въ толпѣ народа, еще недавно встрѣчавшаго Наполеона восторженными криками, всѣ смотрѣли на него молча, съ испуганно-смущенными лицами. При этомъ она съ удивленіемъ примѣтила, что и статный, за мгновеніе мрачный и грозный, майоръ вдругъ какъ-то преобразился и, вытянувшись съ почтительною преданностью на лицѣ, салютовалъ шпагою подѣзжавшему

возку.—«Струсиль!»—подумала съ горькою усмѣшкой Аврора. Она разглядѣла въ толгѣ благообразное и печально-недоумѣвающее лицо мужика, говорившаго ей за нѣсколько минутъ на печи: «панѡчку, а панѡчку, а что я тебѣ скажу?»

Посеребранный инеемъ, съ потертымъ волчьимъ мѣхомъ на окнахъ, возокъ въ этотъ мигъ подкатилъ къ постоянному двору и остановился у заготовленной смѣны лошадей.—«Герцогъ Виченцскій, или самъ императоръ?»—съ дрожью взглядываясь въ возокъ, подумала Аврора. Прямо передъ нею, въ окно возка, обрисовалось оливковое, съ покраснѣвшимъ лицомъ и гнѣвными, красивыми глазами, лицо Наполеона. Аврора тотчасъ узнала его.—«Такъ вотъ онъ, плебей-цезарь, коронованный солдатъ!»—сказала она себѣ, видя, какъ важный и толстый, съ шарфомъ черезъ плечо и съ совершенно растерянными глазами, бургомистръ, подойдя къ каретѣ, сталъ, съ низкими поклонами, ломаннымъ французскимъ языкомъ говорить что-то просительное и жалобное, а ближайшіе къ нему горожане даже опустили рядомъ съ нимъ на колѣни. Почтари иззябшими, дрожащими руками наскоро отпрягли прежнихъ и впрягли новыхъ лошадей. Новый конвой, съ майоромъ Лапѣ во главѣ, молодецки строился впереди и сзади экипажа.

— *Eh bien, pourquoi ne partons nous pas?*—(что же мы не ѣдемъ?)—громко спросилъ Наполеонъ, съ досадою высунувшись изъ колымажки и не обращая вниманія ни на бургомистра, ни на его рѣчь. Толпа, разглядѣвъ ближе императора, стояла въ томъ же мрачномъ безмолвіи. Офицеры метались, почтари торопливо сажались на козлы и на лошадей.

Аврорѣ мгновенно вспомнилось ея дѣтство, деревня дяди, бѣгущая собака и крики—«бѣшенная, спасите!»—«Да, вотъ что мнѣ нужно! вотъ гдѣ выходъ!»—съ непонятною для себя и радостною рѣшимостью, вдругъ сказала себѣ Аврора:—и неужели не казнятъ злодѣя?.. Базиль! храни тебя Господь... а я...»

Она, перекрестясь, опустила руку подъ бешиметъ, рванулась изъ-за тѣхъ, кто тѣснился къ экипажамъ, выхватила изъ-подъ полы пистолетъ и взвела курокъ. Бургомистръ въ это мгновеніе крикнулъ—вивать! Толпа, кинувшись за отъѣзжавшимъ возкомъ, также закричала. Наполеонъ небрежно-разсѣянно посмотрѣлъ къ сторонѣ толпы. Его попрежнему недовольные глаза на мгновеніе встрѣтились съ глазами

Авроры.—«А! видишь меня? Знай же»... — подумала она и выстрѣлила. Клубъ дыма поднялся передъ нею и мѣшалъ ей видѣть, удаченъ ли былъ ея выстрѣлъ. Она судорожно бросилась впередъ, обгоняя толпу. Ей мучительно хотѣлось узнать, чѣмъ кончилось дѣло. Но отъѣзжавшій конвой, по командѣ майора, полуоборотясь, направилъ дула карабиновъ въ ту сторону, гдѣ, заглушенный криками толпы, слышался пистолетный выстрѣлъ и гдѣ бѣжалъ въ бешметѣ невысокій и худенькій шляхтичъ. Раздался громкій залпъ другихъ выстрѣловъ. Въ толпѣ повалилось нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ выстрѣлившій въ императора шляхтичъ. Онъ, точно споткнувшись о что-нибудь и распластавъ руки, упалъ ничкомъ и не двигался.

— Фанатикъ? — спросилъ, зѣвнувъ, Наполеонъ, усаживаясь глубже въ подушки возка.

— Какой-нибудь сумасшедшій! — отвѣтилъ Коленкуръ, поднимая окно возка.

Толпа, увидѣвъ трупы, въ безумномъ страхѣ бросилась по улицамъ. Одни запирались въ своихъ домахъ; другіе спѣшили уйти изъ города. Урядникъ Мосеичъ, оттертый толпой, усиль въ общемъ переполохѣ доѣхать переулкомъ до выгона, дождалъ юнкера, подумалъ, что тотъ, по неосторожности, попалъ въ плѣнъ, и, причесавъ за мельницами и огородами, поскакалъ къ лѣсу.

Оставшійся за смѣною итальянскій конвой оцѣпилъ постоялый дворъ и улицу. Изъ толпы было схвачено нѣсколько человѣкъ; арестовали и хозяина постоялаго двора. Имъ стали дѣлать допросъ. Тѣла убитыхъ внесли подъ навѣсъ сарая. Между ними былъ и мельникъ-литвинъ. Полуоборотясь къ мертвой Аврорѣ, онъ лежалъ съ открытыми глазами и, какъ недавно, будто шепталъ ей:

— Паночку, а паночку!.. что я тебѣ скажу?

Мосеичъ достигъ лѣса, куда незадолго передъ тѣмъ явился съ своимъ отрядомъ и Сеславинъ. Оба партизана бросились съ двухъ сторонъ на Ошмяны. Итальянскій конвой былъ захваченъ. Фигнеръ узналъ о смерти Крама. Ругаясь, кусая себѣ руки и проклиная неудачу, онъ рѣшилъ тутъ же перестрѣлять арестованныхъ. Сеславинъ воспротивился, говоря, что выгоднѣе всѣхъ взять въ плѣнъ и отъ нихъ доузнать о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ непріятеля.

— Ну, и возись съ ними, пока на тебя же не наскочатъ другіе!—сказаль Фигнеръ:—охъ, ужъ эти нѣженки, идеологи.

— Да чѣмъ же идеологи?—спросиль, вспыхнувъ, Сеславинъ:—вамъ бы все крови.

— А вамъ сидѣть бы только въ кабинетѣ, да составлять сладкіе и чувствительные законы, — кричалъ Фигнеръ: — а эти законы первый ловкій разбойникъ бросить послѣ васъ въ печь.

Сеславинъ сталъ-было снова возражать. Но раздосадованный Фигнеръ, не слушая его, крикнулъ своей командѣ строиться, сѣлъ на коня и поскакалъ за городъ, въ перерѣзъ, по виленской дорогѣ.

Сеславинъ освободилъ корчмаря, разыскалъ помощника бургомистра и, пока его команда, развьючивъ лошадей, кормила ихъ и наскоро сама закусывала, распорядился похоронами убитыхъ.

— Слышалъ?—спросиль адъютанта Сеславина пожилой, съ сѣдыми усами, гусарскій ротмистръ, выйдя изъ постоялаго, гдѣ закусывали остальные офицеры.

— Чтò такое?

— Убитый - то ординарецъ Фигнера, ну, этотъ юнкеръ Крамъ, какъ его звали, вѣдь оказался женщиной!

— Что ты?—удивилса адъютантъ.

— Ей-Богу. Синтянину первому сказали, а онъ — Александрю Никитичу.

Адъютантъ Сеславина, Квашининъ, мѣсяць тому назадъ, подъ Краснымъ, поступившій въ партизаны, обомлѣлъ при этихъ словахъ.

«Крамъ, Крамалин! Ясно какъ день! — сказалъ себѣ Квашининъ:—и я не догадался ранѣе!»

Ему вспомнилось, какъ онъ, въ вечеръ вступленія французовъ въ Москву, обѣщаль Перовскому отыскать домъ его невѣсты, Крамалиной, какъ онъ его нашелъ и получилъ отъ дворника записку этой дѣвушки и, съ цѣлью отдать ее при первой встрѣчѣ Перовскому, не разставался съ нею. Пораженный услышанною вѣстью, онъ безъ памяти бросился въ избу, куда, между тѣмъ, въ ожиданіи погребенія, перенесли убитыхъ.

— Да-съ, господа, женщина и притомъ такая героиня!—произнесъ, стоя у тѣла Авроры, Сеславинъ: — теперь она покойница, тайны нѣтъ. Ея жизнь, какъ говорятъ, романъ...

когда-нибудь онъ раскроется. А пока на ней найденъ зотъ этотъ, съ портретомъ, медальонъ... Вѣроятно, изображеніе ея милого.

Офицеры стали разсматривать портретъ.

— Боже! такъ и есть... это—Василій Перовскій!—вскрикнулъ, вглядываясь въ портретъ, Квашнинъ.

— Какой Перовскій? — спросилъ Сеславинъ.

— Бывшій, какъ и я въ началѣ, адъютантъ Милорадовича; мы съ нимъ отъ Бородина шли вплоть до Москвы... онъ на прощанье повѣдалъ мнѣ о своей страсти.

— Такъ вы его знаете?

— Какъ не знать!

— Гдѣ же онъ?

— Попалъ, очевидно, какъ и я, въ то время, въ плѣнъ, а живъ ли и гдѣ именно, — неизвѣстно.

— Ну, такъ какъ вы его знаете, — сказалъ Сеславинъ: — вотъ вамъ этотъ медальонъ — сохраните его. Если Перовскій живъ и вы когда-нибудь увидите его, отдайте ему... А теперь, господа, на коней и въ путь.

Партизанскій отрядъ Сеславина двинулся также по виленской дорогѣ. Квашнинъ при отъѣздѣ отрѣзалъ у Авроры прядь волосъ и, отирая слезы, спрягалъ ихъ съ медальономъ за лацканъ мундира.

«Какое совпаденіе! Такъ вотъ гдѣ ей пришлось кончить жизнь! — мыслилъ онъ, миновавъ Опмяны и снова съ отрядомъ въѣзжая въ придорожный лѣсъ: — думалъ ли Перовскій, думалъ ли я, что его невѣстѣ, этой московской милой барышнѣ, танцовавшей прошлую весною на тамошнихъ балахъ, любимицѣ семьи, придется погибнуть въ литовской трущобѣ?.. Никто ее здѣсь не знаетъ, никто не пожалѣетъ, и родная рука не броситъ ей на безвѣстную могилу и горсти мерзлой земли».

Слезы катились изъ глазъ Квашнина, и онъ не помнилъ, какъ сидѣлъ на конѣ и какъ двигался, среди товарищей, но безконечному, дремучему лѣсу, охватившему его со всѣхъ сторонъ. Всадники ѣхали молча. Косматыя ели и сосны, усыпанные снѣгомъ, казались Квашнину мрачными факельщиками, а партизанскій отрядъ, съ каркающими и перелетающими надъ нимъ воронами, — безъ конца двигающеюся траурною процессіей.

XLV.

Наполеонъ проѣхалъ Вильну въ Екатерининъ день, 24 ноября, а русскую границу — 26 ноября, въ день св. Георгія. Эту границу императоръ французовъ проѣхалъ въ томъ же жидовско-шляхетскомъ возкѣ, въ которомъ по немъ былъ сдѣланъ неудачный выстрѣлъ въ Опшянахъ.

Подпрыгивая на ухабахъ въ этомъ возкѣ, Наполеонъ съ досадою вспоминалъ торжественную прокламацію, изданную имъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, при вступленіи въ невѣдомую для него въ то время Россію.

«Мои народы, мои союзники, мои друзья!—вѣщалъ тогда міру новый могучій Цезарь:—Россія увлечена рокомъ. Потомки Чингисъ-хана зовутъ насъ на бой, — тѣмъ лучше; развѣ мы уже не воины Аустерлица? Впередъ! покажемъ силу Франціи, перейдемъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи; отбросимъ эту новую, дикую орду въ прежнее ея отечество, въ Азію».

Теперь Наполеонъ, вспоминая эти выраженія, только подергивалъ плечами и молча хмурился. Его мыслей не покидалъ образъ сожженной Москвы и его вынужденный, позорный выходъ изъ ея грозныхъ развалинъ.

«Зато будетъ меня помнить этотъ дикій, надолго истребленный городъ! — разсуждалъ Наполеонъ, убѣждая себя, что онъ и никто другой — сжегъ Москву».

Его путь у границы лежалъ по кочковатому, замерзшему болоту. На одномъ изъ толчковъ возокъ вдругъ такъ подбросило, что императоръ стукнулся шапкой о верхъ кузова и, если бы не ухватился за сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Коленкура, его выбросило бы въ распахнувшуюся дверку.

— Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ!—съ горькою улыбкой сказалъ при этомъ Наполеонъ слова, повторенныя имъ потомъ въ Варшавѣ и ставшія съ тѣхъ поръ историческими: — знаете, Коленкуръ, чтò мы такое теперь?

— Вы — тотъ же великій императоръ, а я — вашъ вѣрный министръ, — поспѣшилъ отвѣтить ловкій придворный.

— Нѣтъ, мой другъ, мы въ эту минуту — жалкіе, вытолкнутые за порогъ фортуной, проигравшіеся до новаго счастья, авантюристы!

А въ то время какъ, не поспѣвая за убѣгавшимъ Наполеономъ и падая отъ голода и страшной стужи, шли остатки

его еще недавно бойких и грозных легионовъ, въ русскихъ отрядахъ, которые безъ устали преслѣдовали ихъ и добивали, все ликовало и радовалось.

Въ пограничныхъ городахъ и мѣстечкахъ, куда, по пятамъ французовъ, вступали русскіе полки и батареи, шло непрерывное веселье и кутежи. Полковые хоры пѣли: «Громъ побѣды раздавайся!» Жида-факторы, еще на-дняхъ увѣрявшіе французовъ, что всѣ предметы продовольствія у нихъ истощены, доставляли къ услугамъ тѣхъ, кто теперь оказывался побѣдителемъ, все, что угодно. Точно изъ-подъ земли, въ городскихъ трактирахъ, кавѣрняхъ и даже въ мѣстечковыхъ корчмахъ появились въ изобиліи не только всякіе съѣстные припасы, но даже рѣдкія и тонкія вина. Стали хлопать пробки Кликд; полился гдѣ-то добытый и родной «шпунецъ» — донское-цымлянское. Офицеры-стихотворцы, вспоминая петербургскія шурушки въ рестораціи Тардива, слагали распѣваемые потомъ во всѣхъ полкахъ и ротахъ сатирическіе куплеты на французовъ:

Пускай Тардивъ
Въ компотъ изъ сливъ
Мадеру подливаетъ;
А Бонапартъ,
Съ колодой картъ,
Одинъ въ пасьянсъ играетъ...

Ободренные удачей, солдаты не отставали въ дѣлѣ сочинительства отъ начальниковъ. — «Всѣ кузни исходилъ, не кованъ воротился!» — трунили пѣхотинцы надъ гибнущими французами. — «Ай, донцы-молодцы!» — гремѣли на походѣ пляшущіе, съ бубнами и тарелками, солдатскіе хоры. У границы вся русская армія весело пѣла на морозѣ общую, гдѣ-то и къмъ-то сложенную, пѣсню:

За горами, за долами,
Бонапартъ, съ плясунами,
Вздумалъ равень стать...

Сожжённая въ нашествіе французовъ Москва стала понемногу оживать.

Первый ударъ колокола, послѣ пятинедѣльнаго молчанія, вслѣдъ за выходомъ французовъ изъ города, раздался на церкви Петра и Павла, въ Замоскворѣчьи. Его сперва робкій, потомъ торжественно-громкій звонъ слышали другія, уцѣлѣвшія, ближнія и дальнія колокольни и стали ему вто-

рять. Народъ, съ радостнымъ умиленіемъ, бросился въ церкви. Преосвященный Августинъ, войдя въ очищенный отъ вражескаго святотатства Архангельскій соборъ, воскликнулъ: «Да воскреснетъ Богъ» и запѣлъ съ причтомъ: «Христосъ воскрес!»

Молва объ освобожденіи Москвы быстро облетѣла окрестности. Въ городъ хлынули всякаго рода рабочіе, плотники, каменщики, столяры, штукатуры и маляры; за ними явились мелкіе, а потомъ и крупныя торговцы. Толковали, что въ первую недѣлю пожаровъ въ Москвѣ сгорѣло, по счету полиціи, до восьми тысячъ домовъ; всего же, за пять недѣль, сгорѣло около тридцати тысячъ зданій и осталось въ цѣлости не болѣе тысячи домовъ. Изъ подгороднихъ деревень стали подвозить лѣсъ для построекъ, припрятанные съѣстные припасы и всякій, изъ Москвы же увезенный, товаръ. Хозяева сожженныхъ, разрушенныхъ и ограбленныхъ домовъ занялись возобновленіемъ и поправкой истребленныхъ и попорченныхъ зданій. Застучалъ, среди пустынныхъ еще улицъ, топоръ, зазвенѣла пила. Цѣны на вновь подвезенные жизненные припасы сильно вздорожали.

— За этоть-то хлѣбушко, — и полтину? — шамкая, говорила продавцу столько времени голодавшая, въ какомъ-то подвалѣ, старушенка: — да гдѣ же это выдаю? христородавцы вы, что ли?

— А тебя за языкъ нешто канатомъ тянутъ? — презрительно отвѣчалъ, постукивая на холодѣ ногой о ногу, кулакъ-продавецъ: — хочь — бери, хочь — нѣтъ... не придушили французы, и за то, бабушка, Богу благодарствуй!

Княгиня Шелешпанская съ правнукомъ на зиму осталась въ Паншинѣ. Ксенію съ мужемъ она отпустила въ Москву, поручивъ имъ осмотрѣть ея пепелище, у Патриаршихъ прудовъ, и озаботиться возведеніемъ на немъ новаго дома. Снабженные деньгами изъ доходовъ княгини, Тренины прибыли въ Москву въ концѣ декабря и съ трудомъ добыли себѣ помѣщеніе, изъ двухъ комнатъ, у кого-то изъ знакомыхъ, въ уцѣлѣвшемъ отъ пожара домишкѣ, на Плющихѣ. Илья Борисовичъ вскорѣ нашелъ подрядчиковъ, заключилъ съ ними условіе и, хотя деньги сильно упали въ цѣнѣ, — рубль ходилъ за четвертакъ, — занялся постройкой. Служба въ сенатѣ еще не начиналась. Съѣхавшіеся чиновники приводили въ порядокъ дѣла, выброшенные францу-

зами изъ сенатскихъ зданій и уцѣлѣвшія отъ костровъ. Стали снова выходить въ свѣтъ возстановленные изъ-подъ пепла *Московскія Вѣдомости*; возвратились въ Москву графъ Раstopчинъ и патриотъ-журналистъ Сергѣй Глинка, и снова появились среди москвичей разные жуиры, карточные игроки, аферисты, трактирные кутилы и покровители клубовъ и цыганокъ.

На письма Тропининыхъ къ знакомымъ, и служившимъ въ арміи и въ штабѣ Кутузова, благополучна ли и гдѣ находится Аврора, отвѣтовъ не получалось, такъ какъ русскія войска вскорѣ миновали границу и, влѣдъ за французами, вступили въ Германію. Государь, по слухамъ, выѣхалъ въ Вильну, день въ день, черезъ полгода послѣ своего выѣзда изъ нея, при занятіи ея французами.

О Перовскомъ долго не было никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Возвратившійся Раstopчинъ утѣшилъ, наконецъ, Илью извѣстіемъ, что министръ народнаго просвѣщенія, графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, какимъ-то путемъ, черезъ Англію, вошелъ въ переписку съ Талейраномъ и надѣялся вскорѣ получить точныя справки о задержанномъ въ плѣну адъютантѣ Милорадовича, Василии Перовскомъ. Раstopчинъ отрекался тогда, въ виду свѣжаго пепелища, отъ сожженія Москвы, затѣвая статью: «*Правда о московскомъ пожарѣ*», которую остряки называли потомъ «*Неправдою*», и пр.

Въ началѣ весны 1813 года, Тропининъ получилъ отъ одного изъ смоленскихъ знакомыхъ письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что недавно былъ въ Рославлѣ и узналъ, что въ окрестностяхъ этого города, у помѣщицы Микѣшиной, проживаетъ, спасенный ею отъ партизанскаго костра, плѣнный Шарль Богёзъ, извѣстный москвичамъ подъ фамиліей эмигранта Жерамба. Въ благодарность своей спасительницѣ, онъ, когда-то учившійся въ Италіи живописи, хотя и съ отмороженными ногами и въ чахоткѣ, нарисовалъ масляными красками портретъ ея мужа, бѣжавшаго изъ плѣна въ Смоленскѣ, незадолго до вторичнаго вступленія туда Наполеона. По словамъ Жерамба, онъ видѣлъ Перовскаго въ Москвѣ, въ день вступленія туда французовъ, но о дальнѣйшей его судьбѣ ничего не зналъ.

Тропининъ, въ три мѣсяца, на обгорѣломъ каменномъ фундаментѣ успѣлъ выстроить новый деревянный, помѣстительный домъ и хлопоталъ о возведеніи къ веснѣ времен-

ныхъ службъ. Ъзда ежедневно на постройку, съ Плющихи на Патріаршіе пруды, онъ направлялся напрямикъ, снѣговыми дорожками, черезъ сожжѣнные и еще неогороженные дворы Брошной и другихъ смежныхъ улицъ, стараясь угадать и представить себѣ очертанія недавно еще стоявшихъ тутъ и безслѣдно исчезнувшихъ зданій. Извозчичьи санки мчались теперь въ сумерки по мѣстамъ, гдѣ какихъ-нибудь полгода назадъ, въ стоявшихъ здѣсь уютныхъ и красивыхъ домахъ, въ званые вечера, весело гремѣла музыка, пары танцующихъ носились въ вальсѣ и котильонѣ и гдѣ все жило безопасно и мирно. Теперь тутъ на обнаженныхъ, покрытыхъ снѣжными сугробами пустыряхъ, раздавался у церквей и лавокъ лишь стукъ ночныхъ сторожей, да бѣгали стаями и выли голодные бродячія собаки.

Разоренное семисотлѣтнее гнѣздо, мало-по-малу, собирая своихъ разлетѣвшихся обитателей, опять ладилось, чистилось, прибиралось и оживало къ новой долготѣтней, безпечной, мирной жизни. И стали здѣсь опять цеголихи рядиться и выѣзжать; мужчины посѣщать обновленный клубъ и цыганокъ; молодежь влюбляться и свататься; дѣвицы выходить замужъ: Лѣкаря, купцы, модистки и акушерки стали опять зарабатывать, какъ и прежде.

Наступилъ 1814 годъ.

Отгоргнутый такъ долго отъ родины и близкихъ, Базиль Перовскій все еще находился въ числѣ плѣнныхъ, уведенныхъ французами изъ Россіи и Германіи. Плѣнныхъ, и въ первое время, содержали очень строго. Когда же пронеслась вѣсть о наступленіи на Францію шедшихъ за русскою арміею съ криками à Paris! à Paris! союзниковъ императора Александра Павловича, ихъ подвергали всяческимъ лишеніямъ и, въ предупрежденіе сношеній съ иностранцами, постоянно переводили съ мѣста на мѣсто.

Было начало февраля. Отрядъ плѣнныхъ, въ которомъ находился Базиль, вышелъ, подъ охраной мѣстнаго гарнизона, изъ Орлеана въ Блуа и далѣе въ Туръ. Плѣнныхъ вели на западъ отъ Парижа, къ которому стремительно близились союзники.

Отрядъ шель берегомъ Луары. Погода стояла теплая и тихая. Солнце свѣтило привѣтливо. На южныхъ береговыхъ откосахъ пробивалась молодая трава. Съ разлившихся озеръ

и заводей Луары взлетали стаи утокъ и куликовъ. Берега рѣки начинали пестрѣть первыми вѣшними цвѣтами. Кудрявые, бѣлыя облачка весело бѣжали по празднично-синему небу.

Плѣнные подошли къ городку Божансѣ. Здѣсь стало вдругъ извѣстно, что близъ Орлеана, который они только-что оставили и отъ котораго отошли не болѣе двухъ переходовъ, показались русскіе, что Орлеанъ въ тотъ же день заняли казаки и что русскихъ вскорѣ ждуть и въ Божансѣ. Перовскій пришелъ въ неописанное волненіе. Плѣнныхъ торопливо повели далѣе. По выходѣ изъ Божансѣ, Базиль открылъ свои мысли другому русскому плѣнному, добродушному и болѣзненному штабсъ-ротмистру Сомову, все тосковавшему о двухлѣтней почти разлукѣ съ женой и дѣтьми. Послѣ долгихъ переговоровъ, онъ условился съ нимъ, выждалъ, пока отрядъ на первомъ вечернемъ привалѣ заснулъ, и оба они бѣжали обратно въ Орлеанъ.

Бѣглецы по пути встрѣтили подростка-пастуха и, увѣривъ его, что они — отсталые изъ партіи новобранцевъ, упросили его быть ихъ проводникомъ до города. Наполеоновскихъ конскриптовъ всѣ тогда жалѣли. — «Отсталые, или бѣглецы? какъ имъ не помочь?» — подумалъ подростокъ и повелъ ихъ виноградниками и лѣсами. Голодные, измученные бѣглецы, къ разсвѣту слѣдующаго дня, снова приблизились къ Орлеану и въ утреннихъ сумеркахъ, съ холма, радостно увидѣли городскіе фонари, догоравшіе на каменномъ мосту черезъ Луару.

— А далѣе, видите? — указалъ имъ за городъ проводникъ: — то биваки русскихъ! остерегайтесь!

Едва плѣнники двинулись, ихъ примѣтилъ стоявшій по сю сторону города французскій пикетъ. Они бросились въ рѣку, переплыли ее и скрылись въ смежномъ лѣсу. Стража, для очищенія совѣсти, дала по нимъ, въ полумгнѣ, залпъ изъ ружей.

Императоръ Александръ Павловичъ достигъ завѣтной цѣли. Онъ съ своими союзниками, пруссаками и австрійцами, разбивъ у воротъ Парижа послѣднихъ защитниковъ Наполеона, вступилъ въ сдающуюся ему на капитуляцію столицу Франціи. Непрошенный визитъ Наполеона въ Москву былъ оплаченъ визитомъ Александра въ Парижъ.

Русскій императоръ, 19 марта 1814 года, вѣхалъ въ Парижъ черезъ пантёнскія ворота и сенжермёнское предместье, верхомъ на свѣтло-сѣромъ конѣ, по имени Эклипсъ. Этотъ конь былъ ему подаренъ Коленкуромъ, въ бытность послѣдняго посломъ въ Петербургъ. Александръ, въ противоположность Наполеону, несъ съ собою миръ.

Французы восторженно сыпали бѣлыя розы и лиліи подъ ноги русскаго царя, ѣхавшаго по бульварамъ, въ сопровожденіи прусскаго короля и пышной, дотолѣ здѣсь невиданной свиты изъ тысячи офицеровъ и генераловъ разныхъ чиновъ и народностей. Зрители махали платками и кричали: — *Vive Alexandre, vivent les Russes!*

«Да неужели же это тѣ самые дикари, потомки полчищъ Чингисъ-хана, о которыхъ намъ твердили такіе ужасы?— удивленно спрашивали себя парижане и парижанки, разглядывая нарядные и молодцоватые русскіе полки, шедшіе по бульварамъ къ Елисейскимъ полямъ:—нѣтъ! это не татары пустыни! это наши спасители! *vivent les Russes! vive Alexandre! à bas le tyran!*»

Весело зажили русскіе въ Парижѣ. Начальство и офицеры посѣщали театры, кофейни, клубы и танцевальныя вечера. У дома Талейрана, гдѣ помѣстился императоръ Александръ, по цѣлымъ днямъ стояли толпы народа, встрѣчавшія и провожавшія русскаго царя радостными восклицаніями. У подъѣзда этого дома и на Елисейскихъ поляхъ, гдѣ расположилась бивакомъ русская гвардія, по ночамъ раздавались русскіе и нѣмецкіе оклики: «кто идетъ?» и «*weg da?*» Въ нѣмецкомъ лагерѣ, опорожня бочками плохое парижское пиво, восторженно кричали:—«*Vater Blücher, lebe!*» (Да здравствуетъ отецъ Блюхеръ!).

Французы изумлялись великодушію своихъ побѣдителей. Въ оперномъ театрѣ готовили аллегорическую пьесу: *Торжество Траяна*. Русскому губернатору Парижа, генералу Сакену, на каждомъ шагу дѣлали шумныя оваціи. Сенатъ голосовалъ лишеніе престола Наполеона и его династіи. Все русское входило въ большую моду.

XLVI.

Стоялъ теплый, ясный вечеръ. Въ небольшомъ парижскомъ ресторани, въ улицѣ Сентъ-Онорé, послѣ дружескаго, съ возліяніемъ, обѣда, засидѣлись вокругъ стола нѣсколько русскіхъ офицеровъ. Всѣ были довольны хорошими винами,

вкуснымъ обѣдомъ и собственнымъ отличнымъ настроеніемъ духа. Говорили, не переставая, объ испытанныхъ тревожныхъ походахъ, о сраженіяхъ въ Германіи и Франціи и о предстоявшемъ окончаніи войны. Собесѣдники угощали товарища, которому хотѣли этимъ оказать особенное вниманіе. Это былъ очень худой, курчавый и сильно загорѣлый, среднихъ лѣтъ полковникъ, въ казацкомъ кафтанѣ, съ трубкою въ рукѣ, нагайкою черезъ плечо и въ гусарской фуражкѣ.

Особаго хмеля въ присутствовавшихъ не замѣчалось. Они были просто счастливы и веселы. Между ними болѣе друтихъ говорилъ и, размахивая руками, то и дѣло смѣялся черноволосый, молодой офицеръ въ адъютантской формѣ. Заговорили о женщинахъ и о любви. Черноволосый офицеръ сталъ излагать свое мнѣніе и доказывалъ, что любовь — единственное, истинное и прочное блаженство на землѣ.

— А знаете, Квашинь, — обратился къ нему человекъ съ нагайкой, котораго присутствовавшие угощали: — я васъ давно слушаю... Вы такъ милы, но, извините, — увлекаетесь. По-моему, на свѣтѣ нѣтъ ничего прочно-существеннаго и положительнаго.

— Какъ такъ? — удивился, раздумавшійся и взъерошенный отъ волненія и собственныхъ рѣчей, Квашинь: — я отъ души скажу, — вы замѣчательный и храбрый офицеръ... кто теперь не знаетъ знаменитаго партизана Сеславина? — но вы ужь очень мрачно смотрите на жизнь, а женщинъ, извините и меня, вы совсѣмъ, повидимому, не знаете...

Сеславинъ улыбнулся.

— Ничуть, — сказали онъ: — все въ мірѣ — одиѣ грѣзы... По искреннему моему убѣжденію, — и это подтверждаютъ многіе умные люди, — все на свѣтѣ, — какъ бы это яснѣе выразить? — есть собственно... ничто.

«Гм! — подумалъ на это Квашинь, — твоему другу Фигнеру не удалось убить Наполеона, а тебѣ взять этого Наполеона въ плѣнъ живьемъ, вотъ ты и злобствуешь, хандрить!».

— Позвольте, однако, а герой нашихъ дней? — произнесъ онъ, подливая себѣ и товарищамъ вина: — я говорю о созданномъ могучею здѣшней революціей, величайшемъ, хотя теперь и несчастномъ, военномъ геніи... И онъ тоже мечта? Этотъ человекъ былъ причиной бородинской битвы, боя гигантовъ, а Бородино вызвало появленіе русскихъ съ Дона, Оки и Невы — гдѣ же? — въ столицѣ міра, въ Парижѣ...

— Эхъ вы, юноша, юноша!—сказалъ Сеславинъ:—вы съ похвалою упомянули о здѣшней революціи. А знаете ли, что она такое?

Сказавъ это, Сеславинъ, какъ бы раздумавъ продолжать, молча сталъ набивать табакомъ свою пожелтѣвшую, прокуренную пѣнковую трубку, которую онъ, въ честь прославленнаго прусскаго генерала, назвалъ Блюхеромъ.

— Говорите, говорите!—воскликнули прочіе собесѣдники, сдвигаясь ближе къ Сеславиному.

— Ничего въ жизни я такъ не презиралъ и ненавидѣлъ, какъ спекулянтовъ на счетъ человѣческаго блага,—произнесъ Сеславинъ:—а главные спекулянты пока на этотъ счетъ—французы... Не прыгайте и не машите руками, Квашнинъ; не стыжусь я этого мнѣнія, какъ и того, что обо мнѣ и о покойномъ Фигнерѣ плели столько небылицъ.

— Ахъ, Боже мой, что вы!—отвѣтилъ Квашнинъ:—я ничего ни о васъ, ни о немъ и не говорилъ дурного.

— Разберите здѣшнихъ, излюбленныхъ мудрецовъ,—продолжалъ Сеславинъ, потягивая дымъ изъ своего Блюхера:—сентиментальные съ виду сегодня, хотя вчера кровожадные въ душѣ, какъ тигры, эти прославленные герои революціи, съ мадригалами на устахъ, съ посошкомъ въ рукѣ и съ полевыми ландышами на шляпѣ, недавно еще звали своихъ соотечественниковъ, а за ними и весь міръ, — то-есть и васъ, Квашнинъ, да и меня, — въ новую Аркадію, — пасти овечекъ и мирно наслаждаться сельскимъ воздухомъ, у ручейка, питаясь медомъ и молокомъ. А чѣмъ тогда же кончили? Маратомъ и Робеспьеромъ, всеобщю гильотиной, казнью родного короля и коронованіемъ ловкаго и грубаго, загадавшего ихъ, солдата, да притомъ еще и не француза, а корсиканца.

— Въ чемъ же, по вашему, истинное счастье на землѣ?—спросилъ пожилой и высокій подполковникъ, изъ штабныхъ, Синтянинъ, о которомъ товарищи говорили, что онъ, во время войны, почувствовалъ призваніе къ поэзіи и сталъ, какъ партизанъ Давыдовъ, писать стихи:—въ чемъ прочныя радости на землѣ?

— Въ любви!—не выдержавъ, опять вскрикнулъ Квашнинъ:—что можетъ быть выше истинной, чистой страсти?..

— Счастья нѣтъ на свѣтѣ,—повторилъ Сеславинъ:—вы лучше спросите меня, въ чемъ главные муки въ жизни?

— Говорите, мы слушаемъ,—отозвались голоса.

— Я объясню примѣромъ,—сказала Сеславинъ:—графъ Растопчинъ зналъ въ молодости одну, нынѣ уже старую и, вѣроятно, покойную, московскую барыню. Онъ однажды, при мнѣ, о ней выразился, что Данте, въ своемъ *Адѣ*, забылъ отвести для подобныхъ лицъ особое, весьма важное отдѣленіе.

Сеславинъ разсказалъ уже извѣстную острогу графа о грѣшницахъ, которыя мучатся сознаниемъ того, что пропустили въ жизни случай безнаказанно согрѣшить, по оплошности, трусости или простотѣ.

Дружный хохотъ слушателей покрылъ слова разсказчика.

— Не смѣйтесь, однако, господа,—заклучилъ Сеславинъ:—боль тайныхъ душевныхъ мукъ ближе всего понятна тому, кто испыталъ особенно жестокою насмѣшку судьбы... кто, какъ бѣдный, утонувшій въ Эльбѣ, нашъ товарищъ Фигнеръ, вызывался лично, глазъ-на-глазъ, избавить міръ отъ все-свѣтнаго изверга, имѣлъ къ тому случай и этого не достигъ...

Сеславинъ смолкъ. Замолчали и остальные собесѣдники.

— А могу ли я, Александръ Никитичъ, узнать, кто это растопчинская барыня? — спросилъ, подмигивая другимъ, Квашнинъ.

— Дѣло было давно,—отвѣтилъ Сеславинъ:—когда я, въ одинъ изъ отпусковъ, гостилъ въ Москвѣ, у родныхъ, гдѣ бывалъ Растопчинъ... Повторяю, этой особы, повидимому, уже нѣтъ на свѣтѣ, и ее здѣсь, вѣроятно, не знаютъ. Это—княгиня Шелепшанская.

— Какъ? она? — удивился Квашнинъ: — да вѣдь это — бабка покойнаго партизана вашего отряда, дѣвицы Крамалиной. Въ ея домѣ, у Патріаршихъ прудовъ, я былъ въ день занятія французами Москвы; помните, когда я было попалъ въ плѣнъ? А Крамалина, господа, вы, разумѣется, слышали, неудачно стрѣляла по Наполеону въ Ошмянахъ и при этомъ убита.

Тѣмъ, кто не зпалъ подробностей объ этомъ событіи, Квашнинъ разсказалъ объ Аврорѣ и о Перовскомъ.

— Перовскій? — спросилъ, въ свой чередъ, подполковникъ Синтянинъ: — постоитъ, да вѣдь онъ живъ!.. именно живъ!

— Живъ Василій Перовскій? — вскрикнулъ, блѣднѣя, Квашнинъ.

— Да, я видѣлъ нашего Сомова,—отвѣтилъ Синтянинъ:— онъ съ нимъ, здѣсь уже, бѣжалъ изъ Орлеана, и оба вчера явились въ Парижъ, измученные, полуживые.

— Вы не ошибаетесь?—спросилъ, не вѣря своимъ ушамъ, Квашиничъ.

— Нисколько... Да вотъ чтó... вы знаете, гдѣ бивакъ нашего полка?

— Знаю, знаю.

— Ну, и отлично... спросите тамъ штабсъ-ротмистра Сомова; онъ тоже, повторю, былъ въ плѣну, и его теперь у насъ пріютили... онъ васъ проведетъ къ Перовскому. Какъ же, и я знаю этого Перовскаго; мнѣ и ему напиш докторъ Миртовъ, наканунѣ бородинскаго боя, какъ теперь помню, доказывалъ, что лучше умереть сразу, въ битвѣ, чѣмъ мучиться и потомъ умереть въ госпиталѣ.

— А самъ Миртовъ, кстати, живъ?—спросилъ кто-то.

— Живъ, но полтора года валялся въ разныхъ больницахъ; все просилъ отрѣзать ему ноги, однако выздоровѣлъ, догналъ армію уже на Рейнѣ, и опять у него своя отличная палатка съ походною перинкой, чайникъ и къ услугамъ всѣхъ пушишъ... Одно горе: такой красавецъ, жуиръ, а ходить на костыляхъ.

Квашиничъ, дослушавъ Синтянина, бросился въ слезахъ ему на шею, на радости обнялъ и прочихъ, въ томъ числѣ и Сеславина, смотрѣвшаго на него теперь съ ласковою, снисходительною улыбкой, выскочилъ на улицу и стремглавъ пустился къ биваку русской гвардіи, на Елисейскія поля.

«Боже мой,—думалъ онъ:—я увижу, наконецъ, его... Но какъ ему сообщить печальную, тяжкую вѣсть? какъ передать? У меня, неразлучно на груди, ея записочка, волосы и портретъ ея жениха... Бѣдный! А сколько времени онъ ожидалъ этой свободы и своего возврата, мечталъ увидѣть ее, обнять! Говорить ли? убить ли страшную истиную чловѣка, который теперь счастливъ своею любовью и надеждами, счастливъ всѣмъ тѣмъ, чему, какъ сейчасъ безпощадно увѣряли меня, имя—ничто? Нѣтъ, пусть онъ узнастъ! Пусть образъ погибшей, любимой и его любившей женщины свѣтитъ ему, въ остальной жизни, тихую, хотя и недосыгаемую, путеводную звѣздой».

Квашиничъ отыскалъ Сомова и, по его указанію, отправился въ переулочъ, у Елисейскихъ полей. Здѣсь онъ во-

шелъ въ небольшой дворъ, окруженный развѣспстыми каштанами. Сквозь деревья видѣлся невысокій, подъ черепицей, уютный навильонъ, гдѣ было отведено помѣщеніе тремъ больнымъ русскимъ офицерамъ. Двое изъ нихъ, по словамъ привратника, ушли передъ вечеромъ прогуляться въ городъ, третій особенно, повидимому, недомогавшій, былъ дома.

Квашиницъ, мимо хозяйскихъ покоевъ, робко приблизился къ двери изъ сѣней налѣво и постучалъ. Ему отвѣтили: «entrez, — войдите». Онъ отворилъ дверь въ небольшую, опрятно-прибранную комнату.

Заходившее солнце привѣтливо освѣщало въ этой комнатѣ столъ съ разбросанными газетами, два простыхъ стула и кровать подъ бѣлымъ, чистымъ одѣяломъ. На кровати видѣлся, въ штатскомъ платьѣ, очевидно, съ чужого плеча, худой и блѣдный, съ густо-отрослею черною бородою, незнакомый человекъ. Онъ полулежалъ, опершись на подушки и глядя въ раскрытую передъ нимъ газету. Увидѣвъ гостя, незнакомецъ медленно поднялся, шагнулъ къ двери и замеръ. Въ его строгихъ, сухо-удивленныхъ глазахъ, Квашинину вдругъ блеснуло нѣчто близкое, гдѣ-то и когда-то имъ видѣнное.

— Неужели Квашиницъ?—тихо спросилъ, боясь обознаться и внутренно радуясь, незнакомецъ.

— А вы... неужели Перовскій? — спросилъ, едва помня себя, Квашиницъ.

Гость и хозяинъ бросились въ объятія другъ-друга.

— Голубчикъ, ахъ, голубчикъ! — твердилъ, глотая слезы и удивляя ими растеряннаго Перовскаго, Квашиницъ: — не вѣрьте! жизнь — радость! Она выше всего, выше всякаго горя!

Онъ передалъ Перовскому о судьбѣ Авроры.

XLVII.

Прошло много времени, прошло сорокъ лѣтъ.

Быль 1853 годъ.

Русскій отрядъ направлялся въ третій, со времени Петра Великаго, рѣшительный походъ въ Среднюю Азію. Во главѣ отряда шелъ военный генералъ-губернаторъ оренбургскаго края, шестидесятилѣтній, еще бодрый на видъ, но уже съ слабымъ здоровьемъ, страдавшій одышкой, генералъ-адъютантъ, вскорѣ затѣвъ графъ, Василій Алексѣевичъ Перов-

скій. Въ его отрядѣ находились молоденькій, блѣлокурый и еще безусый офицеръ, въ адъютантской формѣ, какъ говорили, крестникъ генераль-губернатора. Послѣдній, довѣряя ему часть своей переписки, оказывалъ ему особое расположеніе. Это былъ внукъ Ксенія, Павелъ Николаевичъ Тропининъ. Недавно изъ кадетскаго корпуса, онъ былъ тайно влюбленъ гдѣ-то въ Москвѣ и, состоя при начальникѣ отряда, съ нетерпѣніемъ ждалъ конца экспедиціи, чтобы ѣхать и жениться на любимой дѣвушкѣ.

Среди невзгодъ и тягостей похода, командиръ отряда, окончивъ съ текущими приѣмами и распоряженіями, любилъ бесѣдовать съ юношей-крестникомъ о судьбахъ дикой пустыни, по которой они въ это время шли и въ глубинѣ которой, сто двадцать пять лѣтъ назадъ, разбитымъ и покореннымъ хивинскимъ ханомъ былъ такъ предательски перерѣзанъ весь русскій отрядъ князя Бековича-Черкаскаго.

Подъ войлочной кибиткой, у спасительнаго самовара, старымъ командиромъ отряда нерѣдко дѣлались поминки о болѣе близкой порѣ, — великой эпопее двѣнадцатаго года, когда разказчику пришлось выпести тяжелый плѣнь. Въ сѣдоусомъ, суровомъ, а иногда даже деспотически-желчномъ генераль-адъютантѣ, всегда сосредоточенномъ, сдержанномъ и, большею частью, молчаливомъ, — въ эти мгновенія, пробуждался образъ всѣми забытаго, нѣкогда молодого, говорливаго и юношески-откровеннаго Базилія Перовскаго. Оставшійся по смерти холостымъ, онъ любилъ вспоминать немногихъ, удѣлѣвшихъ своихъ сослуживцевъ и пріятелей двѣнадцатаго года, и диктовалъ крестнику задумчивыми письмами къ нимъ въ Россію.

— Неисчерпаемая, великая эпопея! — говорилъ, вспоминая двѣнадцатый годъ, Перовскій: — станетъ на много лѣтъ и на много разказовъ. И, какъ подумаешь, голубчикъ Павликъ, все это нѣкогда было и жило; весь этотъ міръ двигался, радовался, любилъ, наслаждался, пѣлъ, танцевалъ и плакалъ. Всѣ эти, незнакомые новому времени, но когда-то близкіе намъ весельчаки и печальники, счастливые и несчастные, имѣли свое утро, свой полдень и вечеръ. Теперь они, въ большинствѣ, поглощены смертію... И намъ, старымъ караульщикамъ, отрадно заглянуть въ эту ночь и помянуть добрымъ словомъ почившихъ подъ ея завѣсой... Дорогіе, далекіе покойники!

Но не всѣхъ бывшихъ пріятелей одинаково поминалъ въ душѣ Перовскій. Никому незримая и невѣдомая, глубокая сердечная рана жгла его и сушила вѣчною, несмолкаемою болью. Эту рану и эти страданія знали только немногіе. ближайшіе его друзья, въ томъ числѣ старый его сослуживецъ, «пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» — Жуковский. Послѣдній посвятилъ когда-то Василю Алексѣевичу Перовскому трогательное посланіе:

«Я вижу—молодость твоя
Въ прекрасномъ цвѣтѣ умраеть,
И страсть, убійца бытія,
Тебя безмолвно убиваетъ...

«Я часто на лицѣ твоёмъ
Ловлю души твоей движенья;
Болѣзнь любви—безъ утоленья—
Изображается на немъ».

Перовскій часто вспоминалъ ту, которую онъ полюбилъ въ лучшіе жизненные годы и которую, изъ-за любви къ нему, погибла. Укоры совѣсти онъ не смѣлъ срывать накрутомъ, а подчасъ и жестокомъ исполненіи долга: быть безпощаденъ къ измѣнѣ и разстрѣливалъ предателей такъ же спокойно, какъ когда-то его самого хотѣлъ разстрѣлять Даву.

28 іюля 1853 года, послѣ неимоверныхъ усилій, была взята штурмомъ кокандская крѣпость Акмечеть, названная въ послѣдствіи фортомъ — *Перовскій*. Путь въ Туркестанъ, Хиву, Бухару и позже къ Мерву былъ проложенъ.

Однажды вечеромъ, Павелъ Тропининъ, въ кибиткѣ главнокомандующаго, передъ этою крѣпостью, сказалъ своему крестному, что въ минувшую зиму, ѣдучи на курьерскихъ, по его вызову, оренбургскою степью, онъ едва не замерзъ и спасся отъ смерти только благодаря сибирскому оленьему тулуну и русскимъ валенкамъ.

— Валенкамъ? — спросилъ Перовскій: — дѣло знакомое... И меня, въ двѣнадцатомъ году, такъ наслаи валенки... И представь мою радость, — товарищъ мой плѣну, великодушно ссудившій меня этою обувью, живъ и здравствуетъ донинѣ.

— Кто же это? — спросилъ Павликовъ.

— Бывшій крѣпостной одной гвардіи. Онъ тогда, ранѣе меня, бѣжалъ изъ плѣна и прямо на Волгу, въ плавни; назвался другимъ именемъ, остался тамъ и торгуетъ рыбой въ Самарѣ.

— Въ Самарѣ?—вотъ бы повидать, какъ поѣду назадъ.

— Что же, отыщи его. Имя ему Семень Никодимычъ. Годъ назадъ онъ узналъ о моемъ назначеніи въ Оренбургъ и являлся, съ предложеніемъ подряда. Съдая бородача — по поясъ, женатъ, имѣеть внуковъ, сталъ раскольникомъ, начётчикъ и усердный богомолецъ, но подчасъ тотъ же, какимъ я его зналъ, живой, подвижной Сенька Кудінычъ, и даже не забылъ одной своей пѣсни, про сову, которую потѣшалъ измученныхъ французами плѣнныхъ. Онъ тогда былъ сосватанъ и, съ горя, смѣло-отчаянно бѣжалъ къ невѣстѣ.

— Сосватанъ? — спросилъ, залившись румянцемъ и мѣняясь въ лицѣ, Павликъ.

— Да, а что, развѣ?

Павликъ собрался съ духомъ. Занкаясь, онъ объявилъ графу, что и онъ женихъ, и просилъ у него благословенія и отпуска.

Перовскій откинулся на спинку складного стула, на которомъ сидѣлъ, и долго тосково смотрѣлъ на юношу.

— Что же, Павликъ, съ Богомъ! — проговорилъ онъ: — хотя я остался всю жизнь холостымъ, понимаю тебя... съ Богомъ! завтра же можешь ѣхать. А благословеніе я тебѣ дамъ особое!

Онъ обнялъ крестника.

— Ты не помнишь, разумѣется, своей бабки, Ксеніи Валерьяновны?—сказалъ онъ.

— Она умерла, когда мой отецъ еще не былъ женатъ, — отвѣтилъ Павлуша.

— Была еще у тебя прабабка, княгиня Шелешпанская; все боялась грозы, а умерла мирно, незамѣтно уснувъ въ креслѣ, за пассьянсомъ, въ своей деревнѣ, когда наши входили въ Парижъ.

— О ней что-то рассказывали.

— Ну, да... а что-то ты, что у нея была еще другая, незамужняя внучка, красавица Аврора? Знаешь ли? твой отецъ былъ похитивъ за нее, и ты ее слегка напоминаешь.

— Что-то, помнится, говорили и о ней, — отвѣтилъ Павлуша: — кажется, она была въ партизанахъ... и чѣмъ-то отличилась...

«Кажется! — подумалъ со вздохомъ Перовскій: — вотъ они, наши преданія и наша исторія...»

— Иди же, голубчикъ, съ Богомъ!—произнесъ онъ:—готовься, уѣдешь, а я кое-что тебѣ поищу...

Отпустивъ крестника, Перовскій на-глухо запахнулъ полы своей кибитки, зажегъ свѣчу, досталъ изъ чемодана небольшую, окованную серебромъ, походную шкатулку, раскрылъ ее и задумался. Въ отдѣльномъ, потайномъ ящичкѣ шкатулки, между особенно дорогими для него вещами, было нѣсколько засохшихъ цвѣтковъ сирени, пожелтѣвшихъ писемъ, въ бумажкѣ—прядь черныхъ женскихъ волосъ, образокъ въ серебрѣ и оброненный на послѣднемъ свиданіи платокъ Авроры. Перовскому, какъ живая, вспомнилась Аврора, Москва, домъ и садъ у Патріаршихъ прудовъ и послѣдняя встрѣча съ невѣстой. Онъ долго сидѣлъ надъ раскрытою шкатулкой, роня на эти цвѣты, волосы и письма горячія и искреннія слезы. — «Владычица моя, владычица!» — шептала онъ, покрывая поцѣлуями бранные остатки дорогой старины. Взявъ образокъ, онъ заперъ шкатулку и, оправясь, вышелъ изъ кибитки. Павликъ, дремя на циновкѣ, полулежалъ у входа.

— Ты еще здѣсь?—сказалъ, увидя его, Перовскій:—пойдемъ, прогуляемся.

Они миновали охранный пикетъ и мимо лагеря, вдоль сѣрыхъ, глиняныхъ стѣнъ только-что разгромленной крѣпости, направились по плоскому берегу Сыръ-Дарьи.

Душный, знойный вечеръ тяжело висѣлъ надъ пустынною равниной. Въ сумеркахъ кое-гдѣ желтѣли намѣты бродячаго песку. Вокругъ зеленоватыхъ, отражавшихъ звѣзды, горько-соленыхъ лужъ, какъ воспаленныя глазныя вѣки, краснѣли болотные липши, тощій камышъ и полынь. Высоко въ воздухъ что-то шуршало и двигалось. То, шелестя сухими крыльями, неслись на жалкіе остатки травъ и камышей безчисленныя, прожорливыя полчища саранчи. Перовскому припомнилось нашествіе Наполеона.

— Вотъ тебѣ мое благословеніе, — сказалъ онъ, надѣвая на шею крестника образокъ Покрова Божіей Матери: — я этому образу усердно когда-то молился въ походѣ... молись и ты.

Перовскій и Павелъ Тропининъ прошли еще нѣсколько шаговъ. Цѣлый міръ мучительныхъ и сладкихъ воспоминаній наполнялъ мысли Василя Алексѣевича.

— Ты счастливъ, ты сдѣлаешь къ невѣстѣ,—сказалъ Пе-

ровскій, снова остановясь и слушая надъ головою пролётъ шуравшихъ крыльями, воздушныхъ армій:—а мнѣ, по поводу твоего счастья, припомнилось одно сердечное горе; нѣ-которыхъ изъ прикосновенныхъ къ нему лицъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ, но мнѣ эта исторія особенно памятна и близка...

И Перовскій, бродя по песку, не называя именъ, рассказъ крестнику повѣсть любви своей и Авроры.

1885 г.

Оглавленіе.

ХІІІ ТОМА.

Сожженная Москва. Историческій ромаль.

	стр.
Часть первая. Нашествіе Наполеона І.	3
Часть вторая. Бѣгство французовъ.	115

F

24.137

f. 13-15